

ВОЖДЕНИЕ ВСЛЕПУЮ

ЕСЛИ ГОВОРIT МУЗА,
Я ЗАКРЫВАЮ ГЛАЗА И СЛУШАЮ.

РЭЙ БРЭДБЕРИ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР · ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

ВОЖДЕНИЕ
ВСЛЕПУЮ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Санкт-Петербург
ДОМИНО

ЭКСМО
Москва
2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 89

Ray Bradbury
DRIVING BLIND

Copyright © 1997 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Елены Петровой*

Составители серии
Александр Гузман, Александр Жикаренцев

Оформление серии *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен
Издательским домом «Домино»

Брэдбери Р.
Б 89   Вожделение вслепую : рассказы / Рэй Брэдбери ;
[пер. с англ. Е. Петровой]. — М. : Эксмо ; СПб. :
Домино, 2011. — 336 с. — (Интеллектуальный бес-
тселлер).

ISBN 978-5-699-46519-4

Устройство для уничтожения мусора обнаруживает
незаурядный аппетит...

Торговец новенькими «студебекерами» скрывает ли-
цо под черным капюшоном...

Киностудию маскируют под авиазавод, а авиазавод —
под киностудию в ожидании истощенного крика «Банзай!»...

Об этом и многом другом — в сборнике рассказов
выдающегося мастера чудес и романтики Рэя Брэдбери.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Петрова Е., перевод на русский
язык, примечания, 2011

© Оформление.

ООО «ИД «Домино», 2011

© Издание на русском языке.

ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-46519-4

*С безграничной любовью —
моим ранним внукам
Джулии, Клэр, Джорджи и Мэллори.*

*А также моим поздним внукам
Дэниелу, Кейси-Рэю, Сэмюелу и Теодору.*

Живите вечно!

Ночной поезд на Вавилон

Скорый поезд, раскачиваясь и подрагивая как пьяный, уносил Джеймса Крузо из Чикаго; проводник заглянул в бар, подмигнул ему и, шатаясь из стороны в сторону, побрел дальше. Джеймс Крузо прислушивался.

Шум, гам, крики.

Как бараны, подумал он, их стригут, а они блеют. Или как парашютисты, что сигают в пропасть без парашюта.

Он прищурился.

У стойки бара, взволнованные слепым предвкушением удачи, сгрудились пассажиры, так и напрашивающиеся, чтобы их обчистили, готовые по доброй воле лишиться хоть денег, хоть головы.

Попросту говоря, любители азартной игры.

Вот именно — любители, подумал Крузо и, встав из-за стола, нетвердым шагом двинулся вдоль стойки, чтобы заглянуть через плечо каждому из бизнесменов, которые вели себя как школяры, высыпавшие на большую перемену.

— Смотрите в оба! Открываем даму. Закрываем. Раз-два-три! Показывайте, где дама?

— Вот она! — раздался одинокий голос.

— Тыфу ты! — вскричал сдающий. — Последнюю сорочку проиграл! А ну, еще разок! Открыли, закрыли! Которая здесь дама?

Он даст им возможность, подумал Крузо, выиграть ровно два раза. А потом захлопнет ловушку.

— Вот она! — закричали все хором.

— Ну что ты скажешь! — воскликнул все тот же невидимый игрок. — Совсем меня раздели!

Крузо не мог удержаться, чтобы не посмотреть на этого разбитного шута.

Привстав на цыпочки, он развел в стороны чьи-то вздрагивающие плечи, ожидая неизвестно чего.

У человека, сидевшего за стойкой, не было ни кустистых бровей, ни напояженных усов. Из ноздрей и ушей не торчали пучки черных волос. Кости черепа не бугрились под кожей. Неброский светло-серый костюм; завязанный аккуратным узлом темно-серый галстук. Ногти — пусть неухоженные, но чистые. Подумать только! Скромный обыватель, невозмутимый, словно проигрывает не в карты, а в детское лото.

Все ясно, думал Крузо, пока шулер не торопясь тасовал колоду. Эта тщательность выдавала в нем беса, нацепившего маску ангела. Под костюмом-

тройкой прятался бледный призрак торговца мануфактурой.

— Остерегитесь, уважаемые! — Карты порхали у него в ладонях. — Не профукайте денежки!

Зрители, раззадорившись, приготовились бросать деньги в адский костер.

— Осади назад! Два четвертака — ставка высока!

Карты так и летали, словно сами по себе, а он обводил взглядом собравшихся, не обращая никакого внимания на колоду.

— Палец большой, где брат твой старшой? Что ж он невесел, головку-то повесил?

Все захохотали. Ну и шутник!

— Запутались, приятели? Растерялись? Неужели я и на этот раз пролечу?

— Да, да! — загалдела толпа.

— Черт! — Он заломил руки. — Черт! Где же красная дама? Давайте сначала!

— Нет, ни за что! Вот она, посредине! Открывай! Карта перевернулась.

— Вот так штука! — вырвалось у кого-то.

— Боюсь смотреть. — Шулер сидел зажмурившись. — Сколько я просадил?

— Нисколько, — донесся шепот.

— Нисколько? — вытаращился картежник.

Все взоры были устремлены на черную карту.

— Слава богу, — пробубнил игрок. — Я-то думал, вы меня обобрали до нитки!

Его пальцы поползли вправо и открыли еще одну черную карту, потом двинулись влево. Дама!

— Дьяволыщина! — выдохнул он. — Как она здесь оказалась? Слушайте, ребята, заберите свои деньги!

— Нет! Нет! — Каждый из проигравших отрицательно мотал головой. — С какой стати? Так уж вышло. Это просто...

— Ну ладно, раз вы настаиваете! Только больше не рискуйте!

Крузо закрыл глаза. Вот и все, подумал он. С этого момента остальные будут только проигрывать, делать ставки и снова проигрывать. Они вошли в раж.

— Вы уж простите, господа. Удачи вам! Ну-ка!

Крузо непроизвольно сжал кулаки. Сейчас ему было двенадцать лет, над верхней губой топорщились приклеенные усы, кругом толпились собравшиеся на его день рождения одноклассники, а он раскидывал «три листика». Смотрите, объявлял он, сейчас красная дама исчезнет! Мальчишки смеялись и галдели, а его руки так и мелькали, сгребая выигранные конфеты и тут же раздавая их обратно — по дружбе.

— Раз-два-три, не зевай, смотри!

Губы молча шептали забытую прибаутку, но голос был не его, голос принадлежал мошеннику, ко-

торый облегчал чужие бумажники и пересчитывал деньги под ночной стук колес.

— Опять продули? Ребята, завязывайте, а то жены вас убьют! Ну, так и быть. Туз пик, трефовый король, красная дама. Больше вы ее не увидите!

— Как бы не так! Вот же она!

Крузо отвернулся, заклиная себя: не прислушайся! Сядь за стол! Выпей! Забудь тот день рождения, забудь своих одноклассников. Да побыстрее!

Он успел сделать только один шаг.

— Вы, ребята, и так три раза кряду продули. Пора мне сматывать удочки, да и...

— Нет уж! Мы хотим отыгаться, черт побери. Сдавай!

Крузо резко развернулся, как от удара, и оказался среди общего безумия.

— Дама всегда лежит слева, — не удержался он.

Все головы повернулись в его сторону.

— Она все время была на одном и том же месте. — Крузо повысил голос.

— А вы кто такой, сэр? — Не глядя в его сторону, шулер сгребал карты.

— Лучший фокусник в классе.

— Это серьезно: лучший фокусник в классе! — Игрок перехлестывал карты.

Зрители расступились.

— Я умею раскидывать «три листика», — вырвалось у Крузо.

12 *Рэй Брэдбери*

— Поздравляю.

— Не стану вам мешать. Я только хотел, чтобы ни о чем не подозревающие люди...

Ни о чем не подозревающие люди начали тихо роптать.

— ...поняли, что в «три листика» можно обыграть кого угодно.

По-прежнему глядя куда-то вбок, шулер подбросил колоду на ладони.

— Ах, так? Ну что ж, умник, сдавай! Господа, делайте ставки. В игру вступает юниор. Следите за его руками.

Крузо похолодел. Карты лежали на стойке.

— Не робей, сынок. Бери колоду!

— У меня не всегда выходит, но я знаю, как это делается.

— Ха! — победно огляделся шулер. — Все слышали? Знаю, говорит, только не умею! Так, что ли?

У Крузо в горле застрял комок.

— Да, так. Но...

— Никаких «но»! Смотрите все! Сейчас безногий побежит кросс! Безрукий станет биться врукпашную! Милостивые господа, не желаете ли сменить лошадей... — он посмотрел в окно: за стеклом мелькали огни, — на полпути в Цинциннати?

Милостивые господа, уничтожая Крузо взглядами, бурчали что-то невразумительное.

— Сдавай! Покажи, как умеешь обирать бедных.

Крузо отдернул руки от колоды, как от раскаленного бруска.

— Стесняешься при мне разводить лохов на деньги? — спросил шулер.

Не в бровь, а в глаз! Заслышав эти нелестные для себя слова, лохи дружно загудели.

— Неужели вы не понимаете, к чему идет дело? — сказал Крузо.

— Мы-то все понимаем! — раздался гомон толпы. — Раз на раз не приходится. Тут выиграл, там проиграл. Иди-ка ты, откуда пришел.

Крузо видел, как тьма уносится в прошлое, а города растворяются в ночи.

— В чем вы меня обвиняете, сэр, да еще при свидетелях? — вопрошал Добропорядочный Игрок. — Может, я насильник? Или похабник?

— Нет, — ответил Крузо, перекрывая общий ропот. — Вы всего-навсего мошенник! — И шепотом добавил: — Передергиваете карты.

Картежник весь подался вперед под негодующие выкрики, град оскорблений и всплески ярости.

— Уж не хотите ли вы сказать, любезный, что колода крапленая? Меченая? Клейменная?

— На картах нет ни крапа, ни меток, ни клейм, — сказал Крузо. — Все, что требуется, — это ловкость рук, престижиджитация.

Силы небесные! Можно было подумать, он сказал «проституция»!

14 *Рэй Брэдбери*

Джеймса Крузо сверлили шесть пар глаз.

Он неловко взял в руки колоду:

— Карты не крапленые. Но вашими пальцами управляют не запястья, не локти; и вообще, всем управляет...

— Договаривай, любезный.

— Сердце, — в отчаянии закончил Крузо.

Шулер ухмыльнулся:

— Ну, это ты хватил! Тут тебе не любовное свидание над Ниагарским водопадом.

— Вот именно! — закричали со всех сторон.

Чужие лица окружили его стеной.

— Извините, — сказал Крузо, — я сегодня очень устал.

Помимо своей воли он развернулся и, раскачиваясь, как пьяный, вместе с поездом — слева направо, слева направо, — выбрался в коридор. При его появлении проводник начал сосредоточенно компостировать какой-то старый билет, роняя на пол снежинки конфетти.

— Сэр, можно вас на минуту? — позвал Крузо.

Проводник заинтересовался ночным видом из окна.

— Сэр, — повторил Крузо. — Взгляните вот туда.

С большой неохотой проводник устремил взор в сторону горстки пассажиров, которые по-прежнему галдели, окружив шулера, а тот внушал им надежду — и тут же исподтишка бил наотмашь.

— Развлекаются люди, — изрек проводник.

— Да нет же, сэр! Этих людей бессовестно обманывают, стригут, обирают...

— Беспокойства от них никакого, — не дослушал проводник. — Может, они справляют день рождения.

Крузо метнул быстрый взгляд в ту же сторону.

Там сбилось стадо буйволов, которые роптали на судьбу и жаждали попасть под ножницы стригалы.

— Чего изволите? — спросил проводник.

— Этого жулика надо вышвырнуть с поезда! Разве вы не видите, чем он занимается? Да ведь его дешевые трюки описаны даже в детских книжках!

Проводник наклонился к Джеймсу Крузо, чтобы проверить, не пахнет ли от него спиртным.

— Вы с ним знакомы, сэр? А его компания — ваши друзья-приятели?

— Нет, я просто... — выдохнул Крузо и тут же осекся. — Ах вот в чем дело! Как же до меня раньше не дошло! — Он вгляделся в непроницаемую физиономию проводника. — Эх, вы! — начал он, но продолжать не стал.

Вы с ним в сговоре, подумал он. На конечной станции разделите барыши!

— Погодите-ка, — сказал проводник.

Он вытащил из кармана маленькую черную книжечку и, посплюнув палец, начал ее листать.

— Так-так,— сказал он.— Названия-то какие, сплошь библейско-египетские. Мемфис, штат Теннесси. Каир, штат Иллинойс. О! Следующая остановка и того чище будет. Вавилон!

— Там вы собираетесь высадить этого картежника?

— Нет. Кое-кого другого.

— Вы не посмеете.

— Это почему же? — удивился проводник.

Крузо отвернулся и побрел прочь.

— Болван, идиот,— шептал он.— Когда ты научишься держать язык за зубами, кретин!

— Эй, господа, глядите сюда! — раззадорился шулер.— А мы ее вот так! Прыг-скок-кувырок! Вот это да! Ну и беда!

— Черт, проклятье, зараза,— раздалось вокруг.

— Что вы из себя строите? — вырвалось у Крузо.

— Хороший вопрос! — Картежник выпрямился, предоставив волчьей стае паяться в карты.— Угадай, где я буду завтра?

— В Южной Америке,— ответил Крузо.— Субсидировать какого-нибудь марионеточного диктатора.

— Неплохо,— кивнул шулер.— Следующая попытка.

— Или в карликовом европейском государстве, где маньяк-правитель держит при себе такого вот

шамана, который перекачивает для него деньги в швейцарский банк.

— Да ты, юноша, поэт! У меня при себе есть письмо от Кастро.— Рука шулера легла на сердце.— И от Ботлеса, и еще от Манделы из Южной Африки. Выбирай — не хочу. Итак.— Он посмотрел в окно, за которым бушевала гроза.— Укажи любой карман, по своему выбору: правый, левый, наружный, внутренний.— Картежник провел рукой по пиджаку.

— Правый,— сказал Крузо.

Игрок опустил руку в правый карман пиджака, извлек запечатанную колоду карт и подбросил ее на ладони.

— Вскрывай. Отлично. Можно потасовать, проверить. Что-то не так?

— Ну...

— Дай сюда.— Он забрал колоду.— Следующий кон сыграем другой колодой, по твоему выбору.

Крузо покачал головой:

— Фокус не в этом. Все зависит от того, как сдать и как открыть. Колода не играет роли.

— На твой выбор.

Крузо выбрал две десятки и красную даму.

— Порядок! — Карты легли одна поверх другой.— Где дама?

— В середине.

Шулер перевернул карту и расплылся в улыбке:

— А ты шустрый!

— Вы шустрее. В том-то вся и штука,— сказал Крузо.

— Гляди: здесь целый ворох десятков, так? Это ставки, которые только что сделали присутствующие здесь господа. Ты нам мешаешь. Хочешь сыграть — милости просим, не хочешь — тогда не встречай.

— Я не буду встречать.

— Ну, так и быть. Поехали! Вот она, голубушка. Дама тут, дама там, дама нам, дама вам. Заблудилась! Где она? Решили идти ва-банк, ребята? Кто будет тянуть? Все согласны?

Яростный шепот.

— Все,— откликнулся кто-то один.

— Нет, не все! — произнес Крузо.

Воздух содрогнулся от десятка проклятий.

— Эй, умник,— сказал шулер с ледяным спокойствием.— Не создавай помехи, а то люди могут потерять все, что у них есть!

— Мои помехи тут ни при чем,— сказал Крузо.— Карты-то в ваших руках.

Издевки. Брань.

— Давай дальше! Не тяни, черт побери!

— Как скажете.— Все еще придерживая три карты своими чистыми пальцами, шулер провожал глазами грозу.— Ты все испортил. Сбил их с толку.

Ты, и никто другой, нарушил равновесие, ауру, оболочку игры. Не обессудь, если мои друзья вышвырнут тебя из поезда, когда я открою карту.

— Они этого не сделают, — сказал Крузо.

Карта открылась.

Поезд с ревом тянулся сквозь потоки дождя и вспышки молний. Перед тем как захлопнуть дверь вагона, картежник подбросил сложенные веером карты в грозовой воздух. Листки вспорхнули, словно раненые голуби, и тут же облепили грудь и лицо Джеймса Крузо.

Вагон бизнес-класса, грохоча колесами, поплыл мимо; к окнам прижалось с десятков разъяренных лиц, кулаки молотили по стеклу.

Чемодан несколько раз перекувырнулся и замер.

Огни поезда скрылись из виду.

Крузо долго выжидал, а потом медленно наклонился, чтобы собрать карты. Пятьдесят две. Одну за другой.

Червонная дама. Еще одна. Снова червонная дама. И еще.

Опять дама...

Дама.

Сверкнула молния. Попади она прямо в него — он бы не почувствовал.

Шкура неубитого льва

— Ни фиги себе! Ексель-моксель, мать божья! — воскликнул Джерри Вулд.

— Вот этого не надо! — Его секретарша прекратила стучать по клавишам, чтобы подчистить опечатку в тексте сценария. — Я, между прочим, выросла в христианской семье.

— А я вырос на улицах Нью-Йорка, в Бронксе, — сказал Вулд, глядя в окно. — Да ты разуй глаза — смотри, что делается!

Секретарша подняла голову и увидела за окном то, что видел он.

— Перекрашивают студию в другой цвет. Это вроде бы первый павильон?

— Точно. Первый павильон, где мы в тридцать четвертом построили «Баунти» и дворец Марии Антуанетты, а в тридцать девятом — интерьеры Тары. Подумать только, что они вытворяют!

— Вроде даже номер хотят поменять.

— Если бы поменять! Они его просто закрашивают, черт их раздери! Первого номера больше нет. Ты глянь, в переулке топчутся работяги с пластиковыми трафаретами — прикидывают, не маловата ли будет надпись.

Выйдя из-за письменного стола, секретарша сняла очки, чтобы лучше видеть вдаль.

— Как странно — «ХЫ». Что еще за «ХЫ»?

— погоди, они не закончили. Видишь? Из палочки делают «Ю», так, что ли?

— Верно, получается «Ю». Спорим, я могу назвать все слово. «ХЫЮЗ»! Смотри-ка, что у них лежит на земле: длинный трафарет с буквами помельче. «Авиатехника»?

— Авиационный завод Хьюза, мать честная!

— С каких это пор мы выпускаем самолеты? Конечно, время сейчас военное, но все же...

— Какие, к дьяволу, самолеты? — вскричал, отвернувшись от окна, Джерри Вулд.

— Ага, значит, снимаем эпизоды воздушных боев?

— Какие, к чертям собачьим, воздушные бои?

— Ничего не понимаю...

— А ты нацепи очки да погляди. Думай головой! С чего бы эти прохвосты стали замазывать номер и выводить новое название, а? С какой радости? Мы не снимаем кино про авианосцы, не за-

нимаемся сборкой истребителей «пэ-тридцать восемь», не выпускаем... Проклятье! Нет, ты глянь!

В полуденном калифорнийском небе, прямо над крышей павильона, маячила какая-то тень.

Секретарша приложила ладонь козырьком.

— Ой, кажется, я с ума схожу, — вырвалось у нее.

— Не ты одна. Что теперь скажешь?

Она снова прищурилась.

— Воздушный шар? Аэростат заграждения?

— Вот именно! Наконец-то дошло!

Закрыв рот, секретарша внимательно рассмотрела серое воздушное чудовище и опустила на стул.

— По какому адресу отсылать письмо? — спросила она.

Джерри Вулд обернулся к ней со зверским выражением лица.

— Да пропади оно пропадом, это письмо — тут весь мир летит в тартарары! Ты что, не понимаешь, чем тут пахнет? Не понимаешь, что все это значит? Спрашиваю тебя: с чего бы «МГМ» стала прятаться за аэростатом? А вот, кстати, и второй прилетел! Парочкой ходят!

— Действительно, с чего бы это? Военных объектов здесь нет, бомбить с воздуха нечего. — Отпечатав еще несколько писем, она вдруг замерла и рассмеялась. — Что-то я сегодня туго соображаю! Мы сами и есть военный объект!

Она опять встала из-за стола и подошла к окну: трафарет был закреплен на стене первого павильона, и рабочие уже начали распылять краску из баллонов.

— Так и есть,— негромко сказала она.— Концерн «Хьюз». Авиатехника. Когда, интересно, новый владелец собирается сюда переезжать?

— Кто? Самодур Говард? Чудила Гоуи? Долбанный миллиардер Хьюз?

— Ну, можно и так сказать.

— Никуда он не собирается переезжать — прилип задницей к своему креслу и затихарился в трех милях отсюда. Сама посуди. Пораскинь мозгами. «МГМ» стоит в двух милях от тихоокеанского побережья, в двух кварталах от того места, где Лорел и Гарди в двадцать восьмом лавировали среди трамваев на своей колымаге. А в трех милях к северу от нас, но тоже в двух милях от океанского побережья, стоит...

Он умолк, предоставив ей догадаться.

— Авиационный завод Хьюза?

Закрыв глаза, он прижался горячим лбом к прохладному оконному стеклу.

— Умница, скушай конфетку.

— Ох, умру сейчас,— выдохнула она с облегчением.

— Не ты одна.

— Тот, кто перекрашивает здание и замазывает номер павильона, просто решил подстраховаться на случай воздушного налета или атаки подводных лодок со стороны Калвер-Сити: пусть, мол, япошки думают, будто Кларк Гейбл и Спенсер Трейси прыгают перед камерой в трех милях к северу, там, где на самом деле стоит авиационный завод Хьюза, а в это время у нас, на «МГМ», круглые сутки в поте лица собирают истребители!

Джерри Вулд, открыв глаза, стал разглядывать неопровержимые доказательства этой версии.

— Надо сказать, павильон действительно похож на ангар. Или ангар похож на павильон. Развешивай вывески на свой вкус — и добро пожаловать, японский друг. Банзай!

— Потрясающе! — воскликнула секретарша.

— Ты уволена, — сказал он.

— Что?

— Печатай письмо, я продиктую.

— Опять письмо?

— Мистеру Сиду Голдфарбу.

— Да ведь он сидит выше этажом.

— Ты не рассуждай, а печатай. Голдфарбу, Сиднею. Уважаемый Сид. Нет, зачеркни. Просто «Сид». У меня нет слов. Что, черт возьми, происходит? В восемь утра прихожу к себе в кабинет, который до сих пор находился в стенах студии «МГМ». Около

двенадцати спускаюсь в столовую — а там Хьюз тискает официанток. Кто додумался пустить его к нам?

— Вот именно, хотелось бы знать,— поддакнула секретарша.

— Ты уволена,— бросил Джерри Вулд.

— Диктуй дальше,— сказала секретарша.

— Уважаемый Сид. На чем я остановился? Ага, вот. Сид, почему нас не поставили в известность, когда планировался этот камуфляж? Помните старый розыгрыш? Нас всех отправили в дозор, объяснив, что по бульвару Калвер вот-вот поплывут айсберги, велели приходить с семьями, с братьями-сестрами — с родными и двоюродными. Сегодня этот гнусный айсберг уже здесь. На нем теннисные туфли и авиаторская кожанка; под усами прячется похотливая усмешка. Сидней, я отдал студии двенадцать лет и отказываюсь понимать... э-э-э... черт, закончи там как-нибудь. «С уважением». Нет, «с уважением» не надо. «С возмущением». Именно так: «с возмущением». Давай сюда, я подпишу.

Выхватив письмо из машинки, он занес авто-ручку.

— Отнеси наверх и швырни ему через порог.

— За такое письмо убить могут.

— Лучше быть убитым, чем уволенным.

Она не двигалась с места.

— Ну, в чем дело?

— Жду, пока ты остынешь. Скорее всего, через полчаса тебе захочется порвать это письмо на мелкие клочки.

— Я не остыну и не захочу порвать письмо. Ступай.

Но секретарша сидела в той же позе и в упор смотрела на Джерри Вулда, пока к нему не вернулся обычный цвет лица, а в углах рта не разгладились жесткие складки. После этого она спокойно сложила письмо и разорвала его раз, другой, третий, четвертый. Обрывки полетели в корзину для бумаг.

— Сколько раз за сегодняшний день я тебя уволил?

— Всего ничего — трижды.

— Еще один раз — и можешь подыскивать себе место. Соедини-ка меня с заводом Хьюза.

— Я все думаю: когда же до тебя...

— Ты не думай, а звони.

Она полистала телефонный справочник, подчеркнула нужный номер и подняла глаза:

— Кто конкретно тебе нужен?

— Господин миллиардер в теннисных туфлях и авиаторской кожанке.

— Неужели ты полагаешь, что он сам отвечает на звонки?

— А ты расстарайся.

Секретарша расстаралась: пока он стоял у окна и грыз ноготь, наблюдая за ходом работ, она вела какие-то переговоры.

— Убиться можно, — недоуменно сказала она через пару минут, прикрыв трубку ладонью. — Он у аппарата! Собственной персоной!

— Нашла время шутить! — огрызнулся Джерри Вулд.

Пожав плечами, она подвинула к нему телефон. Он схватил трубку.

— Алло, кто говорит? Как вы сказали? О, добрый день, Говард, то есть мистер Хьюз. Конечно. Вас беспокоит студия «МГМ». Кто я такой? Вулд. Джерри Вулд. Что-что? Вы и так расслышали? Вы смотрели «Возвращение на Бродвей»? И «Годы славы». Ах да, ведь вы стояли во главе студии «РКО», верно? Конечно, конечно. Видите ли, мистер Хьюз, у нас возникла небольшая проблема. Постараюсь изложить коротко и ясно.

Он умолк и подмигнул секретарше.

Та подмигнула ему в ответ. Голос на другом конце провода звучал ровно и вежливо.

— Неужели? — переспросил Джерри Вулд. — У вас тоже происходят перемены? Тогда вы догадываетесь о причине моего звонка, сэр. На стене первого павильона нашей студии появилась надпись «Хьюз», а теперь рабочие заканчивают слово

«авиатехника». Вас это радует? Да, смотрится великолепно. Я хотел спросить, Говард... мистер Хьюз: не могли бы вы сделать мне маленькое одолжение?

Говорите какое, невозмутимо произнес далекий голос.

— Мне вот что пришло в голову: на страже наших границ теперь не стоит Пол Ревир, и если сюда по воздуху или по морю нагрянут японцы, они увидят эти огромные буквы, что появились прямо у меня под окном, и забросают нашу студию бомбами, приняв ее за военный завод — собственность концерна «Хьюз». Блестящий ход, сэр, просто блестящий. Что-что? Всем ли на студии пришлось по нраву эта затея? Не могу сказать, чтобы сотрудники пустились в пляс от радости, но все оценили ваш потрясающий замысел. Итак, позвольте изложить суть вопроса. У меня сейчас дел невпроворот. Шесть картин в производстве, две — уже в монтажной, еще три вот-вот будут запущены. Мне позарез нужны нормальные условия для работы, вы согласны? Вот именно. Да. Совершенно верно. Понимаю, понимаю, в одном из ваших ангаров есть тихий уголок, где можно... Вы буквально читаете мои мысли. Как вы сказали? Да-да, сразу после обеда моя секретарша отнесет туда несколько папок. У вас есть пишущая машинка? Значит, свою можно не брать. Ей-богу, Го... мистер Хьюз, вы просто чудо. Тогда услу-

га за услугу: не желаете ли переехать в мой кабинет? Шучу, шучу. О'кей. Спасибо. Благодарю вас. Хорошо. Она уже идет к вам.

С этими словами он повесил трубку.

Секретарша испытующе смотрела на него, но не двигалась с места. Он отвернулся, чтобы избежать ее взгляда. Его лицо медленно заливалось краской.

— Ты уволен,— сказала она.

— Не гони волну,— сказал он.

Поднявшись со стула, секретарша собрала кое-какие бумаги, выудила из сумки косметичку и тщательно подкрасила губы. В дверях она остановилась.

— Вызови Ральфа и Джоуи, пусть захватят все материалы с верхней полки,— сказала она.— В первую очередь. Ну, ты готов?

— Одну минуту,— сказал он, не отходя от окна и все так же избегая встречаться с ней взглядом.

— А вдруг япошки обо всем догадаются и начнут бомбить настоящий завод Хьюза вместо камуфляжного?

— Иногда,— со вздохом выговорил Джерри Вулд,— не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

— Может, оставить записку Голдфарбу — вдруг он будет нас искать?

— Никаких записок. Позвонишь по телефону. Чтобы не оставлять улики.

Снаружи замаячила тень.

— Ага,— тихо сказал он.— Еще один. Уже третий аэростат.

— Как удивительно,— сказала секретарша.— Он похож на одного продюсера, у которого я когда-то работала.

— Ты уво...

Но она уже ушла. Дверь захлопнулась.

Привет, я ухожу

В дверь тихонько постучали. Когда Стив Ральфс вышел на порог, перед ним стоял Генри Гроссбок, ростом в пять футов и один дюйм, безусловно одетый, невозмутимый, очень бледный.

— Генри! — задохнулся Стив Ральфс.

— Почему такой тон? — упрекнул Генри Гроссбок. — Чем я провинился? И вообще, что у меня за вид? Куда я направляюсь?

— Входи, входи, тебя могут увидеть!

— Ну и что из этого?

— Да не стой же ты столбом, ради всего святого. Хватит пререкаться.

— Ладно уж, зайду, тем более что у меня к тебе есть разговор. Посторонись-ка. Ну вот, я вошел.

Стив Ральфс попятился в комнату и указал на кресло.

— Располагайся.

— Похоже, мне здесь не слишком рады. — Генри опустился в кресло. — Не найдется ли в этом доме чего-нибудь горячительного?

— Я как раз хотел предложить.— Стив Ральфс бросился в кухню и через минуту вернулся с подносом, на котором стояли два стакана, ведро со льдом и бутылка. Когда он разливал шотландское виски, у него заметно дрожали руки.

— Тебя трясет,— сказал Генри Гроссбок.— В чем дело?

— А то ты не знаешь! Догадайся сам. Вот, держи. Генри взял стакан.

— Куда столько?

— Тебе не повредит. Пей.

Они выпили, и Генри внимательно осмотрел рукава и лацканы своего пиджака.

— Ты так и не ответил, куда я иду,— напомнил он.— Или откуда? Этот костюм я надеваю крайне редко, разве что в дни концертов. Когда выходишь на сцену, хочется, говоря высоким штилем, снискать уважение почтенной публики. Отменный напиток. Спасибо. Ну, что скажешь?

Он сверлил Стива Ральфса немигающим, пронизательным взглядом.

Стив Ральфс залпом выпил полстакана и закрыл глаза.

— Генри, помилуй, ты уже побывал очень, очень далеко, но почему-то пришел обратно. Теперь ты обязан вернуться туда же.

— Где это «очень, очень далеко»? Прекрати говорить загадками!

Открыв глаза, Стив Ральфс ответил вопросом на вопрос:

— Как ты сюда попал? Приехал на автобусе, на такси, на попутной машине... или... шел пешком от самого кладбища?

— На автобусе? На такси? Пешком? При чем тут кладбище?

— Допивай виски. Генри, ты уже четыре года на кладбище.

— Не мели чепухи. Что мне там делать? Ни разу в жизни не подряжался... — Генри осекся и медленно утонул в кресле. — Ты хочешь сказать?..

Стив Ральфс кивнул:

— Да, Генри, это так.

— Выходит, я покойник? Четыре года лежу на кладбище? Почему же мне никто не сообщил?

— Покойнику затруднительно сообщить, что он умер.

— И то верно.

Генри опустошил стакан и потянулся за новой порцией. Стив Ральфс плеснул ему еще виски.

— Ну и дела, — протянул Генри Гроссбок. — Кто бы мог подумать. Вот, значит, почему меня больше не тянет нюхать зелье.

— Да, именно поэтому, Генри. Что-то я отстаю. — Стив Ральфс подлил себе виски и не раздумывая выпил.

— Вот, значит, почему ты так ошалел, увидев меня на пороге...

— Да, Генри, именно поэтому.

— Ну, извини. Честное слово, у меня и в мыслях не было...

— Не вставай, Генри. Сиди, раз уж пришел.

— Но в свете таких событий...

— Все нормально. Я в полном порядке. Даже в свете таких событий ты остаешься моим лучшим другом, и мне, не боюсь этого слова, радостно тебя видеть.

— Удивительно. Я ведь тоже не испугался, когда тебя увидел.

— Это разные вещи, Генри. То есть в каком-то смысле...

— Ты живой, а я — совсем наоборот, так? Все ясно. Привет, я ухожу.

— Как ты сказал?

— У Граучо Маркса была песня с таким названием.

— Ах да. Помню.

— Великолепный актер. Настоящий комик. Он еще выступает? Или тоже умер?

— Боюсь, что умер.

— А ты не бойся. Я, например, ничего не боюсь. Сам не знаю почему. Ну ладно. — Генри Гроссбок расправил плечи. — Давай ближе к делу.

— Разве у тебя ко мне есть дело?

— Я ведь сразу предупредил. Дело важное. Обойти его молчанием нельзя. Я глубоко потрясен.

— Вначале я тоже был потрясен, но спиртное творит чудеса. Не тяни, Генри, выкладывай.

— Тут такая штука... — заговорил Генри Гроссбок, торопливо прикончив второй стакан. — Жена от меня отдалилась.

— Это вполне естественно, Генри. У нее...

— Не перебивай. Поначалу она приходила ежедневно. То цветы принесет, то книжку рядом положит, то посидит-поплачет. И так день за днем. Потом через день. А теперь и вовсе не появляется. Как это понимать? Добавь-ка.

Стив Ральфс наклонил бутылку.

— Генри, четыре года — долгий срок...

— Не спорю. Но это ничто в сравнении с вечностью. Вечность — вот настоящая комедия.

— Неужели ты всерьез рассчитывал, что тебя будут развлекать вечно?

— Почему бы и нет? С Эвелиной скучать не приходилось. Меняла платья мне в угоду по два-три раза на дню. Не пропускала ни одного книжного магазина, покупала для меня последние новинки, читала вслух добрую старую классику, сама выбирала мне галстуки, даже чистила ботинки — уж как эмансипированные подружки ее за это шпыняли!

Словом, избаловала меня. Не скрою: хочу, чтобы меня и впредь окружали заботой.

— Так не бывает, Генри.

Поразмыслив, Генри Гроссбок мрачно кивнул и сделал пару глотков.

— Допустим, ты прав. Но это еще не самая большая неприятность.

— Что еще?

— Она перестала по мне плакать. Прежде лила слезы день и ночь: за завтраком — непременно, потом в два приема до обеда, потом перед ужином. Ляжет спать, выключит свет — и опять поплачет.

— Без тебя ей было тоскливо, Генри.

— А теперь тоска развеялась?

— Как говорится, время лечит старые раны.

— Нет, позволь, я не просил лечить эти раны. Меня все устраивало. Пусть бы вволю рыдала на рассвете, потом — можно вполсилы — часов этак в пять, и еще напоследок — ближе к ночи. Только нынче и этой малости не дождешься. На меня — ноль внимания.

— Это можно сравнить с медовым месяцем. Он ведь у вас с Эвелиной тоже закончился в положенный срок.

— Не скажи. Искры вспыхивали все сорок лет.

— Но ты понимаешь, о чем я говорю?

— Медовый месяц завершился. Жизнь кончена. То, что осталось, — уже не для меня. — Тут Ген-

ри Гроссбока осенило. Он резко опустил стакан. —
Погоди, не замешан ли здесь кто-то другой?

— Кто-то...

— ...другой! Нет ли у нее?..

— Да хоть бы и есть?

— Как она посмела?!

— Прошло четыре года, Генри, целых четыре года. Но она... поверь, у нее никого нет. Она до конца своих дней останется вдовой.

— Похоже на правду. Хорошо, что для начала я наведалься к тебе. Ты меня вразумил. Стало быть, она по-прежнему одинока и... нет, постой. Почему же она больше не плачет — ни ночью, ни утром?

— Только не делай вид, будто ты рассчитывал на неиссякаемый фонтан слез.

— Черт побери, мне этого очень недостает. Должна же у человека быть какая-то отдушина!

— Разве у тебя нет друзей... среди?.. — Стив Ральфс смутился, покраснел и добавил виски в оба стакана.

— Ты хотел сказать — «среди покойников»? От них толку не добьешься. Зануды. Словом перемолвиться не с кем.

— А ведь ты был бесподобным рассказчиком, Генри.

— Почему «был»? Я таким и остался, разве нет? А ты — самый благодарный слушатель.

— Рассказывай, Генри. Я тебя слушаю.

— Сдается мне, самое главное уже сказано. Она перестала ко мне приходить. Это плохо. Перестала плакать. Это еще хуже. Слезы — бальзам, который дает возможность... таким, как я... существовать дальше. Как ты думаешь, если я к ней наведаюсь, она будет по мне плакать, как прежде?

— Зачем тебе к ней навещаться?

— По-твоему, незачем?

— Ты ее только напугаешь. Это будет непростительно.

— От кого, скажи на милость, я должен ждать прощения?

— От меня, Генри. Я тебе этого не прощу.

— Да-а-а. Вот оно как. Ну-ну. Добрый совет от лучшего друга.

— Именно так, от лучшего друга.— Стив Ральфс подался вперед.— Ты ведь и сам хочешь, чтобы она справилась со своей бедой?

— Нет! Да. Нет. Тыфу ты, не знаю, что и сказать. Да, наверно, хочу.

— Не забывай: она по тебе скорбела и плакала изо дня в день почти четыре года.

— Я не забываю.— Генри Гроссбок покачал в руке свой стакан.— Что могла, она сделала. Наверное, пора ее отпустить.

— Это великодушный шаг.

— Нет во мне великодушия, не желаю быть великодушным, но, видно, придется. Уж очень я ее люблю, мою милую.

— Согласись, Генри, у нее впереди еще долгие годы жизни.

— И то верно. Вот дьяволыщина. Мужчины стареть не торопятся, а умирают раньше. Женщины стареют раньше, а умирать не торопятся. Чудно распорядился Господь. Какой в этом смысл?

— Вот Его и спроси. Ты же теперь у Него под боком.

— У кого? У Господа? Я, жалкий выскочка? Ну-ну. Скажешь тоже. Ммм...— Генри прихлебывал виски.— Ладно, решено. Только чем она будет заниматься? Разъезжать с кем попало в открытых лимузинах? Куда ей себя девать?

— Будет брать уроки танцев, Генри. Займется ваянием. Живописью.

— Она всегда об этом мечтала, только как-то все не складывалось. У меня то концерт, то прием для спонсоров, то сольное выступление, то лекции, то гастроли. У нее даже была присказка: куда спешить, всему свой срок.

— И этот срок настал, Генри.

— А я и не заметил, вот ведь как. Уроки танцев, говоришь? Ваяние? Разве у нее получится?

— Танцует она посредственно. А скульптуры делает просто превосходные.

— Похвальное увлечение. Или лучше сказать «повальное»? Так или иначе. Что ж, можно только порадоваться. Да-да, меня это радует. По крайней мере, хоть какое-то занятие. А мне самому что остается? Решать кроссворды.

— Почему кроссворды?

— А что, черт возьми, ты посоветуешь, в моем-то положении? К счастью, я помню наизусть все кроссворды, которые печатались в «Нью-Йорк таймс» и «Сэтердей Ревью», — и умные, и дурацкие. Да, кроссворды. Египетский фараон, известный своими сокровищами, десять букв. Тутанхамон. Одно из Великих озер, три буквы. Эри! Ну, это ерунда. А вот, например, пятнадцать букв — древняя столица в Средиземноморье. Тут надо пораскинуть мозгами! Константинополь.

— Имя из пяти букв. Свой в доску, лучший друг, образцовый муж, скрипач-виртуоз.

— Генри?

— Угадал. Это ты. — Стив Ральфс, улыбаясь, поднес к губам стакан.

— В таком случае мне остается только надеть шляпу и откланяться. Впрочем, я пришел без шляпы. Ну, не важно.

У Стива Ральфса вырвался какой-то сдавленный звук.

— Что это было? — забеспокоился Генри, наклонился к нему и прислушался.

— Не сдержал рыданий, Генри.

— Молодец! Мне уже лучше. Поверь, это согревает мое изболевшееся сердце. Будь добр...

— «...повторяй эту попытку хотя бы пару раз в неделю на протяжении следующего года». Я не ошибся?

— Мне, право, неловко...

— Постараюсь, Генри.— У Стива Ральфса опять застрял комок в горле. Он поспешил залить его глотком виски.— Знаешь, что мне пришло в голову? Позвоню-ка я Эвелине. Скажу, что пишу о тебе книгу и хочу получить твои дневники, записи, клюшки для гольфа, очки и прочие мелочи, а сам буду раз в неделю их перебирать и скорбеть о тебе. Не возражаешь?

— Да ты голова! Вот что значит настоящая дружба.— Генри Гроссбок просиял. На его щеках даже проступил румянец. Допив виски до последней капли, он поднялся с кресла.

У двери что-то заставило его обернуться и в упор посмотреть на Стива Ральфса.

— Святые угодники, неужели это слезы?

— А что же еще, Генри?

— Давай, давай. Уже лучше. До Эвелины, конечно, далеко, да и рыдания глуховаты. Но сойдет и так. Прими мою благодарность.

— Не говори глупостей, Генри.

— Ну, хорошего понемножку.— Генри отворил дверь.— До скорой встречи.

— Не будем торопить события, Генри.

— В каком смысле? Ах, вот ты о чем! Конечно не будем. Счастливо, дружище.

— И тебе счастливо, Генри.— Из горла того, кто помоложе, вырвался еще один подозрительный стон.

— Продолжай в том же духе,— улыбнулся Генри.— Чтобы я спокойно прошел по коридору. Ну, как говаривал Граучо Маркс...

С этими словами он исчез. Дверь захлопнулась.

Медленно подойдя к телефону, Стив Ральфс примостился на стуле и набрал номер.

На другом конце провода раздался щелчок; в трубке зазвучал голос.

Стив Ральфс утер глаза тыльной стороной ладони и, помолчав, произнес:

— Эвелина?

Дом разделившийся

Тонкие пальцы пятнадцатилетней девочки порхали над пуговицами брюк Криса, словно мотыльки, влекомые к огню. В темноте комнаты Крис слышал ее шепот, но ничего не значащие слова забывались, едва она успевала их произнести.

Губы Вивиан были удивительно нежными. Крису чудилось, будто все это — просто сон. В темноте разворачивалась невидимая ему пантомима. Вивиан сама погасила все светильники. Этот вечер начался так же, как и любой другой. Крис и его брат Лео поднялись на второй этаж вместе со своими двоюродными сестрами Вивиан и Ширли. Обе девочки были светловолосы и улыбчивы. Лео в свои шестнадцать оставался на редкость нескладным. Крису исполнилось двенадцать, и он ничего не знал о том, что в теплой пантомиме живут ночные мотыльки, равно как и о том, что у него внутри горит неведомый доселе огонь, к которому может потянуться девочка. Ширли было почти одиннадцать;

она отличалась невероятной любознательностью. Но главной заводилой выступала Вивиан, которая к своим пятнадцати годам уже кое-что смыслила в этой жизни.

Крис и Лео приехали на машине с родителями; оба хранили серьезный вид, как и подобало в таких серьезных обстоятельствах. Вслед за мамой и папой они молча вошли в дом Джонсонов на Баттрик-стрит, где уже собрались все родственники, застыв в молчаливом ожидании. Дядя Эйнар неотрывно глядел на телефон, а его большие руки, лежащие на коленях, сами собой подрагивали, как два неспокойных зверя.

У каждого из входящих возникало такое ощущение, будто он попал в больничный вестибюль. И все потому, что дядя Лестер был в крайне тяжелом состоянии. В любую минуту могли позвонить из больницы. Лестер отправился на охоту и получил ранение в живот; уже трое суток он лежал без сознания. Родственники хотели быть вместе, когда придет известие о кончине дяди Лестера. Его три сестры и двое братьев присутствовали со своими семьями.

Все разговаривали вполголоса; выждав для приличия какое-то время, Вивиан тихонько обратилась к матери:

— Мама, можно мы пойдем наверх, чтобы вам не мешать? Будем рассказывать страшные истории.

— Страшные истории,— пробормотал дядя Эйнар.— Самое подходящее занятие для такого слушателя. Страшные истории.

Мама Вивиан не возражала:

— Ступайте, только тихо. Чтобы никакого шума.

— Конечно, мэм,— пообещали Крис и Лео.

Они на цыпочках вышли из комнаты. Никто этого не заметил. Если бы по комнате проплыли четыре невидимых призрака, им бы уделили ровно столько же внимания.

Наверху, в комнате Вивиан, у стены стояла низкая кушетка, по стенам красовались репродукции с цветами, а на туалетном столике был разложен отрез розового жатого шелка на юбку. Здесь же был дневник в зеленом кожаном переплете, с заманчивой надписью, но при этом надежно защищенный маленьким замочком; на обложке виднелись следы пудры. В воздухе витал удивительно легкий и приятный запах.

Мальчики и девочки чопорно сели рядом на кушетку, прислонившись к стене прямыми, негнущимися спинами, и, как обычно, Вивиан первой начала рассказывать страшилку. Они погасили все лампы, кроме ночника, светившего совсем тускло, и Вивиан шепотом завела рассказ, который был у нее запрятан где-то глубоко, за округлившейся девичьей грудью.

Это была очень старая история о том, как поздней ночью, когда в небе холодными огоньками мигают звезды, ты лежишь в постели один-одинешенек, и вдруг на лестнице слышатся медленные шаги. Кто-то приближается к дверям спальни — какой-то жуткий незнакомец, зловещий гость из другого мира. И по ходу рассказа, медленно, шаг за шагом, шаг за шагом, голос рассказчика становится все более напряженным и пугающе тихим, а ты все ждешь и ждешь ужасающей развязки.

— Он крадучись поднялся на вторую ступеньку, взобрался на третью, ступил на четвертую...

Сердца юных слушателей уже тысячу раз трепетали в такт этой истории. Их лица, исполненные ожидания, как и прежде, покрывались холодным потом. Крис держал Вивиан за руку.

— Странные звуки послышались с шестой ступени, что-то зашуршало на седьмой, потом на восьмой...

Крис давно выучил эту историю наизусть и часенько рассказывал ее сам, но никому она не удавалась так, как Вивиан. Теперь ее голос звучал совсем хрипло, как у ведьмы; она прикрыла глаза и вжалась в стену.

Зная, что будет дальше, Крис мысленно забежал вперед.

— Девятая, десятая, одиннадцатая ступени. Двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая. Он поднял-

ся на самый верх... Вот он топчется на лестничной площадке,— продолжала Вивиян.— Приближается к дверям. Теперь входит. Закрывает за собой дверь.— Она выдержала паузу.— Идет по комнате. Мимо письменного стола. Наклоняется над постелью. И вот он уже совсем близко, над твоей головой...

Молчание затягивалось, темнота в комнате еще более сгушалась. Все ждали и ждали, затаив дыхание.

— ПОПАЛСЯ!

Визг, смех, взрыв облегчения! Черная летучая мышь прорвала паутину. Ты сам плел внутри себя эту сеть из страха и волнения, минуту за минутой, шаг за шагом, круг за кругом, неспешно, как привередливый ядовитый паук, и на самом пике напряжения взорвалось это оглушительное «ПОПАЛСЯ!», которое, словно мерзкая летучая мышь, в клочья разметало паутину, оставив после себя лихорадочную дрожь и смех. Ибо только смехом можно замаскировать свой истонный страх. В таких случаях все визжат и хохочут. Орут, подпрыгивают на кушетке, хватаются друг за друга. А страшилка-то в самом деле старая! Раскачиваешься взад-вперед, дрожишь и задыхаешься. Забавно: услышав эту историю в сотый раз, все равно обмираешь от страха.

Смех быстро утих. По ступеням к комнате Вивиян торопливо приближались вполне реальные

шаги. Крис на слух определил, что это его тетушка, мама Вивиан. Дверь распахнулась.

— Вивиан! — прикрикнула тетушка. — Вам было ясно сказано: не шуметь! Неужели у вас нет ни капли уважения?

— Я понимаю, мама. Прости нас.

— Извините, пожалуйста. — Крису было по-настоящему стыдно. — Мы просто забылись. Страшно все-таки.

— Вивиан, проследи за тем, чтобы все вели себя тихо, — смягчилась тетя. — Если я еще раз вас услышу, вы все спуститесь вниз.

— Мы будем вести себя хорошо, — тихо и серьезно проговорил Лео.

— Ну, ладно.

— Из больницы не звонили? — спросила Ширли.

— Нет. — Тетушка изменилась в лице, вспомнив о том, что собрало их здесь. — Скоро уже должны позвонить.

Она спустилась вниз. Через пять минут все опять жаждали страшных историй.

— Кто теперь будет рассказывать? — спросила Ширли.

— Вивиан, давай опять ты, — попросил Лео. — Расскажи про масло с ядовитой плесенью.

— Сколько можно — каждый раз одно и то же, — возразила Вивиан.

— Давайте я расскажу,— вызвался Крис.— Я знаю новую страшилку.

— Отлично,— сказала Вивиан.— Только нужно выключить ночник. Тут слишком светло.

Она вскочила, чтобы погасить последний горящий светильник. Когда она в полной темноте возвращалась на свое место, Крис чувствовал приближение ее запаха, а вслед за тем — и самой Вивиан. Она крепко сжала его руку:

— Начинай.

— Ну...— Крис сосредоточился и мысленно прокрутил в памяти последовательность событий.— Значит, так: давным-давно...

— А говорил — новая! — рассмеялись все хором. Смех эхом отразился от невидимой стены. Крис покашлял и начал снова:

— Давным-давно стоял в лесу черный замок...

Он тут же завладел всеобщим вниманием. Как оказалось, замок — это классное начало. Да и сама страшиллка, которую он приготовился рассказать, была хоть куда — он мог бы ее растянуть минут на пятнадцать, если не больше. Но рука Вивиан бойким паучком копошилась в его ладони, и по ходу рассказа он все больше сосредоточивался на ней, а не на героях истории.

— И в этом черном замке жила ведьма...

Он почувствовал на своей щеке губы Вивиан. Ее поцелуй оказался таким же, какими были все

прежние. Такие поцелуи существуют еще до появления тела. А тело появляется лет в двенадцать-тринадцать. До той поры есть только мягкие губы и мягкие поцелуи. И та мягкость, что таится в этих поцелуях, навсегда ускользает, как только к твоей голове добавляется тело.

С Крисом этого еще не произошло — у него пока что было только лицо. И всякий раз, когда Вивиан его целовала, он ей отвечал. А что такого: это было приятно, ничуть не хуже того, чтобы есть, спать и играть в разные игры. Он ощущал неуловимую сладость ее губ, и ничего более. Вот уже четыре года — с тех пор как ему исполнилось восемь — они с Вивиан виделись примерно раз в месяц, так как она жила на другом конце города, и каждый раз встреча не обходилась без страшилок, поцелуев и неуловимой сладости.

— И у этой ведьмы, что жила в черном замке...

Она поцеловала его в губы, мгновенно разрушив только что созданный замок. Секунд через десять пришлось возводить его заново.

— И у этой ведьмы, что жила в черном замке, была красавица дочь, звали ее Хельга. Хельга томилась в башне, и злая старуха-мать сживала ее со свету. Хельга была чудо как хороша собой...

Ее губы возвратились. И на этот раз задержались чуть дольше.

— Что ты тянешь? — сказал Лео.

— Дальше давай! — нетерпеливо потребовала Ширли.

— Вот... — проговорил Крис, слегка отстранившись; ни с того ни с сего у него сбилось дыхание. — Однажды эта девушка ускользнула из башни и сбегала в лес, а ведьма как закричит...

С этого места история ни на шаг не продвинулась вперед, а только замедлялась, бесцельно блуждала, а потом и вовсе сбилась с курса. Вивиан, прижавшись к нему, целовала его в щеку и обжигала дыханием, пока он, запинаясь, пытался продолжать рассказ. Между тем она неспешно, словно чудодей-воятель, занялась созиданием его тела! И сказал Бог: да будут ребра, и стало так. И сказал Бог: да будет живот, и стало так! И сказал Бог: да будут ноги, и стало так! И сказал Бог: да будет кое-что еще, и стало так!

Как странно было вдруг обнаружить свое собственное тело. На протяжении целых двенадцати лет тела попросту не существовало. Оно обреталось где-то под головой, как ненужный маятник под спящими ходиками, и вот теперь Вивиан приводила его в движение, прикасаясь, подталкивая, раскачивая из стороны в сторону, — и так до тех пор, пока под механизмом, застучавшим в голове, маятник не принялся описывать умопомрачительные горячие дуги. Часы пошли. Часы не могут показывать время, пока не начнет раскачиваться маятник.

Часы могут быть собраны, ничуть не повреждены, вполне исправны, готовы к работе, но до тех пор, пока маятник неподвижен, они остаются никчемной безделицей.

— И вот девушка убежала в лес...

— Не тормози, Крис! — сердился Лео.

Все происходящее напоминало ту историю, в которой кто-то поднимался по ступеням: шаг-другой, шаг-другой. Такой же поздний вечер, такая же тьма, все здесь было так же. Так, да не так.

Пальцы Вивиан ловко поколдовали над пряжкой ремня и расстегнули ее, высвободив металлический язычок.

Она коснулась первой пуговицы.

Добралась до второй.

Очень похоже на ту страшилку. Только здесь все происходило взаправду.

— Вот, значит, убежала девушка в лес...

— Заклинило тебя, что ли, Крис? — возмутился Лео.

Она уже дошла до третьей пуговицы.

Уже спустилась к четвертой, ох, теперь к пятой, а потом...

Тот же возглас, которым окончилась предыдущая история, тот же самый выкрик на этот раз неистово зазвенел у него внутри, тихо, беззвучно, неслышно.

То же самое слово!

То же самое слово, которое всегда выкрикивают в конце истории о том, как некто поднимается по ступеням. То же самое слово в конце рассказа.

Крис уже не владел своим голосом:

— Она как побежит, а там что-то было, там было, значит, как это... ну, она хотела... ммм, за ней кто-то гнался... то есть... ну, она, значит, побежала и оказалась... в общем, упала она, потом вскочила и как побежит, а потом...

Вивиан вплотную прижималась к нему, ни на миг не переставая двигаться. Ее губы словно запечатали эту историю у него во рту и не выпускали наружу. Замок в последний раз содрогнулся и обратился в руины, полыхнув ослепительной вспышкой, и в мире не осталось ничего, кроме вновь изваянного тела и обретенного понимания того, что девичье тело — это не какой-нибудь висконсинский пейзаж, не холмистый вид, на который просто приятно смотреть. Нет, это средоточие красоты, и музыки, и пламени, и всего тепла, какое только сыщется в мире. Это средоточие всех перемен, всех движений, всех согласований.

В сумрачной дали первого этажа раздался слабый телефонный звонок. Он едва долетал до слуха, как плач из затерянной башни. Телефон звонил, а Крис ничего не слышал.

Вроде бы Лео и Ширли вяло повозмушались, а потом, несколько минут спустя, до Криса дошло,

что эти двое неумело целуются, ничего более, просто неловко прижимаются лицами друг к другу. Стало совсем тихо. Все истории были рассказаны, и комнату поглотила пустота.

Как странно. Крис был способен только лежать и ощущать, пока Вивиан разыгрывала в темноте эту небывалую пантомиму, содержащую такое, о чем тебе за всю жизнь никто не расскажет, думал он. Никто ничего не расскажет. Скорее всего, эту пантомиму невозможно выразить словами: слишком уж она необыкновенна, слишком прекрасна, чтобы о ней говорить, слишком необычна и удивительна, чтобы обратить ее в слова.

С лестницы послышались шаги. На этот раз их приближение было очень медленным и печальным.

— Быстрее! — прошептала Вивиан и отпрянула, поправляя платье.

Как слепой, не чувствуя собственных пальцев, Крис застегнул ремень и пуговицы.

— Давай быстрее! — шептала Вивиан.

Она зажгла свет, и мир поразил Криса своей нереальностью. После темноты, после этой нежной, мягкой, подвижной и таинственной темноты бледные стены казались бескрайними и равнодушными. Шаги все приближались, и все четверо снова торжественно вытянулись, прислонившись спинами к стене, а Вивиан начала повторять свою историю:

— Теперь он поднялся на самый верх лестницы. Дверь отворилась. На пороге стояла тетя, ее лицо было в слезах. Все стало ясно без слов.

— Только что позвонили из больницы,— сказала она.— Ваш дядя Лестер скончался.

Никто не шевельнулся.

— Спускайтесь в гостиную,— проговорила тетя.

Они медленно встали с кушетки. Криса, как одурманенного, бросило в жар, ноги не слушались. Пришлось пропустить вперед тетю и всех остальных. Он последним спустился по лестнице в тихое царство плача и неподвижных скорбных лиц.

Шагнув на последнюю ступень, он не смог более противиться странной мысли, которая ворочалась у него в голове. Бедный дядя Лестер, ты лишился своего тела, а я обрел свое, но ведь это несправедливо! Ужасно несправедливо, потому что это так здорово!

Через несколько минут все разъедутся. Молчаливый дом на несколько дней сохранит их рыдания, радио одним щелчком заставят смолкнуть на целую неделю, а смех будет умирать, не успев появиться на свет.

Крис вдруг заплакал.

На него посмотрела мама. На него уставился дядя Эйнар, а за ним и другие родственники. И Ви-

виан тоже. И Лео, такой высоченный, с мрачным видом стоящий неподалеку.

У Криса текли слезы; все смотрели на него.

Но одна лишь Вивиан знала, что это слезы радости, горячие и ликующие — слезы ребенка, нашедшего клад, что скрывался в горячих глубинах его собственного тела.

— Ну, что ты, Крис. — Это мама приблизилась, чтобы его утешить. — Будет, будет...

Дерзкая кража

Около трех часов ночи, когда на небе не было луны и только звезды следили за происходящим, Эмили Уилкс проснулась от какого-то подозрительного звука.

— Роуз? — позвала она.

Ее сестра, чья кровать стояла на расстоянии вытянутой руки, уже успела проснуться и широко раскрыть глаза, а потому ничуть не удивилась.

— Ты слышишь? — спросила она, и весь эффект пошел насмарку.

— Я как раз собиралась сказать тебе, — отозвалась Эмили. — Но раз ты сама слышала, то зачем и...

Она осеклась и резко села в кровати, а вместе с ней Роуз, точно их обеих дернули за невидимые нитки. Престарелые сестры — одной восемьдесят, другой восемьдесят один, обе худые, как жерди, — не на шутку переполошились и уставились в потолок.

Эмили Уилкс показала глазами вверх:

— Ты об этом?

— Не завелись ли у нас мыши?

— Судя по топоту, это бестии покрупнее. Наверно, крысы.

— Ага, и судя по топоту — в сапогах и с поклажей.

Тут нервы не выдержали. Выскочив из кроватей, сестры набросили халаты и торопливо, насколько позволял артрит, сбежали по лестнице. Кому охота лежать в постели, если над головой топочут бестии в сапогах?

Оказавшись внизу, они ухватились за перила и стали смотреть вверх, перешептываясь.

— Что можно делать у нас на чердаке в такое время суток?

— Воровать старый хлам?

— А вдруг они спустятся и нападут на нас с тобой?

— Кому нужны две старые дуры с тощими задницами?

— Слава богу, чердачная дверца открывается только в одну сторону, а снизу она заперта.

Они стали маленькими шажками красться наверх, откуда исходили таинственные звуки.

— Я знаю! — внезапно воскликнула Роуз. — На прошлой неделе чикагские газеты писали: в городе участились хищения антикварной мебели!

— Скажешь тоже! Если в доме и есть какой-то антиквариат, так это мы с тобой!

— Неправда, на чердаке кое-что имеется. Моррисовское кресло — старинная вещь. Несколько обеденных стульев, еще того древнее, и хрустальный канделябр.

— Из хозяйственной лавки, куплен в тысяча девятьсот четырнадцатом. Такой страшный, что совестно было даже на улицу выставить вместе с мусором. Слушай внимательно.

Наверху стало тише. Они стояли на верхней площадке и, обратившись в слух, не спускали глаз с чердачного люка в потолке.

— Кто-то открывает мой сундук. — Эмили зажала рот обеими руками. — Слышишь? Петли скрипят, надо почаще смазывать.

— На что им сдался твой сундук? В нем ничего ценного.

— Как сказать...

Наверху, в темноте, грохнула крышка.

— Идиот! — прошептала Эмили.

Непрошенный гость крадучись прошелся по чердаку, стараясь быть осторожным после такой промашки.

— Там наверху окно, они вылезают на крышу!

Сестры подбежали к окну спальни.

— Открой ставни, высунь голову! — крикнула Роуз.

— Чтобы они меня увидели? Нет уж, спасибо!

Подождав еще немного, они услышали царапание, а потом стук — сверху что-то упало на подъездную дорожку.

Тяжело дыша, они распахнули створки, взглянули вниз и увидели, как две тени уносят по дорожке длинную приставную лестницу. Одна тень сжимала в свободной руке небольшой белый сверток.

— Все-таки что-то сперли! — зашипела Эмили. — Бежим!

Они спустились в холл, распахнули входную дверь и увидели на росистом газоне две дорожки следов. От обочины отъехал грузовик.

Выскочив на улицу, каждая приложила ладонь козырьком, чтобы рассмотреть ускользящий номер.

— Проклятье! — воскликнула Эмили. — Ты успела разглядеть?

— Только семерку и единицу, больше ничего. Вызовем полицию?

— Сначала посмотрим, что из вещей пропало. Шевелись!

Вооружившись фонариком, сестры поднялись по чердачной лестнице, открыли люк и вскарабкались на самый верх, в темноту.

По мере того как они прочесывали чердак, спотыкаясь о старые чемоданы, детский велосипед и

пресловутый канделябр, Эмили обшаривала помещение лучом света.

— Все на месте, — сказала Роуз. — Даже странно.

— Не спеши. Проверим сундук. Берись.

Они потянули за кольца, и крышка подалась, выпустив наружу облако пыли и аромат прежних времен.

— Ой, Эмили, помнишь? Духи «Бен Гур», двадцать пятого года, появились одновременно с фильмом!

— Тихо, — оборвала ее Эмили. — Помолчи!

Луч фонаря осветил аккуратную вмятину на старом выходном платье: это был совсем небольшой отпечаток — дюйма два в высоту, четыре в ширину и восемь в длину.

— Боже милостивый! — воскликнула Эмили. — Они пропали!

— Кто?

— Мои любовные письма! Девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого года. Тридцать штук, перевязанные розовой лентой. Их нет!

Эмили разглядывала похожее на гробик углубление в середине сложенного выходного платья.

— Кому могли понадобиться старые любовные послания, написанные неизвестным отправителем, которого, наверно, уже нет в живых, неизвестному адресату, то есть мне, которая тоже одной ногой в могиле?

— Эмили Бернис! — воскликнула Роуз. — Ты на какой планете живешь? Разве ты не смотрела утренние телепередачи, после которых хочется рот с мылом прополоскать? Разве не читала светскую хронику в городской газете? Разве не листала идиотские женские журналы в парикмахерской?

— Стараюсь этого избегать.

— Напрасно, в другой раз посмотри! Эти щелкоперы мать родную не пожалеют ради завлекательной истории. Не далее как завтра нам позвонят и потребуют выкуп, а нет — продадут эти письма какому-нибудь издателю для серии женских романов или для рубрики «Советы влюбленным». Форменный шантаж, и ничего больше. Угроза огласки! Медлить нельзя.

— Не надо звонить в полицию! Пойми, Роуз, мне невыносимо полоскать перед чужими свое нижнее белье! У нас вино в кладовке осталось? Доставай, Роуз! Помирать, так с музыкой!

Они чудом не скатились с лестницы.

На другой день, всякий раз, когда мимо дома проезжал почтовый фургон, Эмили раздвигала занавески в надежде, что он остановится. Фургон не остановился.

На следующий день у обочины притормозил пикап телемастера: водитель искал нужный адрес.

Эмили выбежала на улицу, готовая отразить нападки любых журналистов — охотников копаться в чужом белье. Нападок не последовало.

На третий день, когда здравый смысл подсказывал, что у «Гринтаун газетт» было достаточно времени, чтобы накопить желчи и выплеснуть ее на свои страницы, разлития желчи не произошло.

И все же...

На четвертый день в почтовом ящике очутилось какое-то письмо, причем без участия почтальона. Имя адресата на конверте было выведено каллиграфическим почерком и выглядело так, будто его написали лимонным соком, а потом подержали над огнем, чтобы буквы стали рельефными.

— Мамочки,— прошептала Эмили,— адресовано Эмили Бернис Уотрисс! Марка в два цента, дата гашения — четвертое июня двадцать первого года.— Она подняла письмо и посмотрела конверт на просвет, пытаясь проникнуть в его тайну.— Украдено четыре дня назад,— удивленно произнесла она,— а теперь еще раз отправлено мне же! Зачем?

— Распечатай,— посоветовала Роуз.— Конверт шестидесятидвухлетней давности, а что внутри?

Собравшись с духом, Эмили извлекла на свет хрупкий листок с коричневатыми строчками, выведенными изящным почерком со множеством завитушек.

— Четвертое июня двадцать первого года,— прочитала она.— Начинается так: «Моя дорогая, ненаглядная Эмили...»

У Эмили по щеке скатилась слеза.

— Ну, продолжай! — потребовала Роуз.

— Письмо адресовано мне!

— Не спорю, но сейчас мы с тобой — две старые боевые подружки. Ничто не может нас смутить. Дай-ка сюда!

Выхватив у сестры письмо, Роуз поднесла его к свету. По мере того как она разбирала каллиграфический почерк прежних времен, ее глаза сощуривались, а голос звучал все тише:

— «Моя дорогая, ненаглядная Эмили. Не знаю, как выразить словами все чувства, которые вместило мое сердце. Я восхищаюсь Вами не один год, но когда мы кружимся в танце или сидим с веселой компанией на берегу озера, мне не под силу заставить себя говорить о сокровенном. Возвращаясь домой, я вижу свое лицо в зеркале и стыжусь собственного малодушия. Но теперь я должен наконец высказать свои потаенные мысли, чтобы окончательно не сойти с ума. Боюсь причинить Вам обиду, поэтому готов потратить не один час, вновь и вновь переписывая это письмо. Драгоценная Эмили, хочу, чтобы Вы знали о моей искренней привязанности к Вам; все то время, что отпущено мне

судьбой, я готов провести рядом или вместе с вами. Один Ваш благосклонный взгляд может сделать меня самым счастливым человеком на свете. Мне не раз приходилось подавлять в себе желание прикоснуться к Вашей руке. А при мысли о чем-то большем, о самом легком поцелуе, меня охватывает такое волнение, которое дает мне смелость сказать Вам эти слова. Мною движут благородные намерения. Если позволите, я бы хотел поговорить с Вашими родителями. Пока этот день и час не настал, посылаю Вам уверения в глубочайшей привязанности и желаю, чтобы жизнь у Вас сложилась наилучшим образом».

Последние слова Роуз прочла ясно и отчетливо:

— Подпись: Уильям Росс Филдинг.

Роуз взглянула на сестру.

— Уильям Росс Филдинг? Это еще кто такой? Похоже, влюблен был не на шутку, если писал тебе такие письма.

— Бог свидетель, — воскликнула заплаканная Эмили Бернис Уотрисс, — не имею ни малейшего понятия!

День за днем приходили все новые письма, но не с остальной почтой: в полночь или на рассвете их тайком опускали в почтовый ящик, а Эмили и Роуз потом читали вслух, по очереди утирая слезы. День за днем автор просил у Эмили прощения из

своего далекого времени, тревожился о ее будущем и подписывался с росчерком и почти явственным вздохом: «Уильям Росс Филдинг».

И каждый день, закрыв глаза, Эмили говорила:

— Прочти-ка еще раз. Думаю, теперь я готова.

К концу недели, когда у Эмили накопилось шесть ветхих, едва не рассыпающихся листков почтовой бумаги, она воскликнула, дойдя до полного изнеможения:

— Хватит! Черт бы побрал этого презренного шантажиста, который не хочет показаться мне на глаза! Сожги эту писанину!

— Нет, подожди,— ответила Роуз, протягивая сестре очередной конверт, но не пожелтевший от времени, а ослепительно белый, совершенно новый, без обратного адреса, в котором лежало письмо, также без подписи.

Эмили мгновенно возродилась к жизни, схватила новое послание и прочла вслух:

— «Каюсь, я участвовал в этой неприятной для вас затее, которой необходимо положить конец. Вашу корреспонденцию можете получить по адресу: улица Саут-Сент-Джеймс, дом одиннадцать. Прошу меня простить».

И никакой подписи.

— Ничего не понимаю,— сказала Эмили.

— Проще простого,— отозвалась Роуз.— Человек, пересылающий письма, пытается ухаживать за

тобой при помощи чужих посланий времен президентства Кулиджа!

— Господи, у меня все лицо горит — потрогай, Роуз. Зачем, скажи на милость, человеку взбираться по приставной лестнице, обшаривать чердак, скрываться бегством? Почему нельзя остановиться напротив дома и покричать?

— Наверно, потому, — негромко сказала Роуз, крутя в руках новое письмо, — что его автор страдает от такой же застенчивости, какой мучился в незапамятные времена Уильям Росс Филдинг. Ну, что будем делать?

— Хотела бы я знать... — произнесла Эмили, глядя в окно. — Кто обитает в доме номер одиннадцать по Саут-Сент-Джеймс?

— Это здесь.

В тот же день, ближе к вечеру, они нашли указанный дом.

Саут-Сент-Джеймс, дом 11.

— Интересно, кто сейчас оттуда смотрит в нашу сторону? — спросила Эмили.

— Явно не тот тип, который написал покаянное письмо, — ответила Роуз. — Лестница его не придавила, а совесть, видно, давит. В этом доме обретается тот полоумный, который пересылал тебе старые письма. Но если мы будем и дальше здесь торчать, сюда сбежится вся улица. Вперед.

Они поднялись на крыльцо и позвонили. Дверь распахнулась. На пороге стоял старик лет под восемьдесят; его вид выражал крайнее удивление.

— Кого я вижу: Эмили Бернис Уотрисс,— воскликнул он.— Добрый день!

— Черт побери,— не сдержалась Эмили Бернис Уотрисс,— чем вы занимаетесь?

— В данный момент? — уточнил он.— Собираюсь пить чай. Не желаете присоединиться?

Они бочком прошли в гостиную, примостились на стульях, готовые в любую минуту сорваться с места, и стали смотреть, как он заваривает «оранж пеко».

— Со сливками или с лимоном? — спросил он.

— Не заговаривайте мне зубы! — парировала Эмили.

— Прошу.

Они молча приняли чашки, но пить не стали; хозяин сделал несколько глотков и произнес:

— Мне позвонил друг и признался, что сообщил вам мой адрес. Да мне и самому всю эту неделю было крайне неловко.

— А мне, по-вашему, каково? — возмутилась Эмили.— Стало быть, это вы похитили у меня письма, чтобы мне же их переслать?

— Да, я.

— Изложите свои требования!

— Требования? Об этом нет и речи! Вы опасались шантажа? Как глупо, что я об этом не подумал. Нет-нет. Это у вас те самые письма?

— Те самые!

— Верхнее письмо, самое первое, датированное четвертым июня двадцать первого года. Будьте добры, откройте конверт. Держите листок так, чтобы я не видел, а я буду говорить, хорошо?

Эмили разложила письмо на коленях.

— Что дальше? — спросила она.

— Просто послушайте, — ответил он и начал читать едва слышным голосом: — «Моя дорогая, ненаглядная Эмили...»

Эмили ахнула.

Старик помолчал, прикрыл глаза и повторил, будто считывая это послание с собственных ресниц:

— «Моя дорогая, ненаглядная Эмили. Не знаю, как выразить словами все чувства, которые вместило мое сердце».

У Эмили вырвался глубокий вздох.

Старик шепотом продолжал:

— «Я восхищаюсь Вами не один год, но когда мы кружимся в танце или сидим с веселой компанией на берегу озера, мне не под силу заставить себя говорить о сокровенном. Возвращаясь домой, я вижу свое лицо в зеркале и стыжусь собственного малодушия. Но теперь я должен наконец высказать

свои потаенные мысли, чтобы окончательно не сойти с ума...»

Роуз достала платок и вытерла нос. Эмили достала свой и приложила его к глазам.

Старческий голос звучал то приглушенно, то громче, то снова тихо:

— «А при мысли о чем-то большем, о самом легком поцелуе, меня охватывает такое волнение, которое дает мне смелость сказать Вам эти слова».

В конце он опять перешел на шепот:

— «Пока этот день и час не настал, посылаю Вам уверения в глубочайшей привязанности и желаю, чтобы жизнь у Вас сложилась наилучшим образом». Подпись: Уильям Росс Филдинг. Попрошу следующее письмо.

Эмили развернула листок так, чтобы хозяину дома не было видно.

— «Моя бесценная, — начал он. — Вы не ответили на мое первое письмо, и причиной тому может оказаться следующее: либо оно затерялось, либо его от Вас скрыли, либо Вы его получили, но затем уничтожили или спрятали. Если я Вас обидел, простите... Куда бы я ни пришел, везде слышу Ваше имя. Молодые люди только о Вас и говорят. Девушки рассказывают, будто в скором времени Вы отправитесь в путешествие за океан...»

— В те времена так было заведено, — сказала Эмили, вроде бы себе самой. — Девушек, а иногда

и юношей отсылали из дому на год, чтобы все лишнее стерлось из памяти.

— Даже если в памяти не было ничего лишнего? — спросил старик, читавший по собственным ладоням, лежавшим у него на коленях.

— Даже так. У меня с собою еще одно письмо. Вы можете сказать, что в нем?

Развернув листок, она увлажнившимися глазами пробежала строчку за строчкой, а старик опустил голову и повторял слово в слово по памяти:

— «Моя бесценная, могу ли я назвать тебя так: моя единственная любовь? Ты уезжаешь завтра утром; пройдет Рождество, а ты еще долго будешь в отъезде. Уже объявлено о твоей помолвке, назначенный ожидает в Париже. Желаю, чтобы тебе сопутствовала удача, чтобы жизнь сложилась счастливо, чтобы у вас было много детей. Прошу тебя забыть мое имя. Забыть? Моя милая девочка, ты, наверное, никогда его толком не знала. Уилли, Уилл? Думаю, как-то так; а фамилия была тебе неизвестна, поэтому и забывать нечего. Лучше запомни мою любовь». Подпись: У. Р. Ф.

Закончив, он откинулся на спинку стула и открыл глаза, а она сложила письмо и опустила его вместе с другими на колени; по щекам у нее катились слезы.

— Зачем вы похитили эти письма? — спросила она после короткого молчания. — И воспользова-

лись ими шестьдесят лет спустя? Откуда вы знали, где их искать? Я похоронила их в сундуке, как в гробу, перед отъездом во Францию. За последние тридцать лет хорошо если один раз извлекла их на свет божий. Это Уильям Росс Филдинг рассказал вам о них?

— Моя милая девочка, разве так трудно догадаться? — спросил старик. — Видит бог, я и есть Уильям Росс Филдинг.

После этих слов наступила невообразимо долгая пауза.

— Позвольте, я посмотрю поближе.

Эмили подалась вперед, а хозяин поднял голову к свету.

— Нет, — сказала она. — Мне очень жаль, но я совершенно вас не помню.

— Теперь это лицо старика, — ответил он. — Впрочем, какая разница? Когда вы отправились в кругосветное путешествие в одну сторону, я поплыл в другую. Скитался по разным странам, чем только не занимался, вел кочевую холостяцкую жизнь. Когда узнал, что у вас не было детей и что муж ваш давно умер, то вернулся сюда, в дом моего деда. Мне потребовался не один год, чтобы сойтись с духом и отправить вам эти письма — лучшую часть моей жизни.

Сестры сидели не шевелясь; если прислушаться, можно было, наверно, услышать их сердца.

— Что же теперь делать? — спросил старик.

— Присылать мне оставшиеся письма, — медленно выговорила Эмили Бернис Уотрисс-Уилкс. — Каждый день, на протяжении двух недель. Одно за другим.

Он посмотрел ей в глаза:

— А потом?

— Трудно сказать, — отвечала она. — Не знаю. Там видно будет.

— Да-да. Разумеется. Что ж, давайте прощаться.

Открывая дверь, он едва не коснулся ее руки.

— Моя дорогая, ненаглядная Эмили, — произнес он.

— Да? — Она ждала.

— Что... — начал он.

— Да?

— Что... — повторил он срывающимся голосом. — Что... вы...

Она не торопила.

— ...делаете сегодня вечером? — быстро закончил он.

Не узнали?

— Не узнали? Быть такого не может!

Незнакомец уже тянул руку для приветствия.

— Как же, как же!..— бормотал я.— Если не ошибаюсь...

Совсем растерявшись, я беспомощно озирался по сторонам. Мы встретились среди бела дня во Флоренции, на переходе через улицу. Он направлялся в одну сторону, я в другую — можно сказать, столкнулись нос к носу. Теперь он выжидал, когда я назову его имя. Я лихорадочно рылся в памяти, но безуспешно.

— Насколько мне помнится...— снова начал я.

Он схватил меня за руку, словно боясь, как бы я не сбежал. Его физиономия сияла от радости. Он меня узнал! И вправе рассчитывать на взаимную любезность, верно? Так что поднатужься, приятель, читалось у него на лице, вспоминай!

— Я — Гарри! — Его терпение лопнуло.

— Гарри?..

— Стадлер! — весело рявкнул он. — Хозяин мясной лавки!

— О господи, ну конечно же! Гарри, чтоб мне провалиться на этом месте! — Я с облегчением тряс его руку.

На радостях он едва не пустился в пляс.

— Ну да, он самый! За девять тысяч миль от дома! Неудивительно, что вы меня не узнали! Я остановился в Гранд-отеле. Шик-блеск, в вестибюле паркет наборного дерева! Поужинаем сегодня вместе? Бифштекс по-флорентийски — ваш мясник плохого не посоветует, так ведь? Значит, договорились! В семь вечера.

Я набрал в легкие побольше воздуха, чтобы выдохнуть решительный отказ, но...

— Сегодня в семь! — громыхнул он.

Повернувшись на каблуках, мясник ринулся дальше и чуть было не угодил под мотороллер. Уже стоя на кромке противоположного тротуара, он выкрикнул:

— Гарри Стадлер!

— Леонард Дуглас, — отозвался я, неизвестно зачем.

— Как же, помню! — Махнув рукой на прощанье, он растворился в толпе. — Уж я-то помню...

Только этого не хватало, рассуждал я сам с собой, разглядывая правую руку, изрядно намятую и только что освобожденную. Кто же это был?

Хозяин мясной лавки.

Я представил, как он готовит к продаже бифштексы: белый колпак-кораблик, оттеняя щеки цвета свиного окорока, чудом держится на жидких светлых волосах, а руки истязают кусок говядины.

Действительно, мой мясник!

Ну и ну! Я не мог успокоиться до самого вечера. Надо же так влипнуть! Зачем было соглашаться? И какого черта он навязывается? Мы ведь совершенно чужие люди — так только: «С вас пять шестьдесят». — «Спасибо, всего доброго». Проклятье!

Каждые полчаса я звонил в отель. У него в номере никто не снимал трубку.

— Может быть, вы оставите сообщение, сэр?

— Нет, благодарю.

Слюняй! — ругал я себя. Оставь сообщение: заболел. Оставь сообщение: умер!

Просидев полдня у телефона, я так и не собрался с духом. Неудивительно, что я не узнал этого горлана. Когда постоянно видишь человека за прилавком, за конторкой, за рулем, за пианино и так далее, очень сложно его узнать, если в момент встречи он не торгует, не записывает, не управляет, не исполняет, не доставляет, не обслуживает. Авто механик без своего замасленного комбинезона, адвокат, сменивший строгий костюм на огненно-крас-

ную спортивную майку, официантка из ночного клуба, избавленная от неременного корсета и доверившая свои формы умопомрачительному бикини, — все, все они становятся чужими, посторонними, да еще обижаются, если их не узнаешь! Да и то сказать, все мы считаем, что, куда бы ни пришли, как бы ни оделись, уж нас-то ни с кем не спутать. Рядимся в генерала Макартура, сходим на берег в далекой стране и возвещаем: «Я вернулся!»

Но кому какое до нас дело? Взять хотя бы этого владельца мясной лавки: где, спрашивается, его колпак, где забрызганный кровью фартук, где вентилятор над головой (чтобы отгонять мух), где сверкающие ножи, острые крюки для подвески туш, крутящаяся каменная столешница для разделки мяса, холмы розового фарша и пласты говядины с тонкими прожилками? Без этих принадлежностей он просто мститель в маске.

Кроме всего прочего, за время отпуска он помолодел. Обычно так и бывает. Двухнедельное путешествие, фантастическая архитектура, изысканная кухня, редкие вина, здоровый сон — и десятка лет как не бывало, и уже не хочется возвращаться назад, в старость.

Что до меня — я находился на самом гребне этой волны, когда стремительно накручиваешь мили, сбрасывая годы. Мы с этим мясником обрели вто-

рую жизнь, превратились в великовозрастных юнцов и столкнулись во Флоренции, чтобы среди потока машин прокричать какую-то чушь и проверить память.

— Черт тебя раздери! — Я с досадой нажимал на телефонные кнопки.

Пять часов: ни ответа, ни привета. Шесть: никто не подходит. Семь: тишина. Да что ж это такое?

— С меня хватит! — крикнул я в окно.

Тут в соборах Флоренции зазвонили колокола, обрекая меня на неизбежное.

Бух! Кто-то в сердцах грохнул дверь, выходя на улицу.

Это был я.

Уже в пять минут восьмого мы встретились в назначенном месте; я подозревал, что нам кусок не полезет в горло, как истосковавшимся влюбленным, которые бросаются друг к другу после долгой разлуки.

Пужинаем — и разойдемся; даже не так: поужинаем — и разбежимся в разные стороны, читалось на наших лицах, когда мы, потоптавшись в холле, все-таки обменялись рукопожатием. Вернее сказать, похвалились силой рук. Каждый жест почему-то сопровождался фальшивыми улыбками и неестественными смешками.

— Леонард Дуглас! — вырвалось у него. — Я уж думаю: где его черти носят, сукина сына?

Он покраснел и осекся. Как-никак мяснику не пристало фамильярничать с постоянными покупателями!

— Пора уже, — сказал он. — Пошли, пошли.

Втолкнув меня в кабину лифта, он не умолкал, пока мы не оказались под самой крышей, в лучшем ресторане отеля.

— Надо же, такое совпадение! Столкнулись прямо на мостовой! Кормят здесь отменно. Ага, приехали. Выходим!

Мы сели за стол.

— Люблю хорошее вино. — Мясник нежно разглядывал карту вин, как старую знакомую. — Вот потрясающая штука. «Сент-Эмильон», урожая семидесятого года. Пойдет?

— Спасибо. Я, пожалуй, закажу сухой мартини с водкой.

Мясник помрачнел.

— Но и от вина не откажусь! — поспешно заверил я.

Для начала я попросил официанта принести салат. Мясник опять нахмурился.

— После салата и мартини, — изрек он, — невозможно оценить букет вина. Извиняюсь, конечно.

— Ну что ж. — Я сдался без боя. — Салат можно оставить на потом.

Он заказал бифштекс с кровью, а я — хорошо прожаренный.

— Прошу меня простить, но мясо долго поджаривать нельзя.

— Это вам не Жанна д'Арк, — подхватил я и хохотнул.

— Неплохо сказано! Что правда, то правда, это не Жанна д'Арк!

Тут нам принесли вино. Когда бутылку откупорили, я быстро подставил свой бокал и тайно порадовался, что мартини подадут позже, а то и вовсе забудут; чтобы сгладить напряжение следующей минуты, я вдохнул аромат, покрутил бокал и пригубил хваленый «Сент-Эмильон». Мясник не сводил с меня взгляда, как домашний кот с малознакомого пса.

Прикрыв глаза, я сделал крошечный глоток и кивнул.

Малознакомый сотрапезник тоже отпил вина и кивнул.

Ничья.

Мы принялись разглядывать панораму вечерней Флоренции.

— Хотел спросить... — начал я, тяготясь молчанием. — Вам нравится флорентийская живопись?

— Картины мне как-то не по нутру, — признался он. — Вот гулять и по сторонам глазеть — это дру-

гое дело. Какие в Италии женщины! Их бы заморозить да отправить морем в наши края!

— Хм... ну... — Я прочистил горло. — А Джотто?..

— Тоску нагоняет. Уж не обессудьте. Как на мой вкус, Джотто поспешил родиться, ему бы попозже прийти в искусство. Фигуры тощие, как жерди. Мазаччо — и то получше будет. А уж Рафаэль — тот всем сто очков вперед даст! И Рубенс, конечно! Я в силу своего ремесла предпочитаю обилие плоти.

— Рубенс?

— Рубенс! — Поддев вилкой пару прозрачных ломтиков салями, Гарри Стадлер отправил их в рот и мечтательно пожевал. — Рубенс! Тут тебе и бюсты, и задницы, целые горы плоти, розовой, нежной! Прямо сердце екает при виде такого богатства. Каждая женщина — как перина: прыгай на нее, заройся с головой... А на кой черт нужен этот мраморный Давид? Холодный, белый, хоть бы фиговым листочком прикрылся! Нет, мне подавай сочность, свежесть да побольше мяса, а не сухие кости. Эй, да вы ничего не едите!

— Показываю. — Я демонстративно сжевал ненавистную салями и кружок розовой болонской колбасы, а вслед за тем проглотил бледный словно смерть проволононе, раздумывая о том, как бы перевести разговор на холодные, белые, сухие сыры.

Бифштексы подавал сам метрдотель.

Стадлеру досталось совершенно сырое мясо — в пору было отправлять его на анализ крови. Передо мной водрузили бесформенный оковалок, более всего похожий на голову вождя племени, которую бросили в огонь, а потом оставили дымиться и обугливаться на моей тарелке.

Мясника так и перекосило при виде этого жертвоприношения.

— Боже праведный! — вскричал он. — С Жанной д'Арк и то лучше обошлись! Что рекомендуется с этим делать — набивать трубку или жевать?

— Вы лучше посмотрите на свою порцию! — со смехом ответил я. — Она, по-моему, еще дышит!

Когда я пытался жевать свой бифштекс, он шуршал, будто ломкий осенний лист.

Стадлер, как У. К. Филдз, прорубался сквозь живое мясо и тянул за собой каню. Его бифштекс напрашивался на заклятие. Мой — на предание земле.

Смаковать такую еду не имело смысла. Очень скоро нас охватило беспокойство, потому что оба чувствовали: придется опять начинать беседу.

Мы ужинали в гнетущем молчании, как старик со старухой, удерживаемые вместе только горечью забытых размолвок, причины которых тоже забылись, оставив после себя досаду и глухую злость.

Чтобы хоть как-то заполнить паузы, мы просили друг друга передать масло. Потом заказывали кофе — это тоже требовало каких-то слов. Наконец каждый из нас откинулся на спинку кресла и, глядя поверх белоснежного льняного поля, салфеток и столовых приборов, уставился на совершенно постороннего человека. Ни с того ни с сего — вспоминаю этот момент с содроганием — я услышал собственный голос:

— Когда вернемся домой, надо будет непременно встретиться: сходим куда-нибудь поужинать, вспомним эту поездку. Флоренция, солнце, живопись... Договорились?

— Да.— Он опустил свой бокал.— То есть нет!

— Что-что?

— Нет,— без обиняков повторил он.— Зачем кривить душой, Леонард? Там, дома, мы толком друг друга не знали. Да и здесь нас ничто не связывает, просто оба поехали отдохнуть и оказались в одно и то же время в одном и том же месте. Поговорить — и то не о чем, общих интересов никаких. Черт, жаль, конечно, но так и есть. Назначили эту встречу из лучших побуждений или уж не знаю из-за чего. Каждый бродил в одиночку по чужому городу, да и сейчас каждый сам по себе. Прямо как в анекдоте: двое встретились ночью на кладбище, хотели обняться — и прошли друг дружку насквозь. Похоже, верно? Зря мы себя обманываем.

У меня поплыло перед глазами. Зажмурившись, я чуть не поперхнулся от негодования, а потом шумно выдохнул:

— Спасибо за откровенность. В жизни не встречал такого человека, как ты.

— Терпеть не могу откровенность и здравомыслие. — Тут он зашелся смехом. — Весь день пытался тебе дозвониться из города.

— А я — тебе!

— Хотел отменить эту встречу.

— Я тоже!

— У тебя было занято.

— А у тебя никто не отвечал.

— Ну и дела!

— С ума сойти!

Запрокинув головы, мы так хохотали, что чуть не выпали из кресел.

— Вот это номер!

— Целиком и полностью с тобой согласен, — сказал я голосом Оливера Гарди.

— По такому случаю надо заказать еще шампанского!

— Официант!

Мы еле-еле сдерживали смех, пока официант наполнял наши бокалы.

— Нет, кое-что нас все-таки связывает, — сказал Гарри Стадлер.

— Интересно, что же?

— Этот нелепый, идиотский, дурацкий, прекрасный день, от полудня до вечера. Мы всю оставшуюся жизнь будем рассказывать про это знакомым. Как я предложил вместе поужинать, а ты из вежливости согласился, как мы оба пытались отменить встречу, как пришли в ресторан, клопоча от злости, как наговорили друг другу глупостей и как в один миг... — Он не договорил. В глазах блеснула предательская влага, голос дрогнул. — Как в один миг все встало на свои места. Что греха таить: лед растопился из-за этих самых глупостей. И если мы вовремя отсюда уйдем, то можно будет считать, что вечер вполне удался.

Я чокнулся с ним своим бокалом. Нелепость положения никуда не делась, но теперь и на меня нахлынула какая-то теплота.

— Так что по возвращении домой — никаких ужинов.

— Ни-ни.

— Больше не придется вести натужные беседы ни о чем.

— Как-нибудь перекинемся парой слов о погоде — и все.

— Не будем приглашать друг друга в гости.

— За это надо выпить.

— Между прочим, вечер не так уж плох. Что скажешь, старина Леонард Дуглас, мой постоянный покупатель?

— За Гарри Стадлера.— Я поднял бокал.— Куда бы ни повела его судьба.

— За меня. И за тебя.

Мы выпили шампанского и посидели минут пять в тепле и блаженстве, как друзья детства, которые вдруг выяснили, что когда-то боготворили одну и ту же прекрасную библиотечаршу, которая прикасалась к их книгам и трепала по щеке. Но воспоминания уже рассеивались.

— Кажется, будет дождь,— сказал я, достав бумажник.

Стадлер бросил на меня такой выразительный взгляд, что мне волей-неволей пришлось вернуть бумажник в карман пиджака.

— Спасибо. Доброй ночи.

— Тебе спасибо,— ответил он.— Как бы там ни было, теперь я не один.

Я опустошил свой бокал, удовлетворенно вздохнул и, повинувшись какому-то порыву, взъерошил редкие волосы Стадлера, а потом стремительным шагом направился к выходу.

В дверях я обернулся. Он это заметил и гаркнул на весь зал:

— Не узнали?!

Я притворно помедлил, поскреб в затылке, будто напрягая память, а потом указал на него пальцем и провозгласил:

— Хозяин мясной лавки!

Он поднял бокал:

— Точно! Ваш мясник!

Поспешно сбежав по лестнице, я прошагал по паркету наборного дерева — слишком роскошному, чтобы попирать его ногами. На улице меня встретила гроза.

Подставив лицо дождю, я сделал несколько шагов.

Как ни странно, пришло мне в голову, я теперь тоже не один.

Вымокший до нитки, я засмеялся, втянул голову в плечи и побежал к себе в гостиницу.

Ложки-плошки-финтифлюшки

Почтальон едва не расплавился от зноя, пока брел по тротуару под обжигающим летним солнцем, роняя капли с потного носа и придерживая объемистую кожаную сумку потной ладонью.

— Так, поглядим. Это у нас дом Бартона. Сюда три письма. Одно — Томасу, другое — его женушке Лидди, а третье — бабке. Стало быть, жива еще? Ох уж это старичье, ничто их не берет.

Он бросил письма в ящик и остолбенел.

До его ушей донесся львиный рык.

Почтальон отпрянул, вытаращив глаза.

Тугая дверная пружина исполнила душераздирающую мелодию.

— Доброе утро, Ральф.

— Мое почтение, миссис Бартон. Неужто вы льва взяли в дом?

— Что?

— Льва взяли, говорю. На кухне держите?

Она прислушалась.

— Ах вот вы о чем! Нет, это наш «мусорганик». Ну, вы понимаете, утилизатор органического мусора.

— Не иначе как супруг ваш прикупил.

— Он самый, кто же еще? Вы, мужчины, до техники сами не свои. Такой агрегат даже косточки сожрет — и не поперхнется.

— Вы с ним поосторожней. Не ровен час — он и вас заглотит.

— Не посмеет. Я же известная укротительница, — засмеялась хозяйка и прислушалась. — Ого, и вправду ревет, как лев.

— Видать, оголодал. Ну, всего наилучшего. — И почтальон растворился в утренней жаре.

Лидди, размахивая письмами, взбежала по лестнице.

— Бабуля! — Она постучала в дверь. — Тебе письмо.

Дверь молчала.

— Бабуля? Ты тут?

После долгой паузы из комнаты послышался сухой скрип:

— Тут.

— Что подделываешь?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— Ты все утро у себя в комнате просидела.

— Да хоть бы и весь год, — огрызнулась бабуля.

Лидди подергала дверную ручку.

— Ты никак заперлась?

— Ну, заперлась.

— К обеду-то спустишься, бабуля?

— Еще чего! И к ужину не спущусь. Ноги моей внизу не будет, пока на кухне торчит этот окаянный костогрыз.— Через замочную скважину поблескивал колючий взгляд, который так и буравил внучку.

— «Мусорганик», что ли? — засмеялась Лидди.

— Я слышала, что сказал письмоносец. Ни прибавить, ни убавить. В моем доме львам не место! Вот, слушай! Муженек твой балуется.

Под лестницей ревел «мусорганик», перемалывая объедки, кости и всякую всячину.

— Лидди! — окликнул ее муж.— Лидди, беги сюда! Погляди: зверь, а не машина!

— Бабуля,— обратилась Лидди к замочной скважине,— неужели тебе не интересно?

— Глаза б мои не глядели!

За спиной у Лидди раздались шаги. Через плечо она увидела Тома, который остановился на верхней ступеньке.

— Спускайся, Лидди, попробуй сама включить. Я специально костей взял в мясной лавке. Этот пролот их уминает за милую душу!

Она спустилась в кухню.

— Страшновато, конечно, ну да ладно!

Избавившись от лишних глаз, Томас Бартон постоял с минуту без движения; на его губах играла ханжеская усмешка. Потом он тихонько, если не сказать деликатно, постучался в дверь и прошептал:

— Бабуля?

Ответа не последовало. Томас осторожно подергал дверную ручку.

— Будто я не знаю — ты тут, старая карга! Бабуля, тебе слышно? Это внизу, на кухне. Оглохла, что ли? Ишь, заперлась! Опять нос воротишь? На дворе лето, теплынь, чего тебе еще надо?

Тишина. Он направился в сторону ванной комнаты. Коридор опустел. В ванной потекла вода. От кафельных стен гулким эхом отражалось громогласное пение Томаса Бартона:

Ложки-плошки-финтифлюшки,
Пахнет кровушкой старушки.
Кости р-р-размелю в муку,
Впрок лепешек напеку.

В кухне заревел лев.

От бабули пахло допотопной мебелью, и пылью, и лимонными корочками, а с виду она была похожа на засушенный цветок. Ее решительный подбородок слегка отвис, выцветшие золотистые глаза смотрели пронзительно и сурово; раскачиваясь в кресле, она, словно топорик, разрубала горячий полуденный воздух.

До ее ушей долетела песня Томаса Бартона.
От этого сердце превратилось в ледышку.

Рано утром она слышала, как внучкин муж нетерпеливо крушил фанерный ящик, — ни дать ни взять малолетний сорванец, получивший на Рождество дьявольскую забаву. Яростно трещала крышка, рвалась бумага; потом раздались победные вопли — его руки уже оглаживали прожорливую машину. Еще в прихожей, поймав на себе орлиный взгляд бабули, он со значением подмигнул. Бам! То-то она припустила по лестнице, чтоб скорее захлопнуть за собой дверь!

Бабулю весь день била дрожь.

Лидди еще раз постучалась к ней в комнату, приглашая обедать, но снова получила отпор.

В душевные послеобеденные часы «мусорганик» по-хозяйски обживался под раковиной. Ненасытная пасть с грозными, спрятанными от глаз клыками жевала, дробила, глотала и вожаденно причмокивала. Агрегат подрагивал и клокотал. Он сожрал свиные ножки, кофейную гущу, яичную скорлупу, куриные косточки. Его обуял неутолимый, первобытный голод, который таился в железном чреве, урчал в железных кишках, жадно поблескивал острыми как бритва винтовыми лопастями.

Когда пришло время ужина, Лидди поднялась наверх с подносом.

— Подсунь еду под дверь! — прокричала бабуля.

— Ну, знаешь ли! — не выдержала Лидди. — Ты хотя бы отопри засов: я тебе отдам поднос и уйду!

— Погляди-ка через плечо: не крадется ли кто сзади?

— Никого.

— Давай сюда! — Дверь распахнулась. Отрывка добрая половина кукурузы просыпалась из тарелки на пол. Костлявая пятерня оттолкнула внучку и захлопнула дверь. — Зачем на пороге стоишь? — Старухино сердце трепетало, как заячий хвост.

— Да что на тебя нашло?

Бабуля смотрела, как дверная ручка крутится туда-сюда.

— Без толку объяснять, ты все равно не поверишь, девочка моя. В прошлом году я вас по доброте душевной пустила под свой кров. Но мы с Томом друг друга на дух не переносили. Потом он и вовсе решил меня извести, да только случая не было. Я-то знаю, что он задумал! В один прекрасный день ты придешь из магазина, а меня нет. Ты к нему: куда, мол, бабуля подевалась? А он ослабится и скажет: «Бабуля? Укатила на попутке в Иллинойс! Вмиг собралась — и поминай как звали». Больше ты свою бабулю не увидишь, Лидди, а знаешь почему? Догадываешься?

— Бабушка, это все выдумки. Том тебя любит!

— Он любит мой дом, старинные вещицы, денежки, что под матрасом припрятаны, — вот что он

любит всей душой. А теперь оставь меня в покое, мне надо подумать. Гори все ясным пламенем, я отсюда не выйду.

— А как же твой певчий кенар, бабуля?

— Теперь ты будешь кормить моего Кенни. А Краппу покупай мясной фарш, чтобы песик не голодал. Время от времени приноси мне Китти — без кошки неуютно. Все, ступай. Я прилечь хочу.

Бабуля устроилась на кровати, словно по доброй воле улеглась в гроб и отдала Богу душу. Восковые пальцы соединились на кружевных оборках сорочки, а глаза укрылись за трепетными мотыльками век. Что же делать? Кого натравить на железного паразита? Лидди? Нет, она молода еще, ей бы только печь сладкие плюшки да пончики, от нее даже пахнет опарой и теплым молоком. Думает, поди, что убить можно только для того, чтобы нашпиговать жертву чесноком, украсить ломтиком апельсина и подать к столу на парадном блюде — кромсай ее ножом сколько влезет, она и не пикнет. Суровые истины внучке не растолкуешь: у этой хохотушки на уме одна сдоба с корицей.

Бабуля обреченно вздохнула. Даже крошечная жилка на цыплячьей шее больше не билась. Только слабый присвист вырывался из усохшей груди, словно тень дурного предчувствия.

Лев спал в хромированной клетке.

Прошла неделя.

Бабуля появлялась из укрытия только затем, чтобы «сбегать кое-куда». Дождавшись, когда во дворе надсадно закашляет автомобиль Томаса, она стремглав выскакивала в коридор и совершала короткую перебежку, а через пару минут уже падала на кровать и потом долго отлеживалась. Иногда Томас Бартон нарочно задерживался перед выходом на работу, приходил к ней на порог и стоял по стойке «смирно», математически строгий, как негибемая единица, а сам так и буравил глазами дверь, радуясь, что можно не спешить.

Как-то раз, во мраке летней ночи, бабуля прошмыгнула на кухню и скормила «льву» целую упаковку болтов и гаек. Расчет был на то, что Лидди с утра пораньше дернет за рычаг — и костогрыз не выдержит. На рассвете, лежа в постели, бабуля стала прислушиваться: молодые зашевелились, пару раз зевнули; теперь оставалось только дождаться, когда лев заревет, подавится болтом, шайбой или винтиком и сдохнет, не переварив железо.

Томас уже спускался вниз из супружеской спальни.

Через полчаса раздался его голос:

— Тебе подарочек, бабуля. Мой лев говорит: кушайте сами.

Немного выждав, она приоткрыла дверь и увидела на пороге разложенные рядком болты и гайки.

На двенадцатый день затворничества бабуля сняла телефонную трубку:

— Алло, это ты, Том? Работаешь?

— Вы звоните мне в офис. Что-то случилось?

— Нет, это я так. — Она повесила трубку, на цыпочках прокралась по коридору и спустилась в гостиную.

Лидди не поверила своим глазам:

— Бабуля!

— Кто ж еще? Том здесь?

— Будто ты не знаешь — он на работе.

— Знаю, знаю! — Бабуля обвела комнату немигающим взором и причмокнула фарфоровой челюстью. — Только что ему звонила. Сколько ехать от его конторы до дому — минут десять, не меньше?

— Бывает, и за полчаса не добраться.

— Вот и ладно. — Вид у бабули был горестный. — Не могу больше маяться взаперти. Сойду-ка, думаю, вниз, с тобой посижу, воздухом подышу. — Она вытащила из-за ворота миниатюрные золотые чашки. — А через десять минут надо уносить ноги. Потом еще разок звякну Тому, проверю, ушел он с работы или нет. Если не ушел, можно будет опять спуститься. — Она распахнула входную дверь и прокричала в свежий летний день: — Краппи! Ко мне, Крапик! Китти, киса, иди сюда, кис-кис-кис!

На крыльцо с лаем примчался белоснежный — причем без единой крапинки — пес Крапп, а за ним

появилась раскормленная черная кошка, которая дождалась, когда бабуля опустится в кресло, и тут же впрыгнула к ней на колени.

— Ах вы, мои хорошие! — ворковала бабуля с закрытыми глазами, лаская своих питомцев и прислушиваясь, не запоеет ли ее любимый кенар, чья золоченая клетка висела в нише столовой.

Тишина.

Бабуля встала и заглянула в столовую.

В считанные мгновения она поняла, что произошло.

Клетка была пуста.

— Кенни пропал! — вскричала бабуля, переворачивая клетку вверх дном. — Пропал!

Клетка упала на пол; тут подроспела Лидди.

— То-то я думаю: тихо у нас, с чего бы это? Видно, по рассеянности не заперла дверцу...

— Не заперла дверцу? Ох, беда... Погоди-ка...

Бабуля зажмурилась и ошупью вернулась в кухню. Наткнувшись пальцами на холодную раковину, она открыла глаза и заглянула в сточное отверстие.

Сияющий «мусорганик» молча скалил железную пасть. У края раковины лежало крошечное желтое перышко.

Бабуля включила воду.

«Мусорганик» зачавкал и сделал глоток.

Бабуля медленно зажала рот сухими ладонями.

У нее в спальне было тихо, как в омуте; она за-
таилась, словно робкая лесная зверушка, которая
боится выйти из спасительной тени, чтобы не уго-
дить в лапы жестокому хищнику. С исчезновением
певчего кенара Кенни ее страхи сменились неодо-
лимым ужасом. Лидди едва оттащила бабулю от ра-
ковины, когда над прожорливым мусороедом уже
был занесен молоток. Потом внучка сама препро-
водила ее наверх и положила ей на пылающий лоб
пузырь со льдом.

— Он убил кенара Кенни! Убил бедняжку Кен-
ни! — причитала бабуля, не сдерживая рыданий.

Мало-помалу озноб прошел, и к ней вернулась
прежняя решимость. Выставив Лидди за дверь, она
ощутила в душе холодную ярость, к которой приме-
шивался суеверный страх: подумать только — Том
даже перед этим не остановился!

Нет, больше она не распахнет дверь, даже не
примет поднос с ужином. Во время обеда ей швыр-
нули тарелки на придвинутый к порогу стул, и она,
накинув на дверь цепочку, кое-как поела: ее кост-
лявая рука, словно запасливая птичка, выскакива-
ла из щели, хватала кусочки мяса с кукурузой, уно-
сила к себе и возвращалась за новой порцией.

— Благодарствую! — Дверь захлопнулась, и юр-
кая птичка исчезла.

— Кенар Кенни, видно, улетел, бабуля.

Это Лидди звонила из аптеки. Иными способами установить контакт не удавалось.

— Спокойной ночи! — отрезала бабуля и повесила трубку.

На другой день она снова позвонила Томасу.

— Ты на работе, Том?

— А где же еще?

Бабуля засеменила по лестнице.

— Крапик, Краппи, ко мне! Китти, кис-кис-кис!

Ни собака, ни кошка на зов не явились.

Она выждала, держась за дверной косяк, а потом покричала Лидди.

Та пришла.

— Лидди, — чуть слышно выдавила бабуля, не глядя на внучку. — Сходи-ка загляни в «мусорганик». Подними стальную заглушку. Скажи, что ты там видишь.

Шаги Лидди замерли. В воздухе повисло безмолвие.

— Ну, что там? — в страхе и смятении закричала бабуля.

Лидди отозвалась не сразу.

— Клок белой шерсти...

— Что еще?

— Еще... клок черной шерсти.

— Молчи. Больше ни слова. Принеси мне таблетку аспирина.

Лидди послушалась.

— Бабуля, пора вам с Томом прекратить эти глупости. Поиграли — и будет. Я ему сегодня мозги вправлю. Это уже не смешно. Мне думалось, если тебя не тревожить, ты перестанешь бредить каким-то львом. Но прошла целая неделя...

Бабуля не дослушала.

— По-твоему, мы еще увидим Краппа и Китти?

— Оголодают — и прибегут как миленькие, — ответила Лидди. — Ну, Том... Надо же было додуматься — клочки шерсти в «мусорганик» подбросить. Больше я такого не допущу.

— Не допустишь, Лидди? — Бабуля, как сомнамбула, плыла наверх. — Правда не допустишь?

Всю ночь напролет она строила планы. Дело зашло слишком далеко. Собака и кошка так и не вернулись, а Лидди только похохатывала и твердила, что еще рано. Бабуля согласно кивала. И она, и внучкин муж дошли до крайности. Может, разбить этого железного оглоеда? Но на его место молодые тотчас поставят такого же, а ее саму сообща отправят в психушку, если она не прекратит бредить. Нет, надо торопить события, надо брать дело в свои руки, надо играть на своем поле, по своим правилам. С чего же начать? Перво-наперво придется хитростью спровадить внучку. Чтобы наконец-то остаться с Томасом наедине. Сколько можно терпеть его ухмылки, прятаться за семью замками, есть всухо-

мятку, ящерицей выскальзывать за дверь? Хватит. Она втянула носом полночную прохладу.

— Завтра,— решила она,— сам Бог велел устроить пикник.

— Бабуля! — позвала Лидди сквозь замочную скважину. — Мы уезжаем. Ты не надумала к нам присоединиться?

— Нет, дитя мое. Хорошего вам отдыха. Денек-то какой солнечный!

Погожее субботнее утро. В ранний час бабуля позвонила вниз и надоумила молодых отправиться в лес, захватив побольше сэндвичей с ветчиной и маринованными огурчиками. Том с готовностью согласился. Пикник! Что может быть лучше! Смеясь, он потирал руки.

— Счастливо оставаться, бабуля!

Затрещали плетеные корзины с провизией, хлопнула входная дверь — и автомобиль с рокотом покатил навстречу солнечному свету.

— Пора. — Бабуля вошла в гостиную. — Теперь дело за небольшим. Как пить дать, сейчас вернется. По голосу было ясно: слишком уж он радовался этой вылазке! Скоро будет тут — крадучись проскользнет в дверь.

Она схватила жесткий соломенный веник и прошлась по всем комнатам. Ей чудилось, будто прутья выметают обломки негнушейся единицы, очи-

шая комнаты от Томаса Бартонa. Крошки табака, аккуратно сложенные газеты, которые он читал по утрам за чашкой бразильского кофе, шерстинки из его безупречного твидового костюма, скрепки, прихваченные с работы, — все долой, все за порог! Можно было подумать, ей поручено подготовить сцену, чтобы расставить декорации. Немного повозившись, она подняла зеленые шторы, впустила в дом лето, и комната заиграла яркими красками. Однако здесь царила невыносимая тоска: на кухне больше не крутился пес, который прежде стучал когтями по половицам, словно по клавишам пишущей машинки; из комнаты в комнату не шествовала пушистая кошка, мягко ступая по коврам с розами; в золоченой клетке не хлопотала невольница-кана-рейка. Безмолвие нарушал только горячечный шорох — это дряхлое тело бабули подтачивала старость.

Посреди кухни у нее из рук выпал кувшинчик с маслом.

— Ай-ай-ай, что же я наделала! — рассмеялась бабуля. — Руки-крюки. Не ровен час, кто-нибудь поскользнется! — Но вместо того чтобы взять тряпку и насухо вытереть пол, она забилась в дальний угол.

— Все готово, — заявила она в пустоту.

Солнечные лучи падали ей на колени, где стояла миска, полная свежего гороха. Пальцы привыч-

но нащупывали очередной стручок и вспарывали его кухонным ножом. Время шло. Тишину нарушал только холодильник, жужжавший за герметичными резиновыми уплотнителями. У бабули было с ним какое-то сходство: улыбаясь плотно сжатыми губами, она вскрывала зеленые створки.

Дверь кухни неслышно отворилась, чтобы тут же закрыться.

— Ой! — Бабуля выронила миску.

— Здорово, бабуля! — сказал Том.

Горошины, как лопнувшие бусы, рассыпались вокруг масляного пятна.

— Вернулся, — отметила бабуля.

— Вернулся, — подтвердил Том. — Лидди осталась в Глендейле. По магазинам ходит. А я напелл, будто кое-что нужное забыл. Обещал заехать за ней через часок.

Их глаза встретились.

— Слышь, бабуля, сдается мне, тебя ждет дальняя дорога, — произнес Том.

— Интересно. А почему не тебя? — сказала она.

— Да ведь ты, ни слова не сказав, взяла да укатила куда глаза глядят.

— На самом деле это ты второпях собрался — и был таков.

— Говорю же: ты.

— Нет, ты, — повторила она.

Внучкин муж сделал первый шаг в сторону масляного пятна.

От его тяжелой поступи скопившаяся в раковине вода задрожала и потекла в глотку «мусорганика», откуда послышалось влажное чмокание.

Том не смотрел под ноги; его подошва заскользила по разлитому жиру.

— Том! — На лезвии ножа играл солнечный зайчик. — Тебе помочь?

Бросив шесть писем в ящик перед домом Бартонов, почтальон прислушался.

— Опять этот лев, — сказал он вслух. — А в доме кто-то бродит. И даже песни распевает.

Шаги слышались прямо за дверью. Чей-то голос выводил:

Ложки-плошки чистить рано,
Пахнет кровушкой барана.
Кости р-р-размелю в муку,
Впрок лепешек напеку.

Дверь отворилась.

— Доброе утречко! — заулыбалась бабуля.

Львиный рык не умолкал.

Вожделение вслепую

— Видал?

— Что такое?

— Туда смотри, не зевай!

Но огромный шестиместный «студебекер» 1929 года уже исчез из виду.

Один из горожан, коротавших время у скобяной лавки Фремли, вышел на проезжую часть и проводил автомобиль долгим взглядом.

— Какой-то ненормальный нахлобучил капюшон и сел за руль! Капюшон — как у палача, черный, все лицо закрывает. Этот тип вел машину вслепую!

— Я видел, я видел! — отозвался не менее изумленный мальчик, стоящий неподалеку. Этим мальчиком был я, Томас Квинси Райли, более известный как Том или Квинт и в высшей степени любознательный. Я побежал следом.

— Эй, стой! Во дает! Езда вслепую!

Я почти поравнялся с невидящим водителем на перекрестке улиц Мэйн и Элм, где «студебекер»,

преследуемый звуком сирены, свернул на Элм-стрит. Ошеломленный этим движущимся видением, один из городских полицейских оседлал мотоцикл и пустился в погоню.

Когда я подбежал к машине, она была уже прижата мотоциклом к тротуару: нога в форменном ботинке стояла на подножке, а сам офицер полиции, Уилли Креншоу, сурово глядел на черный Капюшон и на того, кто скрывался под этим Капюшоном.

— Попрошу это снять,— сказал он.

— Для начала взгляните на мои водительские права,— послышался приглушенный голос. Из окна выплыла рука с правами.

— Мне нужно видеть ваше лицо,— сказал Уилли Креншоу.

— Там есть фотография.

— Я должен быть уверен, что это именно ваша фотография,— сказал Уилли Креншоу.

— Меня зовут Фил Данлоп,— прозвучал голос из-под Капюшона.— Адрес: Гэрни, улица Дес-Плейнз, дом сто двадцать один. Владелец автосалона «Студебекер», расположенного по адресу: Гэрни-авеню, дом шестнадцать. Если вы обучены грамоте, то можете убедиться.

Уилли Креншоу, наморщив лоб, стал вчитываться в каждое слово.

— Эй, мистер! — сказал я. — Лихо у него получается, верно?

— Без тебя разберемся, сынок. — Полицейский еще решительнее вдавил ботинок в подножку автомобиля. — Куда направляетесь?

Привстав на цыпочки, я выглядывал из-за плеча офицера, который никак не мог решить, что делать: то ли выписать штраф, то ли арестовать этого сумасброда.

— Так куда вы направляетесь? — повторил Уилли Креншоу.

— В настоящий момент, — произнес голос из-под Капюшона, — я направляюсь на поиски места для ночлега, чтобы можно было пару дней поколесить по вашему городку.

Уилли Креншоу наклонился к окну автомобиля:

— Что значит «поколесить»?

— Обкатать эту машину, как вы понимаете, а заодно расшевелить местных жителей и привлечь их внимание.

— Уже зашевелились, — нехотя признал полицейский, оглядывая толпу, собравшуюся за спиной Томаса Квинси Райли, то есть за моей спиной.

— Много там народу, мальчик? — спросил человек в Капюшоне.

Когда до меня дошло, что он обращается ко мне, я поспешил с ответом:

— Зашибись!

— Как ты думаешь, если я в течение суток буду разезжать по городу в таком виде, люди согласятся на минуту остановиться и выслушать, что я им скажу?

— Еще бы! — ответил я.

— Вот вам и ответ, офицер, — произнес Капюшон, глядя перед собой — так, по крайней мере, казалось со стороны. — Я послушаюсь мальчика и задержусь в этом городе. Мальчик, — обратился ко мне голос, — ты не посоветуешь, где бы я мог побрить свое невидимое лицо и приклонить голову?

— У моей бабушки, она...

— Отлично. А скажи, мальчик...

— Меня зовут Томас Квинси Райли.

— По прозвищу Квинт?

— А вы откуда знаете?

— Прыгай в машину, Квинт, будешь показывать дорогу. Но даже не пытайся заглянуть под Капюшон.

— Будьте уверены, сэр!

Сердце у меня трепетало, что кроличий хвост. Обойдя вокруг машины, я уселся на переднее сиденье.

— Разрешите откланяться, офицер. Если будут вопросы, найдете меня по месту жительства этого мальчугана.

— Вашингтон-стрит, дом шестьсот девятнадцать... — начал я.

— Без тебя знаю! — вскричал офицер. — Чтоб ты провалился!

— Вы готовы вверить меня заботам этого ребенка?

— Проклятье! — Полицейский ботинок убрался с подножки автомобиля, и мы рванули с места.

— Квинт? — позвал голос из-под черного Капюшона. — Как меня зовут?

— Вы сказали...

— Забудь. Как бы ты сам хотел меня называть?

— Наверно... мистер Мистериус?

— Лучше не придумашь! Итак, где мне свернуть налево, направо, направо, налево и снова направо?

— Ну вы даете! — только и сказал я.

И мы двинулись с места; я жутко боялся попасть в аварию, а мистер Мистериус, добродушный и совершенно спокойный, безупречно выполнил левый поворот.

Когда нужно чем-то занять руки, чтобы успокоить нервы, женщины обычно берутся за вязанье.

Моя бабушка не вязала — она лушила горох. Почти каждый день, сколько я себя помню, у нас к обеду подавали зеленый горошек. Иногда она чистила бобы. А фасоль? Бабушка воздавала должное и фасоли, но фасоль чистилась не так легко и ак-

куратно. Горох — совсем другое дело. Бабушка видела, как мы подошли к крыльцу, но продолжала освобождать от стручков мелкие зеленые шарики.

— Познакомься, бабушка, — проговорил я. — Это мистер Мистериус.

— Вот и славно. — Бабушка кивнула и заулыбалась неизвестно чему.

— Он носит Капюшон, — продолжил я.

— Вижу, вижу. — Бабушка оставалась столь же невозмутимой и приветливой.

— Он ищет комнату.

— В Писании сказано: ищите — и обрящете. По лестнице-то он сможет взойти? Прости, Господи, меня, старую.

— И еще его нужно накормить обедом, — добавил я.

— Извиняюсь, конечно, только как же он собирается обедать с этим мешком на голове?

— Это Капюшон, — сказал я.

— Вот-вот, в капюшоне.

— Я справлюсь, — глухо произнес мистер Мистериус.

— Он справится, — растолковал я.

— Будет на что посмотреть. — Бабушка очистила еще один стручок. — А как вас величать, господин хороший?

— Тебе же было сказано, — рассердился я.

— Да, верно, — кивнула бабушка. — Обед у нас в шесть, — сказала она и добавила: — Без опоздания.

За обедом, накрытым ровно к шести, шумели едоки — одни снимали у нас комнаты, другие приходили столоваться. Мой дед, вернувшись домой с золотых приисков и серебряных рудников Невады, не привез с собою ни золота, ни серебра и, перебравшись в библиотеку, поближе к своим книгам, позволил бабушке сдать комнаты на втором этаже трем холостякам и двум незамужним барышням; кроме того, с нами за стол садились еще трое соседских постояльцев. Это оживляло наши завтраки, обеды и ужины, да к тому же позволяло бабушке удерживать семейный ковчег на плаву. Сегодня около пяти минут было потрачено на бурные политические дебаты, минуты три ушло на дискуссии религиозного толка, а потом завязался самый приятный разговор: о том, что было предложено на обед; но как раз в этот момент появился мистер Мистериус, и все замолчали. Он скользнул мимо едоков, кивая Капюшоном направо и налево, а я, едва дождавшись, пока он сядет, громко выкрикнул:

— Дамы и господа, прошу любить и жаловать: мистер...

— Можно попросту, Фил,— глухо сказал мистер Мистериус.

Расстроенный, я опустил на стул.

— Фил,— повторили все вразнобой.

Гости уставились на него, гадая, видит ли он их взгляды сквозь черный бархат. «Как же он собирается есть в таком колпаке?» — думали они. Мистер Мистериус взялся за большую столовую ложку.

— Будьте добры, передайте подливку,— раздался его шелест.

— И картофельное пюре,— добавил он тихо.

— И зеленый горошек,— закончил он.

— И еще, госпожа Бабушка,— произнес он. Стоявшая в дверях бабушка заулыбалась. «Госпожа» показалось ей приятным штрихом. — Сделайте одолжение, подайте мое блюдо голубого фаянса.

Бабушка и впрямь поставила перед ним китайское фаянсовое блюдо с изображением садовых цветов, которое тут же наполнилось месивом, похожим на объедки из собачьей плошки: мистер Мистериус зачерпнул подливку, положил себе картофельного пюре, добавил горошка и размял все это вилкой до состояния однородной кашицы, стараясь не слишком привлекать наше внимание; у нас глаза полезли на лоб.

После недолгого молчания голос из-под черного Капюшона произнес:

— Не возражаете, если я прочту молитву?

Никто не возражал.

— Господь милосердный, — прозвучал голос из-под Капюшона, — позволь нам принять эти дары любви, что изменяют нашу жизнь и направляют ее, приближая к совершенству. Пусть ближние видят в нас лишь то, что мы видим в них: совершенство и красоту, не требующие слов. Аминь.

— Аминь, — произнесли все хором, и тут мистер М. вытащил из складок плаща предмет, изумивший постояльцев и поразивший всех прочих.

— Вот это да! — вырвалось у кого-то (у меня). — Ни фиги себе соломинка!

— Квинт, — одернула бабушка.

— А что такого?

Действительно, это была соломинка, в два или три раза больше обычной; один ее конец исчез под Капюшоном, а другой погрузился в сдобренное подливкой собачье варево из пюре с горошком, которое бесшумно продвигалось вверх и исчезало в невидимых губах — незаметно и беззвучно, как исчезает под столом кошка.

Тут мы все принялись за еду, в смущении разрезая мясо, жуя и глотая так шумно, что нас бросало в краску.

А мистер Мистериус недоступно для наших взоров втягивал в себя свой полужидкий обед, не издавая даже бульканья. Краем глаза мы наблюдали, как пища, бесшумно скользя по соломинке, исче-

зала под Капюшоном — и так до тех пор, пока тарелка не опустела. Закончив трапезу, мистер М. положил руки на колени.

— Надеюсь,— произнесла бабушка, не отрывая взгляда от соломинки,— обед вам понравился.

— Зашибись,— ответил мистер Мистериус.

— На сладкое сегодня мороженое,— добавила бабушка.— Правда, оно почти совсем растаяло.

— Почти совсем растаяло! — засмеялся мистер М.

В тот чудесный летний вечер на веранде было раскурено три сигары и одна сигарета, мирно постукивало несколько пар спиц, а кресла-качалки разве что не взлетали в воздух, от чего соседские собаки начали подвывать, а кошки разбрелись куда подальше.

Среди облаков сигарного дыма, дождавшись паузы в постукивании спиц, дедушка, который появлялся только с наступлением темноты, сказал:

— Да простится мне такая бесцеремонность, но что вы намерены делать дальше, имея крышу над головой?

Мистер Мистериус облокотился на перила веранды, глядя, как нам казалось, на свой отполированный «студебекер», поднес к Капюшону сигарету, затянулся и выпустил дым, даже не закашлявшись. Я с гордостью следил за каждым его жестом.

— Как вам сказать,— отозвался мистер Мистериус.— Передо мной открыто несколько путей. Видите ту машину?

— Машина заметная, как ее не увидеть? — сказал дедушка.

— Это «восьмерка», новейшая модель «студебекера» класса А. Пробег у нее — тридцать миль: от Гэрни до этих мест, да еще пара кругов по городу. У меня в автосалоне как раз помещаются три таких «студебекера» и четверо покупателей. Мимо ходят одни фермеры, но эти в салон почти не заглядывают. Вот я и рассудил, что надо податься в более оживленный город, где можно крикнуть: «Прыгай!» — и люди хотя бы сделают разбег.

— Мы ждем продолжения,— сказал дедушка.

— Хотите, я вам продемонстрирую, о чем моллю Всевышнего и чего непременно добьюсь? — с расстановкой произнес сигаретный дым, скопившийся под тканью.— Пусть кто-нибудь скажет: «Вперед!»

Тут из разных уст как по команде вырвался сигарный дым:

— Вперед!

— Прыгай, Квинт!

Я успел добежать до «студебекера» первым, и как только мистер Мистериус опустился на переднее сиденье, мы сорвались с места.

— Направо, потом налево и еще раз направо, верно, Квинт?

Так оно и было: чтобы добраться до главной улицы, требовалось свернуть направо, потом налево и еще раз направо. Нас обдувало ветром.

— Что ты хохочешь, Квинт?

— Я не нарочно! До чего клево так кататься!

— Где ты набрался таких слов? Посмотри, кто-нибудь движется за нами следом?

— По тротуару — трое парней. А по мостовой — старые дядьки, тоже трое.

Он сбавил скорость. Где было шесть человек, вскоре стало восемь.

— Скажи, Квинт, далеко ли еще до табачной лавки, где сидят досужие болтуны?

— Доехали уже — вы и сами знаете.

— Тогда смотри!

Проезжая мимо табачной лавки, он притормозил и сбросил газ. Из выхлопной трубы вырвался настоящий артиллерийский залп, какой услышишь разве что в День независимости, четвертого июля. Досужие болтуны вскочили со ступеньки и схватились за соломенные шляпы. Мистер М. приветствовал их еще одним залпом, прибавил скорость, и за ним уже побежали двенадцать человек вместо восьми.

— Вот так-то! — вскричал мистер Мистериус. — Чувствуешь, какая страсть? Чувствуешь, какое рве-

ние? Ничто так не возвышает мужчину, как новехонький восьмицилиндровый «студебекер» класса «А-один»: в нем начинаешь чувствовать себя примерно как Елена, победоносно вззирающая на Трою! Сейчас надо остановиться, поскольку здесь уже собралось достаточно народу, чтобы обменяться аргументами и вволю подискутировать. Ну-ка!

Мы остановились на перекрестке Мейн и Арбогаст, и мотыльки тут же слетелись на наше пламя.

— Это и есть самый что ни есть новейший «студебекер», только-только с выставки? — поинтересовался городской парикмахер. Мои вихры были с ним хорошо знакомы.

— Новее не бывает, — ответил мистер М.

— Я первый подошел, я первый и спрашивать буду! — заявил мистер Багадосян, помощник мэра.

— Но денежки-то у меня! — В свете приборной доски возник третий претендент. Это был мистер Бенгстром, которому принадлежало кладбище вместе со всеми, кто на нем покоем.

— У меня покамест только один «студебекер», — скромно заметил голос из-под Капюшона. — Жаль, конечно, но это так.

Тут по толпе прокатился недовольный ропот.

— Общая стоимость, — объявил мистер М., перекрывая ропот, — составляет восемьсот пятьдесят долларов. Первый из вас, кто сунет мне в руку банкноту в пятьдесят долларов или такую же сумму в

мелких банкнотах, получит право отогнать это сказочное чудо техники к себе домой.

Не успел мистер Мистериус выставить ладонь в окно, как на ней выросла стопка пятерок, десятков и двадцаток.

— Квинт?

— Да, сэр?

— Засунь-ка руку в ящик под приборной доской — там у меня бланки заказов.

— Сейчас, сэр.

— Бенгстром! Сирил Бенгстром! — Похоронных дел мастер кричал громче всех.

— Не волнуйтесь, мистер Бенгстром. Машина ваша. Распишитесь вот здесь.

И вскоре мистер Бенгстром с гомерическим хохотом отъезжал от перекрестка Мейн и Арбогаст, оставляя позади застывшую в молчании толпу. Он сделал вокруг нас два круга, от чего толпа пришла в еще большее уныние, а потом с ревом вылетел на трассу, чтобы показать свою удаль.

— Не горюйте, — произнес голос из-под темного Капюшона. — У меня в автосалоне есть еще один «студебекер» последнего выпуска, модель «А-один», ну, может, найдется и еще один, но не более, хотя за ними нужно ехать в Гэрни. Не согласится ли кто-нибудь меня подбросить?

— Я! — закричали все.

— Вот, значит, как вы проворачиваете свои дела,— сказал дедушка.— Вот что вас сюда привело.

Этот разговор зашел поздно вечером, когда комаров стало заметно больше, а курильщиков и вязальщиц — меньше. У тротуара был припаркован еще один «студебекер», на этот раз — ярко-красного цвета.

— Погодите, вы еще не знаете, что начнется, когда они увидят этого красавца в лучах солнечного света! — тихо посмеивался мистер Мистериус.

— Чует мое сердце,— сказал дедушка,— вы на этой неделе распродадите свой товар, а нам ничего не достанется.

— Не люблю строить планы и задирать нос,— отозвался мистер Мистериус,— но, похоже, так оно и будет.

— Ну и хитрец! — Дедушка пыхнул трубкой, предаваясь глубоким размышлениям.— Натянул на голову мешок, чтобы разжечь аппетиты и заставить о себе говорить!

— Дело не только в этом.— Мистер М. затащился сигаретой через плотную ткань.— Это нечто большее, чем просто трюк, уловка или бравада.

— А что же еще? — спросил дедушка.

— А что же еще? — спросил я.

Настала полночь, но я так и не смог заснуть. Не спал и мистер Мистериус. Я тайком спустился по

лестнице и нашел его во дворе, где он сидел в деревянном шезлонге, и, наверно, взгляд его был устремлен к светлячкам и еще дальше — к звездам; первые находились в непрерывном движении, вторые замерли в неподвижности.

— Здорово, Квинт, — сказал он.

— Можно спросить, мистер Мистериус?

— Спрашивай.

— Вы и спите в этом Капюшоне?

— Каждую ночь, из месяца в месяц.

— Всю жизнь?

— Почти.

— А сегодня вечером вы говорили, что это больше чем уловка, больше чем бахвальство. Тогда что же?

— Если я не ответил на этот вопрос постояльцам и твоему деду, почему я должен отвечать тебе, Квинт? — спросил Капюшон без лица, неподвижно темнеющий в ночи.

— Потому что мне интересно.

— Думаю, это самая веская причина. Присядь-ка, Квинт. Смотри, какие светлячки. Хороши, верно?

Я опустил на мокрую траву.

— Красивые.

— Так и быть, — произнес мистер Мистериус, поворачивая голову под Капюшоном в мою сторону. — Слушай. Задумывался ли ты, Квинт, что скры-

вается под этим Капюшоном? Не возникало ли у тебя желания сорвать его у меня с головы?

— Не-а.

— Это почему же?

— Помните, в «Призраке оперы» одна так и сделала — и что с ней стало?

— Ну так как, дружище, сказать тебе, что под ним скрывается?

— Только если вы сами не против, сэр.

— Как ни странно, не против. Этот Капюшон появился у меня очень давно.

— Когда вы еще были мальчишкой?

— Можно и так сказать. Уже не помню, родился я в нем или надел позже. Когда попал в аварию. Или обгорел на пожаре. А может, какая-то женщина надо мной посмеялась и обожгла сильнее огня, оставив глубокие шрамы. Все мы так или иначе падаем с крыши или хотя бы с кровати. Когда грохнешься об пол — это все равно что падение с крыши. Раны заживают очень долго, а порой и вовсе не затягиваются.

— Хотите сказать, вы даже не помните, когда в первый раз нацепили эту штуковину?

— Прошлое стирается из памяти, Квинт. Я уже давно перестал понимать, что к чему. Эта темная ткань приросла ко мне, словно вторая кожа.

— А вы?..

— Что, Квинт?

— ...когда-нибудь бреетесь?

— В этом нет нужды — под Капюшоном не растет щетина. Полагаю, меня можно вообразить двояко. Либо как страшный сон, в котором видишь гробы, гнилые зубы, черепа и гнойные раны. Либо...

— Как?

— Либо как вообще ничто, просто ничто. Бороды нет — брить нечего. Бровей нет. Носа практически тоже нет. Веки — одно название: глаза открыты. Да и рта как такового нет, только шрам. Все остальное — пустое место, снежный простор, чистый лист, как будто кто-то полностью меня стер, чтобы потом изобразить заново. Вот так-то. Можно строить догадки на мой счет одним способом, можно — другим. Какой ты выбираешь?

— Не могу решить.

— Как же так?

Мистер Мистериус поднялся с шезлонга и теперь стоял босиком на траве, а его островерхий Капюшон указывал в сторону какого-то созвездия.

— А вы,— решил я,— так до конца и не ответили моему дедушке. Вроде бы вы приехали не только для того, чтобы распродать новые «студебекеры»,— а для чего еще?

— Ах вот ты о чем,— кивнул он.— Дело в том, что я уже много лет одинок. В Гэрни особо не разгуляешься. Что я там вижу? Торгую машинами да прячусь под этим бархатным колпаком. Вот я и ре-

шил вырваться на простор, пообщаться с приличными людьми, с кем-нибудь подружиться, найти человека, который ко мне потянется или хотя бы согласится меня терпеть. Понимаешь, о чем я, Квинт?

— Не совсем.

— Какой мне прок торчать у вас в Гринтауне, набивать живот за обедом и смотреть на верхушки деревьев из окна своей мансарды? Спроси меня.

— Какой вам прок? — спросил я.

— Вот на что я уповаю, Квинт, вот о чем молю Бога, сынок: когда я снова войду в ту же реку, окунусь в ту же воду, сойду с людьми, пусть с мало-знакомыми, даже с чужими, пусть какая-нибудь дружеская привязанность, доброжелательность, а то и полулюбовь разгладит мои шрамы, изменит лицо. Пусть месяцев через шесть-восемь или хотя бы через год жизнь изменит мою маску, не срывая ее, чтобы воск, из которого слеплено лицо, по ночам не походил больше на страшный сон, а по утрам не превращался в ничто. Это тебе ясно, Квинт?

— Вроде бы ясно.

— Ведь люди, которые с нами рядом, способны наложить на нас заметный отпечаток, верно? Например, ты убегаешь гулять и прибегаешь домой, а дедушка исподволь на тебя влияет, лепит по-новому, когда успевает сказать тебе доброе словечко, обнять за плечи, взъерошить волосы, а раз в год,

возможно, задать порку, да такую, что надолго запомнишь.

— Два раза в год.

— Ну, два раза. Люди, которые приходят к вам снимать комнаты или столоваться, ведут свои беседы, ты держишь ухо остро и пропускаешь их разговоры через себя, а ведь при этом ты тоже меняешься. Все мы барахтаемся в воде, в речке, в горном потоке, вбираем в себя каждое слово, каждое замечание учителя, каждый подзатыльник от хулигана, каждый взгляд и каждый жест непонятных созданий, которые известны тебе под именем женщин. Все это нас укрепляет. Служит нам утренней чашкой чая и ночным куском пирога, и человек на этом возрастает — или не возрастает, смеется или хмурится, а то и шагает по жизни без всякого выражения, но как бы то ни было, ты все равно находишься в этом русле: то окоченеешь, то растаешь, то пустишься наутек, то замрешь как вкопанный. А я долгие годы стоял в стороне. Итак, на этой неделе я собрался с духом: как показать в выгодном свете машину — это для меня пара пустяков, а вот как показать себя — не имею понятия. И я решил испытать судьбу: авось к следующему году это лицо под Капюшоном сумеет стать другим, переменится в один прекрасный день или вечер, и я почувствую эту перемену, ибо я снова вхожу в этот поток, вдыхаю

хаю свежий воздух, позволяю людям до меня дотянуться, иду на риск, не прячусь за лобовым стеклом «студебекера» — нового или старого. А на исходе следующего года, Квинт, я надеюсь навсегда сбросить этот Капюшон.

С этими словами, отвернувшись от меня, он сделал невероятный жест. У меня на глазах черный бархат оказался у него в руках, а потом упал на траву.

— Хочешь посмотреть, Квинт? — тихо спросил он.

— Нет, сэр, не хочу. Вы только не обижайтесь.

— Тебе неинтересно?

— Боязно. — Меня даже передернуло.

— Ясное дело, — сказал он, помолчав. — Сейчас чуток подышу, а потом опять закрою лицо.

Он три раза глубоко вздохнул, не поворачиваясь ко мне, высоко поднял голову и устремил глаза к светлячкам и немногочисленным созвездиям. Потом Капюшон вернулся на место.

Хорошо еще, подумал я, что ночь выдалась безлунная.

Через пять дней, через пять «студебекеров» (один синий, один черный, два молочно-белых и один вишневый) мистер Мистериус сидел в том единственном автомобиле, который, по его словам, еще оставался непроданным, — это был солнечно-желтый спортивный автомобиль с открытым верхом,

яркий, как канарейка в клетке, — а я вышел из дому, засунув руки в карманы комбинезона, и стал высматривать на тротуаре муравьев или старые неразорвавшиеся петарды. Увидев меня, мистер М. предложил:

— Садись-ка на водительское место.

— Ух ты! А можно?

Я сделал так, как он сказал: крутанул руль и по-сигналил, но только один разок, чтобы не разбудить домочадцев, которые любили утром поспать.

— Признавайся, Квинт, — сказал мистер Мистериус; его Капюшон торчал над ветровым стеклом.

— В чем признаваться-то?

— Вижу, тебя распирает. Выкладывай, что у тебя на уме.

— Я всякое передумал.

— Это видно по твоему наморщенному лбу, — добродушно заметил мистер М.

— Я вот думаю: что будет через год — и с вами, и вообще.

— Интересно, сынок. Продолжай.

— Я так думаю: может, на следующий год, если у вас под этим Капюшоном заживет лицо, появится нос, вырастут брови, рот начнет как следует открываться, а кожа...

Я запнулся. Капюшон ободряюще кивнул.

— Вот я и думал: проснетесь вы как-нибудь утром и, даже не ошупав себя под Капюшоном, бу-

дете знать, что вы своего добились, смогли измениться, потому что разные люди и предметы сделали вас другим, и наш город тоже постарался и все такое прочее, и вы теперь человек что надо, и никогда уже не будете пустым местом.

— Говори, говори, Квинт.

— Ну вот, если так случится, мистер Мистериус, и вы сами будете знать, что вы теперь человек что надо и навсегда таким останетесь, вам даже не обязательно будет снимать этот Капюшон, правда?

— Как ты сказал, сынок?

— Я сказал: вам не обязательно будет сн...

— Это я слышал, Квинт, слышал, — выдохнул мистер М.

Повисла длинная пауза. Он издавал какие-то непонятные звуки, будто ему не хватало воздуха, а потом хрипло прошептал:

— Верно говоришь, можно будет и не снимать Капюшон.

— Потому что это уже будет не важно, правда ведь? Если вы сами уверены, значит, все в порядке. Так?

— Конечно. Да, конечно.

— И вы сможете носить свой Капюшон хоть сто лет, но, кроме нас с вами, никто не будет знать, что под ним. Мы-то не проболтаемся, а нам самим без разницы.

— Только мы с тобой будем знать. А как я буду выглядеть под Капюшоном, а, Квинт? Зашибись?

— Еще бы!

Мы долго молчали; плечи мистера Мистериуса пару раз дрогнули, он будто бы задыхался, а потом вдруг из-под Капюшона вытекло несколько капель влаги.

Я уставился во все глаза:

— Ой!

— Все нормально, Квинт, это просто слезы.

— Ничего себе.

— Все в порядке. Это слезы радости.

Тут мистер Мистериус выбрался из последнего «студебекера», потер невидимый нос и промокнул бархатной тканью то место, где могли находиться глаза.

— Квинтэссенция Квинта,— сказал он.— Ты такой один на всем свете.

— Ну уж! Так про каждого можно сказать, верно?

— Если ты так считаешь, то да.

Потом он спросил:

— Еще в чем-нибудь хочешь признаться или исповедаться, сынок?

— Глупости всякие лезут в голову. А вдруг...

Я замолчал, проглотил застрявший в горле комок и, не говоря ни слова, уставился сквозь руль

на серебристую фигурку обнаженной женщины, закрепленную на капоте.

— А вдруг в те времена, давным-давно, вам совсем и не нужно было надевать Капюшон?

— Никогда? Вообще никогда?

— Да, сэр. Вдруг вам только показалось, что вы должны спрятаться, вот вы и натянули на голову эту штуковину, где даже прорезей для глаз и то нет. Вдруг ни в какую аварию вы не попадали, и на пожаре не обгорали, и на свет появились с обычным лицом, и никакая женщина над вами не насмехалась? Могло ведь и так быть, правда?

— Хочешь сказать, что я всего-навсего приду-мал, будто должен носить власяницу и посыпать голову пеплом? И все эти годы жил с ложным ощущением, что мое лицо под Капюшоном — суший кошмар или пустое место, чистый лист?

— Это мне только сейчас в голову пришло.

Опять наступило молчание.

— И все эти годы я почему-то не ведал и даже не притворялся, что со мной все в порядке, ибо мое лицо всегда было на месте: рот, щеки, брови, нос, а посему мне и не нужно таять, чтобы себя изменить?

— Я этого не сказал...

— Нет, сказал. — С кромки Капюшона скатилась последняя слеза. — Сколько тебе лет, Квинт?

— Скоро тринадцать будет.

— Кто бы мог подумать? Прямо Мафусаил.

— Ну нет! Он-то совсем старый был. Но котелок у него варил — будь здоров!

— Вот и я говорю, Квинси. Котелок у тебя варит — будь здоров.

В очередной раз помолчав, мистер Мистериус предложил:

— Не пройтись ли нам по городу? Хочу размяться. Пошли?

Мы свернули на Центральную, по ней налево — на Грэнд, опять направо — по Дженеси и оказались перед двенадцатиэтажной гостиницей «Карчер». Это было самое высокое здание в Гринтауне и далеко за его пределами.

— Квинт!

Капюшон нацелился на гостиницу, а голос изпод него произнес:

— Томас Квинси Райли, по глазам вижу, вы хотите задать еще один, самый последний вопрос. Смелее!

Поколебавшись, я сказал:

— Ладно, спрошу. Под этим Капюшоном действительно настоящая темнота? Может, там есть радиоантенна, или система зеркал, или потайные отверстия?

— Томас Квинси Райли, вы начитались выписанных из Рэйсина, штат Висконсин, фирменных каталогов «Игры, фокусы, маскарады».

— А что такого?

— Перед смертью завещаю этот колпак тебе — вот наденешь его и узнаешь, что такое настоящая темнота.

Голова повернулась в мою сторону, и я почти ощутил, как глаза прожигают темную материю.

— Сейчас, к примеру, я могу посмотреть сквозь твои ребра и увидеть сердце, похожее на цветок или на кулак, который то сжимается, то раскрывается. Веришь?

Я приложил кулак к груди:

— Верю, сэр.

— Ну и хорошо.

Он повернулся и указал своим Капюшоном на двенадцатиэтажное здание гостиницы.

— Знаешь, что я тебе скажу?

— Что, сэр?

— Прекрати говорить мне «мистер Мистериус».

— Нет, я не смогу!

— Не зарекайся! Я добился, чего хотел. Машины идут нарасхват. С божьей помощью. Но точку ставить рано, Квинт. Надо стремиться вверх и намечать новые цели. Как ты считаешь, получится из меня человек-муха?

Я чуть не задохнулся.

— Хотите сказать...

— Вот-вот-вот. Неужели ты не видишь меня на высоте шестого этажа, восьмого, двенадцатого, от-

куда я, не снимая Капюшона, машу рукой толпам зрителей?

— Ух ты!

— Рад, что ты одобряешь мою затею.

Мистер М. сделал шаг вперед и начал взбираться по стене, нащупывая опоры и залезая все выше. Оторвавшись от земли приблизительно на метр, он спросил:

— Какое можно предложить *высокое* имя для человека-мухи?

Я зажмурился и выпалил:

— Верхотур.

— Верхотур! Лучше не придумаешь! Полагаю, нас ждут к завтраку.

— Наверно, сэр.

— Пюре из бананов, пюре из кукурузных хлопьев, пюре из овсянки...

— Мороженое! — подхватил я.

— Почти совсем растаяло, — уточнил человек-муха и стал спускаться со стены.

Где она, милая девушка Салли?

Кто-то тронул пожелтевшие клавиши, кто-то подхватил мелодию, а кто-то (это был я) впал в задумчивость. Текст песни медленно вливался в меня приятной, хотя и грустной волной:

Где она, милая девушка Салли?
Куда ее жизнь занесла?

Я стал напевать. Даже вспомнил, как там дальше:

Мы были вдвоем
В счастливом мире своем,
Но небо рухнуло, когда она ушла.

— Была у меня знакомая по имени Салли,— сказал я.

— Надо же,— не глядя, откликнулся бармен.

— Как сейчас помню,— продолжал я.— Моя первая девушка. И действительно, как в песне поется, интересно узнать, куда ее жизнь занесла. Где-

то она сейчас? Остается только надеяться, что у нее все в порядке: семья, пятеро детей, муж приходит домой вовремя, ну, может, разок в неделю задерживается, день рождения ее помнит — или не помнит, смотря как ей больше нравится.

— Нужно вам ее повидать, — отозвался бармен, протирая стакан и по-прежнему не глядя в мою сторону.

Я медленно потягивал джин.

Где она, милая девушка Салли?
Наверно, в чужой стороне.
Но если она
Осталась нынче одна,
Пусть ей Судьба укажет путь ко мне.

Завсегдатаи, сгрудившиеся вокруг пианино, допевали последние строчки. Я слушал, закрыв глаза.

Где она, милая девушка Салли,
Куда ее жизнь занесла?

Пианино умолкло, и зал снова наполнился разговорами и приглушенным смехом.

Я поставил пустой стакан на стойку и, открыв глаза, с минуту его изучал.

— Знаете, — обратился я к бармену, — вы подали мне хорошую мысль...

С чего же начать? — думал я, выйдя на улицу, встретившую меня дождем и холодным ветром; приближалась ночь, мимо мчались автобусы и машины, и мир внезапно наполнился звуками. А начинать ли вообще? Может, не стоит?

Меня и прежде посещали такие мысли, постоянно. Иногда по воскресеньям, когда можно спать хоть целый день, я вдруг вскакивал от того, что мне слышался рядом чей-то плач, а проснувшись, чувствовал слезы на лице и спрашивал себя, какой нынче год — иногда даже приходилось идти за календарем, чтобы удостовериться. Бывало, в такие дни у меня возникало чувство, будто весь мир погрузился в туман, тогда я шел и открывал входную дверь, желая убедиться, что на лужайке действительно светит солнце. Эти ощущения приходили сами по себе. Просто, пока я еще не успевал окончательно проснуться, вокруг меня роились прежние годы и в комнате как бы сгущались сумерки. В одно такое воскресенье я позвонил, через всю страну, школьному приятелю Бобу Хартману. Он очень обрадовался или, по крайней мере сделал вид, и мы проговорили с полчаса, наобещав друг другу с три короба. Но нашим планам не суждено было сбыться: через год, когда он приехал в наш город, у меня было совсем другое настроение. Ведь так обычно и случается, правда? На секунду расчувствуешься, а потом оглядишься — и бежать.

Однако сейчас, стоя на тротуаре перед входом в бар «У Майка», я стал прикидывать и загибать пальцы. Во-первых, моя жена уехала в другой город навестить мать. Во-вторых, была пятница, сулившая свободные выходные. В-третьих, я отлично помнил Салли, лучше, чем кто-либо другой. В-четвертых, мне просто захотелось прийти и сказать ей: «Привет, как жизнь?» В-пятых, за чем же дело стало?

И я принял решение.

Взяв телефонный справочник, я стал искать фамилию. Салли Эймс. Эймс, Эймс. Просмотрел все столбцы, но без толку. Впрочем, она, скорее всего, замужем. С женщинами всегда так: выходят замуж и берут себе чужое имя, чтобы исчезнуть без следа.

Ну что ж, тогда поищем родителей, сказал я себе.

Но их имена в справочнике тоже не значились. Старики либо куда-то переселились, либо умерли.

А как насчет общих знакомых? Джоан-как-там-ее. Боб-такой-то. Пару минут я тщетно напрягал память и вдруг вспомнил одного парня по имени Том Уэллс.

Я нашел номер телефона и позвонил.

— Будь я проклят, Чарли, ты ли это? — закричал он. — Вот здорово, приезжай ко мне. Как твои дела? Бывает же такое, столько лет прошло! А что, собственно?..

Я сообщил ему причину своего звонка.

— Салли? Тыщу лет ее не видел. Эй, Чарли, я слышал, у тебя все путем. Пятизначные суммы доходов, да? Неплохо для парня с нашей улицы!

На самом деле нас разделяла не улица, а какая-то тонкая грань, которую никто не видел, но все чувствовали.

— Ну, так как, Чарли, когда увидимся?

— Через пару дней позвоню.

— Да, Салли была миленькая девчонка. Я же не и то про нее рассказывал. Какие глаза! А волосы — просто необыкновенного цвета. А еще...

Том распинался, а мне на память приходила всякая всячина. Как Салли умела слушать или делать вид, что слушает мои сказки о будущем. Внезапно я осознал, что сама она вообще никогда не говорила. Я не давал ей вставить и слова. Исполненный тупого самолюбия, как и все молодые парни, я день и ночь напролет рисовал ей воздушные замки, которые тут же разрушал, один за другим, просто чтобы произвести на нее впечатление. Теперь мне стало неловко за себя, тогдашнего. Еще вспомнилось, как у нее горели глаза и вспыхивали румянцем щеки от этих рассказней, как будто мои слова действительно стоили ее времени, юности и жизненных сил. Однако за все время, по-моему, я так ни разу и не сказал, что люблю ее. А стоило бы. Я никогда

к ней не прикасался, разве что когда мы ходили за руку, никогда ее не целовал — и сейчас об этом пожалел. Но тогда я боялся, что если совершу хоть одну ошибку, например начну приставать с поцелуями, то она растает, как снег в летнюю ночь, и исчезнет навсегда. Так мы гуляли и разговаривали около года, вернее, говорил все больше я; а как мы расстались — не помню. Просто в какой-то момент без всякой причины она взяла и ушла, примерно тогда же, когда мы окончили колледж. Я зажмурился и тряхнул головой.

— Помнишь, она когда-то хотела стать певицей, у нее был шикарный голос, — сказал Том. — Ей даже...

— Верно, — прервал я его. — Так оно и было. Ну, пока.

— Подожди секунду, — успел произнести его голос, но моя рука уже опустила трубку на рычаг.

Я отправился в тот район, где мы жили раньше, и начал поиски; заходил в продуктовые магазины, расспрашивал, встретил пару знакомых, которые меня так и не вспомнили, и в конце концов сумел кое-что выведать. Да, она замужем. Нет, точного адреса они не знают. Да, его фамилия — Маретти. Вроде бы на этой улице, в той стороне, через несколько кварталов, а может, совсем в другой стороне.

Я искал фамилию Маретти в телефонной книге. Результат должен был бы меня насторожить. Телефона не было. Потом, обойдя еще три-четыре гастронома в указанном направлении, наконец-то узнал адрес. Дом номер три, четвертый этаж, вход со двора, квартира 407.

— Зачем тебе это нужно? — спрашивал я себя, поднимаясь по тускло освещенной лестнице, сквозь въевшийся запах пыли и несвежей еды. — Хочешь показать ей, как многого ты достиг, да?

— Нет, — ответил я самому себе. — Просто хочу видеть Салли, старую знакомую, и сказать ей то, что должен был бы сказать много лет назад: что по-своему очень ее любил. Я никогда ей этого не говорил — боялся. А теперь не боюсь: ведь все равно это ничего не изменит.

— Делаешь глупости, — сказал я себе и себе же ответил:

— А кто их не делает?

На площадке третьего этажа я остановился передохнуть. Меня обволакивал густой, неистребимый дух стряпни, полумрак гудел от рева телевизоров и детского плача, и тут у меня возникло чувство, что надо бы спуститься и уйти из этого дома, пока не поздно.

— Но ты уже почти на месте, — сказал я себе. — Давай-ка дальше, остался всего-то один этаж.

Медленно одолев последний пролет, я остановился перед некрашеной дверью. Из-за нее доносились шаги и детские голоса. Меня охватила нерешительность. Что я ей скажу? Привет, Салли, помнишь, мы катались на лодке в парке, кругом зеленые деревья, а ты стройная, как тростинка. Помнишь, как... ладно, замнем.

Я поднял руку.

Постучал.

Дверь открыла какая-то женщина, по виду лет на десять — пятнадцать старше меня. На ней было уцененное платье за два доллара, совсем не ее размера; в волосах кое-где пробивалась седина. Фигура раздалась не там, где надо, кожа вокруг рта покрылась сеткой морщин. Я чуть было не сказал: «Простите, я не туда попал, мне нужна Салли Маретти». Но промолчал. Салли была младше меня на добрых пять лет. Но это именно она выглядывала сейчас из-за двери, освещенная тусклой лестничной лампочкой. За ее спиной виднелась комната: ветхий абажур, линолеум на полу, единственный стол и убогие коричневые стулья, заваленные чем попало.

Мы стояли, глядя друг на друга через пространство в четверть века. Что было говорить? Привет, Салли, вот он я: преуспевающий бизнесмен, владелец фирмы, живу теперь на другом конце города,

у меня отличная машина, дом, жена, дети окончили школу; вышла бы за меня — жила бы сейчас совсем по-другому. Она перевела глаза на массивное кольцо у меня на пальце, разглядела цветок в петлице, потом чистый ободок новой шляпы, которую я держал в руке, отметила перчатки, начищенные ботинки, флоридский загар, галстук от Бронзини. Наконец ее взгляд задержался на моем лице. Она ждала, как я поступлю: либо-либо. Я сделал самый разумный ход.

— Прошу прощения, — сказал я, — вас беспокоит страховое агентство.

— Не трудитесь, — раздался ответ, — нам страховка без надобности.

Она держала дверь открытой буквально одно мгновение, как будто опасаясь, что в любой момент может внезапно закричать от радости.

— Извините, что потревожил, — сказал я.

— Ничего страшного.

Я успел бросить еще один взгляд в комнату. Оказалось, я ошибался в своих предположениях. За столом сидели не пятеро, а шестеро детей, а также муж, смуглый, с недовольной миной, которая, вероятно, никогда его не покидала.

— Закрой дверь! — потребовал он. — Дует.

— Всего хорошего, — сказал я.

— До свидания, — ответила она.

Я отступил, и она закрыла дверь, не сводя глаз с моего лица; развернувшись, я пошел восвояси, но не успел спуститься с бурых каменных ступенек, как сзади меня окликнули. Голос был женский. Я сделал вид, что не слышал. Оклик повторился, и я замедлил шаги, но поворачиваться не стал. Через секунду кто-то взял меня за локоть, и только тогда я остановился и посмотрел через плечо.

Это была женщина из четыреста седьмой квартиры: ее глаза смотрели почти безумно, она тяжело дышала и чуть не плакала.

— Простите, — начала она, потом отшатнулась, но тут же взяла себя в руки. — Вы не подумайте, что я сумасшедшая. Скажите, вы, случайно, не... Наверняка я ошиблась, но вы, случайно, не Чарли Макгро?

Я пришел в замешательство, а она, пристально вглядываясь в мое постаревшее лицо, пыталась отыскать хоть какую-то знакомую черточку.

От моего молчания ей стало неловко.

— Нет, я, в общем-то, была уверена, что это не вы, — сказала она.

— Что ж поделаешь, — ответил я. — А кто он такой?

— Ох, — вздохнула она, опустил глаза и подавив что-то похожее на смешок. — Не знаю, как объяснить. Мой молодой человек — так, что ли, только это было давным-давно.

Я взял ее за руку и немного задержал в своей.

— Жаль, что это не я. Мы с вами, наверно, многое смогли бы вспомнить.

— Может быть, даже слишком.— У нее по щеке проползла слеза, и она отстранилась.— Ну, нельзя объять необъятное.

— Это верно, нельзя,— повторил я и бережно отпустил ее руку.

Почувствовав нежность в моем движении, она решила на последний вопрос.

— А это точно не вы?

— Хороший, видно, парень был этот Чарли.

— Лучше всех,— ответила она.

— Ну что ж,— проговорил я, помолчав,— прощайте.

— Нет, до свидания.

Развернувшись, она побежала вверх и с такой скоростью взлетела по лестнице, что едва не упала. На площадке она внезапно обернулась — глаза у нее сияли — и помахала. Я не собирался отвечать, но рука сама взмыла вверх.

Потом я целых полминуты стоял на месте и не мог пошевелиться, будто прирос к тротуару. С ума сойти, подумал я, угораздило же меня сломать то хорошее, что было в жизни.

В бар я вернулся уже перед закрытием. Почему-то пианист еще не ушел; видно, его не слишком тянуло домой.

После двойного бренди, сидя за кружкой пива, я сказал ему:

— Играйте что угодно, только не это: «Но если она осталась нынче одна, пусть ей Судьба укажет путь ко мне».

— Что это за песня? — спросил пианист, не снимая рук с клавиш.

— Точно не помню, — ответил я. — Что-то там... про эту... как же ее? Ах да! Салли.

Все мы одинаковы

За океанской набережной стоит единственный в своем роде книжный магазин, где слышно, как бьются о парапет волны прилива, сотрясая и стеллажи, и книжные стеллажи, и покупателей.

Освещение в магазине скудное, кровля — жестяная, но при этом в продаже имеется десять тысяч томов: с них, правда, приходится сдуть пыль, если хочешь полистать страницы.

Впрочем, мне больше по вкусу та стихия, которая бушует не внизу, а наверху, когда оркестры грозовых струй колотят по листам жести, словно исполняя произведения для барабанов и цимбал под аккомпанемент пулеметной очереди. Когда в полдень ночная тьма вдруг заполняет мир (а то и душу), я, как Измаил, бросаюсь в то место, где штормит внизу и штормит вверх, а звон жестяного бубна отгоняет вредных личинок, чтобы те не причинили вреда забытым писателям, построившимся в ше-

ренги. Освещая себе путь улыбкой вместо карманного фонаря, я неспешно брожу вдоль этих рядов.

В один из таких дней, собравшись подышать озоном, я подъехал к магазину «Белый кит» и медленно двинулся в сторону входа. Обеспокоенный водитель такси бросился следом, раскрыв у меня над головой зонт. Я отвел его руку:

— Благодарю вас. Мне полезно промокнуть!

— Ненормальный какой-то! — буркнул таксист и укатил прочь.

Промокнув, к вящей радости, до нитки, я нырнул в магазин, отряхнулся, словно пес, и остановился с закрытыми глазами, чтобы послушать, как ливень барабанит по жестяной кровле.

— Откуда начать? — спросил я у темноты.

Слева, подсказало наитие.

Я двинулся в ту сторону, и ритмы штормового тамтамбурина (какое точное слово: тамтамбурин!) почему-то привели меня к стеллажам со старыми школьными ежегодниками — от таких изданий я всегда шарахаюсь, как от погоста.

А ведь книжные магазины — это, по сути дела, кладбища, где покоятся бивни старых слонов.

В тот раз я со смутным беспокойством порылся в школьных ежегодниках и прочел надписи на корешках: Берлингтон, штат Вермонт; Орандж, штат Нью-Джерси; Росуэлл, штат Нью-Мексико — ог-

ромные сэндвичи с реликвиями пятидесяти штатов. У себя дома я даже не притрагивался к моему собственному, богом забытому экземпляру, который тоже спал вечным сном, храня в себе, как в космической капсуле, рукописные свидетельства времен Великой депрессии: «Обломись, ботаник. Джим»; «Живи долго и регулярно. Сэм»; «Писатель из тебя выйдет хороший, а любовник хреновый. Фэй».

Сдув пыль со школьного вестника из города Ремингтона, штат Пенсильвания, я пролистал большим пальцем страницы, увековечившие десятки бейсбольных, баскетбольных, футбольных воинов, которые свое отвоевали.

1912.

Я пробежал глазами сто двадцать открытых лиц.

Вот ты, ты и ты, мысленно обратился я к ним. Надеюсь, жизнь у вас сложилась удачно? Брак не распался? Дети не огорчали? Посетила ли вас сумасшедшая первая любовь, а затем и другая? Как, как все это было?

Избыток венков, избыток могил. Горящие глаза, чудесные улыбки.

Я уже собирался было захлопнуть этот выпуск, но...

Большой палец задержал страницу с фотографиями выпуска 1912 года, когда Первая мировая была еще немыслимой и неведомой.

Тут я ахнул:

— Быть такого не может! Чарльз! Чарли Несбитт, дружище!

Он самый! В рамке далекого года, веснушчатый, лопоухий, с раздутыми ноздрями и мелкими зубами. Чарльз Вудли Несбитт!

— Чарли! — вырвалось у меня.

Над головой ливень долбил крышу. По спине побежал холодок.

— Чарли! — Я перешел на шепот. — Почему ты здесь?

С замиранием сердца я поднес журнал к свету и взгляделся в текстовку.

Под фотографией читалось: Рейнольдс. Уинтон Рейнольдс.

Прямая дорога в Гарвард.

Намерен сколотить миллион.

Любимое занятие: гольф.

Но лицо на снимке?

— Чарли, будь я проклят!

Чарли Несбитт всегда был туп, как пробка, но профессионально играл в теннис, занимал призовые места на соревнованиях по плаванию и спортивной гимнастике, а ко всему прочему не знал отбоя от девчонок. С чего бы это? Неужели девушкам нравятся такие уши, зубы и ноздри? А ведь мы го-

товы были приплачивать, чтобы только походить на него.

Теперь он возник в школьном вестнике какого-то незапамятного года — все тот же, с дурацкой усмешкой и оттопыренными ушами.

А может, в свое время было двое парней, носивших имя Чарли Несбитт? Или на свет появились близнецы, которых разлучили при рождении? Нет, ерунда какая-то. Мой однокашник Чарли Несбитт, так же как и я, родился в 1920-м. Стоп!

Я снова ринулся к стеллажам, откопал ежегодник 1938-го (это был год нашего выпуска) и стал торопливо листать страницы с фотографиями выпускников, пока не увидел

Намерен стать профессиональным игроком в гольф.

Собирается поступать в Принстон.

Мечта: разбогатеть.

Чарльз Вудли Несбитт.

Те же мелкие зубы, оттопыренные уши и россыпи веснушек!

Чтобы сравнить этих мнимых «близнецов», я положил рядом два ежегодника.

Мнимых? Нет! Абсолютно одинаковых!

Дождь настырно барабанил по жестяной кровле.

— Что за чертовщина: Чарли — он же Уинтон!

Захватив оба ежегодника, я подошел с ними к прилавку, где восседал мистер Лемли, такой же древний, как его товар.

— Выбрали? — Он посмотрел на меня поверх старомодных очков. — Можете взять бесплатно. Дарю.

— Один момент, мистер Лемли...

Я показал ему имена и фотографии.

— Ничего себе! — протянул он. — Может, родня? Братья? Да нет. Тот же самый парнишка. Как вы это обнаружили?

— Случайно.

— С ума сойти. Ну и совпадение. Такой случай — один на миллион, верно?

— Ну, в общем... — Я безостановочно листал страницы от начала к концу и обратно. — А что, если все лица во всех ежегодниках из всех городов и штатов... черт... вдруг они все похожи?

— Ну, хватил! — Я услышал себя со стороны.

А что, если все лица во всех ежегодниках одинаковы?!

— Оставьте меня! — выкрикнул я.

Тут только головы полетели направо и налево — так мистер Лемли впоследствии описывал мои действия. Как многорукий божок отмщения и ужаса, странно громогласный Шива, я в бешеном ритме хватал с полок ежегодники, чертыхаясь от находок, страхов и восторгов, в полном одиночестве коман-

дуя парадом, который под звуки хора и оркестра маршировал в неизвестности, сквозь далеко разбросанные города незримого мира. Время от времени я метался от одного стеллажа к другому, а мистер Лемли приносил мне кофе и шепотом говорил:

— Передохнули бы.

— Вам этого не понять! — кричал я в ответ.

— Где уж мне! Вам сколько лет-то?

— Сорок девять!

— А ведете себя — на девять: бывает, мальчишки придут смотреть скучное кино, а сами носятся по проходу и писают.

— Дельный совет! — Я выбежал и вскоре вернулся.

Мистер Лемли осмотрел линолеум на предмет лужиц.

— Не буду мешать.

Я схватил очередные журналы:

— Вот Элла, а вот и еще одна. Том — здесь он смахивает на Джо, там похож на Фрэнка, а уж от Ральфа просто не отличишь. Вылитый Ральф! Вот Элен — а вот ее двойняшка Кора! А Эд, Фил и Моррис — все равно что Роджер, Алан и Пэт. Боже мой!

Вокруг меня бабочками порхало два десятка ежегодуников, некоторые даже порвались в суете.

— Я заплачу, мистер Лемли, заплачу сполна!

В разгар приступа этой тропической лихорадки я вдруг остолбенел: мой взгляд упал на сорок седь-

мую страницу «Школьных воспоминаний» — Шайенн, 1911 год.

На меня растерянно и смущенно смотрел «ботаник», недотепа, профан.

Как же его звали в том незапамятном году?

ДУГЛАС ДРИСКОЛЛ.

Каким его запомнят грядущие поколения?

Незаурядный сценический талант.

Перспектива: влиться в ряды безработных.

Цель: добиться литературной известности.

Неприкаянный дурачок, праздный мечтатель, успешный финалист.

Не кто иной, как я.

С глазами, полными слез, я выбрался из полумрака книжного зала, чтобы показать мистеру Лемли эту грустную находку.

— Вот, полюбуйте!

Он молча провел пальцами по фотографии.

— При чем тут какой-то Дрисколл?

— Судя по всему, — сказал он, — это вы, собственной персоной?

— Вот именно, сэр!

— Чертовщина какая-то, — негромко произнес он. — Вам знаком этот парнишка?

— Нет.

— А родственники у вас есть... в Вайоминге?

— Нет, никого.

— Как вы наткнулись на этот журнал?

— Схватил первый попавшийся.

— После того, как перелопатили такие залежи.— Он изучал моего близнеца, снявшегося для ежегодника полвека назад.— Что решили делать? Будете его искать?

— Разве что на кладбищах.

— Да, немало воды утекло. Может, у него остались дети, внуки?

— А что я им скажу? Скорее всего, они вообще на него не похожи.

— Ну, знаете,— возразил мистер Лемли.— Если в одиннадцатом году был парнишка, точь-в-точь похожий на вас, почему бы не поискать среди тех, кто помоложе? Кто жил лет двадцать назад? А то и в нынешнее время?

— Как вы сказали?

— В нынешнее время.

— А у вас есть? У вас есть вестники за текущий год?

— Понятия не имею. Эй, что вы делаете?

— Вы хоть раз,— вскричал я,— стояли на пороге эпохального открытия?

— Однажды купался в море и нашел какой-то липкий ком. Ну, думаю, амбра! На парфюмерной фабрике с руками оторвут! Поднял эту гадость и побежал к спасателям. Амбра? Оказалось, падаль, а

на ней слепни. Зашвырнул обратно в воду — вот и все дела. А могло быть эпохальное открытие, верно?

— Возможно. А в области генетики? Генеалогии?

— Каких времен?

— Времен Линкольна, — сказал я. — Вашингтона, Генриха Восьмого. Господи, у меня такое ощущение, будто я дошел до основ мироздания, до очевидной истины, которая всегда была перед нами, но не бросалась в глаза. Вот что может перевернуть всю историю!

— Или пустить насмарку, — сказал мистер Лемли. — Вы, часом, не приложились к спиртному, пока возились за полками? Что же вы остановились? Продолжайте.

— Все — или ничего, — сказал я.

Просмотрев очередной ежегодник, я хватался за следующий, просматривал и отбрасывал в сторону, но свежих журналов не обнаружил. Тогда у меня созрело решение навести справки по междугородной связи и разослать запросы авиапочтой.

— Силы небесные, — поразился мистер Лемли. — Расходы-то какие!

— Если я не докопаюсь до сути, то просто сдохну.

— А если докопаетесь — тем более. Все, магазин закрывается. Гашу свет.

Всю неделю, предшествующую выпускной церемонии, на мое имя со всей страны поступали школьные вестники.

Я не спал две ночи подряд: листал страницы, снимал ксерокопии, сопоставлял списки, подклеивал десятки новых фотографий к десяткам старых.

Идиот, ругал я себя, настырный болван, не видишь дальше своего носа — ты вскочил в поезд без тормозов. Как удержаться на рельсах? Куда ты лопишься? А главное — за каким чертом?

Ответов не было. Теряя рассудок, я набирал номер за номером, надписывал конверты, но дело не двигалось. С таким же успехом можно было бы с закрытыми глазами разбирать одежду в гардеробе, выдвигая, вопреки здравому смыслу, самые нелепые предположения.

Корреспонденция обрушивалась лавиной.

Так не могло быть, но все же так было. А как же законы биологии? Выбросить их в окно. Что такое история живой материи? Дарвиновская забава. Серия генетических сбоев, породивших новые виды. Сорвавшиеся с цепи гены, которые заново раскрутили мир. А что, если эти забавы, они же причуды, будут цикличными? Что, если Природа икнет и отбросит иглу звукоснимателя на несколько дорожек назад? Не начнет ли она, потеряв генетическую память, штамповать поколение за поколением одинаковых Уильямсов, Браунов, Смитов? Это

будут не кровные родственники, нет. Просто убогие посредственности, слепые сгустки материи, загнанные в зеркальный лабиринт. Страшно подумать.

Но от реальности было не уйти. Десятки лиц повторялись в сотнях тех же самых лиц по всему миру! Близнец за близнецом — и так до бесконечности. Где же пространство для притока свежей крови, для истории прогресса и выживания?

Помалкивай, приказывал я себе, лучше пей свой джин.

Каскад школьных ежегодников не иссякал.

Я тасовал страницы, словно колоды карт, пока наконец...

Вот оно.

Как выстрел в живот.

Это имя встретилось на странице сто двадцать четвертой ежегодного вестника, опубликованного неделю назад и только что присланного из школы города Росуэлла. Имя было такое:

Уильям Кларк Хендерсон.

Я посмотрел на фото и увидел.

Себя.

Живого-здорового, на пороге окончания школы!

Мое второе я.

Точная копия: одинаковые ресницы, брови, мелкие и крупные поры, из ноздрей и ушей одинаково торчат волоски.

Я. Сам. Собственной персоной.

Нет! — подумал я. И сравнил еще раз. Да!

Меня словно подбросило. Я сорвался с места.

Не выпуская из рук папку с журнальными вырезками, я полетел в Росуэлл и, весь в поту, схватил такси, чтобы к полудню успеть в местную школу.

Выпускная процессия уже начала свой путь. Я занервничал. Но когда со мной поравнялись эти юноши и девушки, на меня снизошло невыразимое спокойствие. Судьба шепталась с Провидением, пока мой взгляд изучал две с лишним сотни цветущих лиц: на некоторых вспыхивали широкие запоздалые улыбки, а иные светились нескрываемой радостью оттого, что годы мучений остались позади.

Молодые люди шли отстаивать добро или что-то иное, заключать несчастливые браки, делать блестящую карьеру или тянуть свою лямку.

И вот появился он. Уильям Кларк Хендерсон.

Мое другое я.

Он, смеясь, шагал рядом с миловидной темно-волосой девушкой, а я узнавал собственный портрет, помещенный давным-давно в нашем школьном вестнике. Я видел мягкую складку под его подбородком, не знавшие бритвы щеки и блуждающие, близорукие глаза, которым не дано охватить жизнь, но суждено искать пути к библиотечным стеллажам и пишущим машинкам.

Проходя мимо меня, он поднял взгляд и оцепенел.

Я чуть не помахал ему рукой, но вовремя удержался, видя, что он и так прирос к месту.

Потом он сделал несколько шагов, спотыкаясь как раненый. Лицо побледнело, руки искали опору, а губы выдохнули:

— Отец! Как ты здесь очутился?

У меня остановилось сердце.

— Так не бывает! — воскликнул юноша. — Ты же умер! Два года назад! Такого не может быть. Как? Откуда?

— Ничего подобного, — удалось мне произнести после долгого молчания. — Я вовсе не...

— Папа! — Он схватил меня за обе руки. — Господи боже мой!

— Не надо, — сказал я. — Ты принимаешь меня за кого-то другого.

— За кого? — умоляюще спросил он. — Как же так?

— Не задерживайся, — сказал я. — Тебя ждут. Он отступил.

— Ничего не понимаю, — вырвалось у него сквозь слезы.

— Я тоже ничего не понимаю.

Его бросило ко мне. Я резко поднял руки:

— Нет. Не делай этого.

— Ты останешься?.. — всхлипнул он. — Побудешь здесь после?..

— Да, — с трудом выдавил я. — Нет. Не знаю.

— Хотя бы как гость, — попросил он.

Я промолчал.

— Очень прошу, — сказал он.

Когда я кивнул, на его щеках проступил румянец.

— Что это все значит? — в недоумении спросил он.

Говорят, когда человек тонет, у него перед глазами проносится вся жизнь. Стоило Уильяму Кларку Хендерсону застопорить движение процессии, как мои мысли отчаянно заметались, увязли в озарениях и вопросах, но так и не нашли ответов. Неужели в мире есть семьи, которые одинаково рассуждают, строят планы, лелеют мечты — и при этом закованы в одинаковое обличье? Неужели существует генетический заговор с целью захвата будущего? Неужели придет день, когда эти неведомые, неузнанные отцы, родные и двоюродные братья, племянники возвысятся как правители? А может, все решает Святой Дух, Божий промысел, Его неисповедимая воля? Может, все мы выросли из одинаковых семян, разбросанных широкими взмахами руки сеятеля, дабы не прорастали слишком густо?

В таком случае, не приходимся ли мы братьями — в самом широком, труднопостижимом смы-

сле — волкам, птицам и антилопам, не одинаковые ли окрасы, масти, пятна метят нас, поколение за поколением, насколько хватает мысленного взора? Что за этим кроется? Рачительное отношение к генам и хромосомам? Но к чему такая экономия? Может, лики этой Семьи, разбросанные на большие расстояния, исчезнут к 2001 году? Или, наоборот, копии будут множиться, чтобы подчинить себе всю родственную плоть? Или все это — чудо обыденного бытия, превратно истолкованное двумя ошеломленными глупцами, которые в теплый день выпускной церемонии пытаются докричаться друг до друга сквозь слепоту поколений?

Все это попеременно мелькало у меня перед глазами, сменяя свет мраком и мрак — светом.

— Что все это значит? — вторично прозвучал тот же вопрос моего второго я.

Тем временем колонна выпускников уже почти скрылась из виду, обогнув место, где двое безумцев пререкались одинаковыми голосами.

Мой ответ получился совсем тихим — его трудно было расслышать. Когда завершится эта история, подумал я, надо будет порвать фотографии, сжечь заметки. Продолжать поиски старых ежегодников и забытых лиц — чистой воды безумие! Выбрось все бумаги, приказал я себе. И побыстрее.

По дрожащим губам юноши я прочел немой вопрос:

— Как ты сказал?

— Все мы одинаковы,— прошептал я.

А потом прибавил голоса:

— Все мы одинаковы!

Я ждал, что вот-вот зазвучат неизбывно грустные слова Киплинга:

И да пребудет с нами Бог,
Чтоб нам себя не позабыть.

Чтоб нам себя не позабыть.

Увидев, как Уильям Кларк Хендерсон получает аттестат зрелости...

Я отступил назад, задохнулся от спазма в горле и сорвался с места.

Старый пес, лежащий в пыли

Говорят, этот город, Мексикали, теперь сильно изменился. Будто бы и жителей там прибавилось, и фонарей стало больше, и ночи теперь не такие длинные, и дни куда веселее.

Но я не собираюсь туда ехать, чтобы только в этом убедиться.

Потому что Мексикали запомнился мне одиноким и неприкаянным, похожим на старого пса, лежащего в пыли посреди дороги. И если подрулить к нему вплотную и посигналить, он лишь вильнет хвостом и улыбнется рыжеватыми глазами.

Но больше всего мне врезался в память канувший в прошлое мексиканский цирк шапито.

В конце лета 1945 года, когда где-то за тридцать земель отгремела война, а продажа бензина и автомобильных шин была строго нормирована, один из моих приятелей предложил прокатиться до Калексико вдоль моря Солтона.

По пути на юг в дребезжащем «студебекере» модели А, из которого валил пар и сочилась ржавая вода, мы останавливались в душные послеполуденные часы, чтобы нагишом ополоснуться в ирригационных каналах, образующих в пустыне зеленые полосы вдоль мексиканской границы. В тот вечер мы только-только въехали в Мексику и уплетали холодный арбуз, сидя на скамье в окруженном пальмами сквере, куда люди приходят семьями: веселятся, галдят, плюются черными семечками.

Мы бродили по неосвещенному приграничному городку босиком, опуская ступни на мягкую бурю пыль немощеных дорог.

Теплый пыльный ветер загнал нас за угол. Там стоял маленький мексиканский цирк шапито: старый шатер, побитый молью, с кое-как залатанными прорехами, удерживаемый изнутри только древним каркасом — не иначе как из костей динозавра.

Зато музыка неслась сразу из двух мест.

По одну сторону от входа хрипел проигрыватель «Виктрола», который через два похоронных рупора, запрятанных высоко в кронах деревьев, воспроизводил звуки «Кукарачи».

По другую сторону играл настоящий оркестрик. В его составе были: барабанщик, который наносил удары по огромному барабану с такой страстью, словно убивал собственную жену, тубист, обвитый

с головы до ног медными потрохами своего инструмента, трубач, напустивший в трубу целую пинту слюны, а также ударник, чья пулеметная дробь заглушала как живых, так и механических исполнителей. Этот ансамбль наярывал «La Raspa».

Под эту какофонию мы с приятелем перешли на другую сторону вечерней улицы, продуваемой теплым ветром; на обшлагах наших брюк обосновалась целая туча кузнечиков.

Продавец билетов не отрывался от мегафона — он лез вон из кожи, зазывая публику. В нашем цирке вас ждет лавина диковинных зрелищ: клоуны, верблюды, воздушные гимнасты. Не проходите мимо!

Мы не прошли мимо. Купили у него билеты, затесавшись в толпу молодых и старых, щеголей и оборванцев.

У входа стояла миниатюрная женщина с крупными, как рояльные клавиши, зубами, которая жарила лепешки-такое и надрывала билеты, кутаясь в линиялую шаль с блестками. Я понял, что это всего лишь крылышки мотылька, которые вот-вот сменятся яркими крыльями бабочки... верно? Она увидела по лицу, что я об этом догадался. Залилась смехом. Надорвала лепешку и протянула мне. Снова засмеялась.

С напускным безразличием я сжевал свой билет.

Внутри шатра были дощатые скамьи мест на триста, предусмотрительно сколоченные таким образом, чтобы калечить хребты заезжим равнинным крысам вроде нас. У самой арены стояло десятка два шатких столиков и стульев, где сидели местные аристократы в темных костюмах и черных галстуках. Их сопровождали достойные супруги и притихшие отпрыски — все благодетельные, все молчаливые, как подобает родне виноторговца, хозяина табачной лавки или владельца лучшей автомастерской в Мексикали.

Представление должно было начаться либо в восемь вечера, либо позже, когда все места будут заняты; по редкостно удачному стечению обстоятельств цирк заполнился к восьми тридцати. Вспыхнули огни. Зазвучал пронзительный свисток. Музыканты побросали инструменты на землю у входа в шатер и разбежались.

Впрочем, они тут же появились вновь: одни, переодевшись в униформу, принялись натягивать канаты, другие вышли в клоунских костюмах и начали дурачиться на арене.

Вошел, пошатываясь, и продавец билетов: он тащил «Виктролу», которую с грохотом опустил на помост для оркестра. Стоило ему воткнуть штепсель в розетку, как из провода вырвался целый сногискр, сопровождаемый хлопками мелких взрывов. Он поглядел по сторонам, раскрутил пластинку

и нацелил на нее иглу звукоснимателя. Одно из двух: либо живая музыка, либо живые акробаты. Мы предпочитали второе.

Грандиозное представление началось — правда, не слишком удачно.

Шпагоглотатель подавился шпагой, побрызгал керосином на вялые язычки пламени и удалился под хлопки ладошек пяти маленьких девочек.

Тройка клоунов обменялась пинками и убежала за кулисы при гробовом молчании публики.

Наконец, благодарение Богу, на арену выпорхнула миниатюрная девушка-циркачка.

Как было не узнать эти блестки-звездочки! У меня даже распрямились плечи. Я узнал и крупные зубы, и живые карие глаза.

Это была продавщица лепешек-так!

Но сейчас она...

Жонглировала пивным бочонком!

Вот она опустилась на спину. Что-то выкрикнула. Шпагоглотатель метнул ей красно-бело-зеленый бочонок. Его ловко поймали обтянутые белым трико ножки, обутые в белые балетные туфельки. Как только бочонок закрутился, шатер содрогнулся от записи марша Джона Филипа Сузы, словно от удара медным тазом.

Малютка-циркачка подкинула крутящийся бочонок на двадцать футов вверх. К тому моменту,

когда он должен был упасть и неминуемо ее расплющить, она успела отбежать в сторону.

— Эй! *Andale! Vamanos!** А-а!

За пологом шатра, в пыльной полутьме я смог рассмотреть приготовления грандиозного парада-алле, который препоясывал свои подагрические чресла. У арбузных лотков сгрудилась горстка людей, облепивших какую-то тушу, в которой угадывался недовольный верблюд. Мне даже послышалось, будто он разразился проклятиями. Я словно воочию видел, как раскрываются его губы, выпускающая непристойную отрыжку. Показалось мне или нет, что под брюхо животного заводили подпругу? Не было ли у него грыжи?

Один из потных клоунов впрыгнул на оркестровый помост, нахлобучил красную феску и подул в тромбон, извлекая страдальческие завывания. В ответ, словно стадо слонов, затрубила следующая пластинка.

В шатер потянулась процессия, облепленная миллионами кузнечиков, которые наконец-то нашли чем заняться.

Возглавлял парад ослик, которого вел парнишка лет четырнадцати, в синем кафтане и тюрбане, словно сошедший со страниц «Тысячи и одной ночи». Следом с громким лаем вбежало полдюжины

---

* Вперед! Пошел! (исп.)

бездомных собак. Подозреваю, что собакам (так же как и кузнечикам) надоедало торчать на ближайшем углу, и они ежевечерне навевались в цирк, чтобы предложить свои бесплатные услуги. Так или иначе, сейчас они носились по манежу и время от времени поглядывали в сторону публики, словно желая удостовериться, что их видят. Мы их прекрасно видели. Это прибавляло им куражу. Они приплясывали, твкали и вертелись волчком, пока у них не свесились языки, словно ярко-красные галстуки.

Все это, во всяком случае поначалу, расшевелило зрителей. Мы как один разразились криками и аплодисментами. Собаки совсем обезумели. Они бросились к выходу, на бегу кусая собственные хвосты.

Затем появилась старая кляча, на которой восседал раскормленный шимпанзе: он ковырял в носу и гордо демонстрировал то, что удалось вытащить. Дети снова захлопали в ладоши.

И наконец пришел кульминационный миг великого султанского парада-алле.

Верблюды.

Это был великосветский верблюд.

При том, что он был залатан по швам, заштопан огрызками желтой нити, законопачен паклей; при том, что у него были дряблые горбы, ободранные бока и кровоточащие десны, он тем не менее

нашел в себе силы окинуть зрителей таким взглядом, который словно говорил: допустим, от меня дурно пахнет, но и от вас — не лучше. Такова маска безграничного презрения, которая иногда встречается у богатых старух и умирающих бактрианов.

У меня екнуло сердце.

Верхом на этом чудище сидела маленькая циркачка в костюме с блестками, которая только что проверяла билеты, торговала лепешками, жонглировала пивным бочонком, а теперь стала...

Царицей Савской.

Озаряя все вокруг улыбкой, как лучом маяка, она махала нам рукой и продвигалась по арене, подрагивая между волнообразными горбами верблюда.

У меня вырвался крик.

Потому что верблюд, преодолев всего лишь полкруга, был захвачен приступом артрита и рухнул на землю.

Упал как подкошенный.

Скорчив жалкую гримасу, словно извиняясь перед публикой, верблюд свалился, как мешок с навозом.

В падении он опрокинул один из столов, расставленных у арены. Стоявшие на нем пивные бутылки разбились где-то между расфранченным хозяином похоронного бюро, его истерически заво-

пившей женой и двумя сыновьями, которые пришли в восторг: ведь о таком происшествии можно рассказывать до конца своих дней.

Крошка-циркачка с крупными зубами, мужественно помахивая рукой и виновато улыбаясь, упала вместе с кораблем пустыни.

Каким-то образом ей удалось удержаться в седле. Каким-то образом она не угодила под тушу верблюда и не была раздавлена. Делая вид, что ничего особенного не случилось, она продолжала помахивать рукой и улыбаться, а униформисты, трубачи и гимнасты — частью успевшие, а частью не успевшие переодеться в цирковые костюмы — пинали, тащили, награждали тычками и плевками закатывающего глаза бактриана. Тем временем оставшаяся часть труппы продолжала парад-алле, старательно обходя место происшествия.

Поднять верблюда в собранном виде — ногу сюда, лопатку вот так, а шею-то, шею! — было не легче, чем соорудить бедуинскую землянку во время песчаной бури. Стоило доброхотам выпрямить ему одну ногу и пригвоздить ее к земле, как другая нога начинала скрипеть и подламываться.

Горбы верблюда беспорядочно переваливались с одного бока на другой. Малышка по-прежнему сидела в дамском седле. Фонограф выбрасывал пульсирующие ритмы духового оркестра, и наконец верблюд был собран по частям, как гигантский

коллаж из зловонного дыхания и заклеенной пластырями шкуры. Он поднялся и сделал пару нетвердых шагов, словно раненый или пьяный, чтобы, рискуя повалить другие столы, прошествовать напоследок вокруг арены.

Маленькая наездница, с вымученной улыбкой державшаяся на вершине зловонного бархана, сделала прощальный взмах рукой. Публика ответила одобрительными возгласами. Парад увял сам собой. Тромбонист бросился к помосту, чтобы выключить фанфары.

Только тут я осознал, что стою с разинутым ртом, сорвав голос, хотя сам не слышал своего крика. Я видел, что меня окружают десятки других зрителей, точно так же потрясенных отчаянием циркачки и позором верблюда. Теперь мы все расселись по местам, обмениваясь быстрыми горделивыми взглядами и радуясь благополучному исходу событий. На помост возвратились музыканты, успевшие только пришпилить к рабочим комбинезонам золотые эполеты.

Запели трубы.

— Великая Лукреция! Берлинская бабочка! — выкрикнул распорядитель, впервые показавшийся около самых почетных столиков; свой рупор он держал за спиной. — Лукреция!

И Лукреция, танцуя, появилась на манеже.

Но конечно, это была не просто Лукреция: перед публикой возникла крошечная Мелба, которую представляли то как Роксанну, то как Рамону Гонзалес. Меняя шляпки и костюмы, она выбегала на арену все с той же фортепианной улыбкой. О Лукреция, Лукреция, повторял я про себя.

Та, что ездит на полуживых верблюдах. Та, что жонглирует пивными бочонками и надрывает тонкие лепешки.

Та, добавил я, что завтра сядет за руль хлипкого, как консервная банка, грузовичка, чтобы двинуться дальше через мексиканскую пустыню к какому-нибудь богом забытому городку, где обитают двести собак, четыреста кошек, тысяча свечей, двести сорокаваттных электролампочек и вдобавок четыреста жителей. Среди этих четырех сотен горожан будет триста стариков и старух, восемьдесят детей и двадцать девушек, ожидающих парней, которые никогда уже не вернутся из пустыни, где они исчезли, отправившись в Сан-Луис-Потоси или Хуарес, или не исчезли, а лежат на пустом, пересохшем дне моря, испарившегося под солнцем до соляных пластов. И вот приезжает цирк, уместившийся в нескольких автомобилях, каждый из которых — гроза кузнечиков — дребезжит, бренчит, подскакивает на колдобинах и выбоинах дорог, давит тарантулов так, что от тех остается только мок-

рое место, наезжает колесом на неуклюжего пса, словно на холщовый мешок, брошенный на просушку посреди окраинного пустыря, и вот уже цирк уезжает, даже не оглянувшись назад.

А эта крошка-циркачка, думал я, ведь на ней, по сути, все держится. Если она погибнет...

— Та-та! — подал голос оркестр, прервав мои размышления о прахе и о солнце.

Из-под купола опустилась на рыболовной леске серебряная пряжка. И эта удочка была заброшена... на нее!

Малышка прикрепила пряжку к своей улыбке.

— С ума сойти! Ты только посмотри! — ахнул мой приятель. — Она... она собирается летать!

Дюймовочка с шоферскими бицепсами (и ногами велосипедиста после шестидневной гонки) подпрыгнула.

Господь Бог подсек длинную леску и стал подтягивать кружащийся улов к бурому небу купола.

Музыка набирала силу.

Воздух содрогнулся от рукоплесканий.

— Как ты думаешь, на какой высоте она сейчас работает? — шепотом спросил приятель.

Я затруднился с ответом. Футов двадцать — двадцать пять.

Но почему-то в этот вечер, под этим куполом, в присутствии этой публики мне показалось: на самом деле — сто.

И тут шатер начал слабеть. Или, скорее, Улыбка начала ослаблять шатер.

Иначе говоря, зубы маленькой циркачки, закусившие серебряную пряжку, тянули в одну сторону, к центру Земли, исторгая стоны у шестов, которые подпирали шатер. Тросы гудели. Брезентовые полотнища трепыхались с почти барабанным грохотом.

Зрители, ахнув, вытаращили глаза. В ярком неразвернутом коконе кружилась нарядная Бабочка.

А древний шатер сдался. Как шерстистый мамонт, лишенный станового хребта, он сгибался, уступая желанию лечь на бок и уснуть.

На манеже униформисты придерживали канат, который рывками поднял Улыбку, и Зубы, и Голову, и Тело отважной крепышки на пятнадцать, а затем и на двадцать футов вверх; ассистенты теперь в ужасе следили за ней взглядами. Шесты готовы были подломиться, а брезентовые полотнища грозили в любую минуту рухнуть и отнять у людей их убогую жизнь. Взгляды униформистов то и дело обращались к распорядителю, который щелкал хлыстом и выкрикивал: «Выше!», как будто путь был открыт до небес. Теперь гимнастка находилась почти под самым куполом, а шесты дрожали, гнулись, перекашивались. Оркестр тянул одну ноту, словно призывая злой ветер. И ветер подул. Ближе к ночи действительно налетел суховей с гор Санта-Ана,

взметнул полог шатра, чтобы позволить ночи заглянуть внутрь, и дохнул на нас мощным дыханием топки, с пылью и кузнечиками, а потом скрылся бегством.

Брезент загудел. По толпе пробежал озноб.

— Выше! — командовал доблестный распорядитель. — Финал! Великая Лукреция! — Потом торопливо прошипел: — Люси, *vamanos!* — что следовало понимать так: Господь тебе не поможет, Люси. Вниз!

Но она лишь нетерпеливо отмахнулась, извернулась, и по ее низкорослому и мускулистому, как у Микки Руни, телу пробежала дрожь. Она распахнула крылья, превратившись в настырную осу, разрывающую путы, и закружилась еще быстрее, сбрасывая шелковые одеяния. Оркестр заиграл «танец семи покрывал», а она срывала покров за покровом — красный, синий, белый, зеленый! Чередой поразительных метаморфоз она заворожила наши глаза, устремленные вверх.

— *Madre de Dios**, Лукреция! — кричал распорядитель.

Ибо брезент вздымался и опускался. Каркас шатра стонал. Рабочие манежа, стиснув зубы, зажмурились, чтобы не видеть этого воздушного безумия.

---

* Матерь Божья (исп.).

Люси-Лукреция хлопнула в ладони. Раз! — и, откуда ни возьмись, у нее в руках оказались мексиканский и американский флаги. Взмах!

По этому знаку оркестр заиграл мексиканский национальный гимн (четыре такта) и закончил двумя тактами Фрэнсиса Скотта Кея.

Публика била в ладоши и вопила! Если повезет, эта миниатюрная динамо-машина сорвется на землю, вместо того чтобы обрушить шатер на наши головы! *Olé!*

Униформисты — все трое — выпустили канат из рук.

Падая, гимнастка пролетела верных десять футов, прежде чем они сообразили: она работает без сетки. Рабочие манежа снова ухватились за дымящийся канат. По цирку поплыл запах обожженной кожи. От их ладоней разгорался дьявольский огонь. А они смеялись от боли.

Когда игрушечная гимнастка ударилась о мягкую пыльную арену, ее улыбка была еще прикреплена к пряжке. Малышка потянулась, отстегнула пряжку и поднялась на ноги, размахивая двумя яркими флагами перед обезумевшей толпой.

Освободившись от ста десяти фунтов крепких мускулов, шатер как будто вздохнул. Через многочисленные прорехи в серовато-коричневой парусине шатра я видел тысячи звезд, мерцающих в честь

праздника. Цирк выгадал для себя еще один день жизни.

Преследуемая волной рукоплесканий, Улыбка помчалась вдоль отмели из опилок впереди своей маленькой хозяйки и скрылась за кулисами.

А теперь — заключительный номер.

Теперь — тот номер, который преобразит вашу жизнь, перевернет души, лишит рассудка — своей красотой, ужасом, силой, мощью и фантазией!

Так объявил публике один из униформистов!

Он помахал тромбоном. Музыканты с бьющим через край энтузиазмом заиграли триумфальный марш.

Стреляя из пугача, на арену вышел укротитель львов.

Он был одет в белый охотничий шлем для саванны, а также блузу и краги в стиле Клайда Битти и ботинки, как у Фрэнка Бака.

Щелчки его черного хлыста и пистолетные выстрелы разбудили публику. В воздухе висело облако густого дыма.

Однако ни тень от белого шлема, ни прикрытие грозных приклеенных усов не помешали мне узнать лицо продавца билетов, которое час назад маячило у входа, и глаза распорядителя арены.

Прогремел еще один выстрел. Бах!

И глазам зрителей открылась прятавшаяся до поры до времени в дальней части шатра круглая

клетка для аттракциона со львом — с нее сдернули яркий брезентовый чехол.

Униформисты вытянули из-за кулис деревянный ящик, внутри которого, как мы определили по запаху, томился бедняга-лев. Ящик придвинули вплотную к задней стене клетки. Открылась какая-то дверца, и в клетку впрыгнул укротитель, который тут же захлопнул за собой дверцу и выстрелил из пугача в сторону открывшейся заслонки ящика со львом.

— Лео! *Andale!* — приказал укротитель.

Публика подалась вперед.

А лев... не шевельнулся.

Он спал в своем тесном переносном ящике.

— Лео! *Vamos! Andale! Presto!** — Укротитель ткнул кнутом в дверцу ящика и покрутил, будто переворачивал мясо на вертеле.

Взметнулась густая желтая грива, послышалось раздраженное ворчание.

Бах! — снова раздался выстрел пугача над самым ухом глухого старого льва.

Рык был тихим, но безошибочно узнаваемым.

Зрители расцвели улыбками и устроились поудобнее.

Внезапно в двери клетки показался Лео. Он замигал, ослепленный ненавистным светом. Это был...

---

* Живо! (*исп.*)

Самый дряхлый из всех львов, которых мне доводилось видеть. Можно было подумать, он сбежал ненастным декабрьским днем из питомника, где содержатся списанные в расход звери из Дублинского зоопарка. Его морда, исполосованная бесчисленными морщинами, походила на разбитое окно. Некогда золотистая шерсть наводила на мысли о старой позолоте, которая от долгого лежания под дождем пошла потеками.

Лев, как мы сразу поняли, был слаб глазами — он досадливо моргал и щурился. Большая часть его зубов выпала — наверно, во время поглощения овсянки, полученной в то утро на завтрак. Все ребра выпирали наружу из-под чесоточной шкуры, которая напоминала ковровую дорожку, вытопанную сотнями укротителей.

У него уже не осталось ярости. Он выдохся. Только одно могло помочь этому зверю. Выстрел из пистолета в левую ноздрю... б-бах!

— Лео.

Аррр! — вырвалось у льва. Ах! — выдохнула публика. Барабанщик изобразил drobный раскат грома.

Лев сделал шаг. Укротитель сделал шаг. Напряжение росло!

И тут случилось непредвиденное...

Лев открыл пасть и зевнул.

И в этот миг случилось нечто еще более непредвиденное...

Маленький мальчик, не старше трех лет, обманув бдительность матери, выскользнул из-за столика для почетных гостей и побежал по опилкам к зловещей железной клетке. Шатер содрогнулся от криков: Нет! Назад! Но прежде чем кто-нибудь успел шевельнуться, малыш, заливаясь смехом, ухватился за железные прутья.

Ох! — выдохнули все разом.

Что было страшнее всего — ребенок потрянул не просто два прута, но всю клетку.

Малейшее движение крошечных коричневаторозовых кулачков грозило опрокинуть эту хлипкую конструкцию вместе с хищником.

Только не это! — беззвучно заклинали зрители, которые чуть не падали со скамеек, пытаясь мимикой и жестами привлечь внимание малыша.

Подняв кнут и пистолет, замер в испарине укротитель.

Лев закрыл глаза и сделал выдох через беззубую пасть.

Мальчонка потрянул прутья клетки еще один раз, который мог оказаться роковым.

В этот миг его отец решительным броском выскочил на манеж, сгреб малыша в охапку, закрыл полый своего выходного пиджака и отступил к ближайшему зрительскому столику.

Уф-ф-ф! Публика обмякла в облегчении; лев рывкнул, двинулся по кругу за собственным хвостом.

том и взгромоздился на облувленную тумбу, чтобы спокойно присесть.

Только теперь потревоженная клетка перестала дрожать.

Б-бах! Цирковой пистолет выстрелил прямо в огромную желто-флегматичную морду. Зверь издал настоящий вопль ярости и прыгнул с тумбы! Укротитель ринулся наутек. Лев бросился в погоню. Укротитель добежал до двери клетки; лев не отставал. Публика визжала. Распахнув дверь, укротитель резко развернулся, еще раз стрельнул из пугача — бабах! — в львиную морду, выскочил наружу и — дзинь! — с лязгом запер дверь, а потом сорвал с головы парик, швырнул пистолет оземь, сломал рукоять хлыста и улыбнулся такой улыбкой, которая покорила нас всех!

Львиный рык! Его издала толпа. Зрители повскакали со своих мест. Каждый ревел не хуже льва!

Представление закончилось.

Снаружи, по обеим сторонам от выхода, грянули две разные мелодии в честь обычного вечера, когда под ногами чернели арбузные косточки, клубилась пыль и скакали кузнечики; публика расходилась по домам, а мы с приятелем еще долго сидели в побитом молью шатре, пока не остались почти одни, и сквозь прорехи смотрели, как все новые и новые звезды выстраиваются в созвездия, неся по ночному небу свои безымянные огоньки. Шатер

хлопал крыльями в извечной буре горячих оваций. Не говоря ни слова, мы покинули цирк вместе с последними зрителями.

У выхода мы обернулись, чтобы окинуть взглядом пустую арену и спускающийся из-под купола длинный канат с серебряной пряжкой, которая ожидала, когда же ее снова возьмет к себе Улыбка.

Мне в руку кто-то сунул лепешку-такое; я поднял глаза. Передо мной стояла маленькая циркачка, которая гарцевала на немощных верблюдах, жонглировала пивными бочонками, отрывала билеты и каждый вечер взлетала в поднебесье купола, чтобы превратиться из мотылька в яркую бабочку. Ее Улыбка оказалась совсем близко, глаза подозревали во мне охальника, но находили друга. Мы оба держались за одну и ту же лепешку. Наконец подарок перешел ко мне. Я отправился дальше, унося его с собой.

Из фонографа с шипеньем вырывался мотив «La Galondrina». В нескольких шагах стоял укротитель; у него со лба текли капли пота, складываясь в гирлянду огоньков на рубашке цвета хаки. Он истово дул в трубу и не заметил, как я прошел мимо.

Прошагав под запыленными деревьями, мы свернули за угол, и цирк шапито скрылся из виду.

Всю ночь дул горячий ветер, унося из Мексики сухую землю. Всю ночь по оконным стеклам нашего бунгало стучал дождь из кузнечиков.

Мы ехали на север. Не одну неделю спустя я все еще выбивал из одежды теплую пыль и вытаскивал дохлых кузнечиков из пишущей машинки и дорожной сумки.

Даже теперь, по прошествии двадцати девяти лет, когда выдается тихая ночь, я слышу, как горячий ветер с гор Санта-Ана доносит издалека две мелодии, гремящие у входа в цирк шапито: одну играет маленький живой оркестрик, а другую — икающая пластинка. Я просыпаюсь в одиночестве, сажусь на кровати и понимаю, что все это пригрезилось.

Кто там, под дождем?

Почти все осталось, как прежде. Поскольку дорожные сумки с невысохшими дождевыми каплями на боках уже перекочевали в гулкий, волглый домик, а машина, еще не остывшая, еще хранящая запах двухсотмильной поездки к северу — из Чикаго в штат Висконсин, — была накрыта брезентом, можно было предаться размышлениям. Прежде всего ему очень повезло, что удалось забронировать тот же самый домик, который снимали родители еще двадцать лет назад, чтобы привезти сюда их с братом Скипом. В этих стенах каждый шаг, каждый голос по-прежнему отдавались гулким эхом. Почему-то сейчас он сбросил ботинки, чтобы походить босиком: наверно, по той простой причине, что так ему было приятно. Закрыв глаза, он присел на кровать и слушал, как по тонкой кровле барабанит ливень. Приходится, конечно, делать поправку на обстоятельства. Во-первых, деревья стали выше. Как только на трассе замаячил, сквозь дождь и подни-

мавшийся от капота пар, указатель на Лейк-Лон, сразу стало ясно: что-то здесь по-другому, но только сейчас, прислушиваясь к порывам ветра, он понял, что именно тут изменилось. Конечно же, деревья. За двадцать лет они вытянулись, кроны разрослись вширь. Ну и трава, конечно: хотя, если уж быть совсем точным, трава была та самая, на которой еще в тот приезд он валялся после купания в озере, ощущая, как мокрый купальный костюм холодит бедра и цыплячью грудь. По инерции подумалось: сохранился ли тот же запах в общественной уборной на территории кемпинга? Раньше там пахло латуnią, карболкой, стариками, что привлекают ноги, и простым мылом.

Дождь прекратился. Время от времени он еще напоминал о себе крупными каплями, которые падали с деревьев на крышу, а небо своим цветом, плотностью и предвестием напоминало порох. Время от времени оно лопалось посередине и озарялось вспышкой, но прореха тут же затягивалась.

Линда пошла в уборную, до которой было совсем недалеко — всего-то пробежать среди кустов, деревьев и оштукатуренных домиков, правда, сейчас еще и по лужам, подумал он, и среди зарослей, которые отряхивались, как испуганные собачонки, и обдавали тебя фонтаном холодных, пахнущих свежестью брызг. Хорошо, что она ненадолго вышла. Он хотел кое-что поискать. Прежде всего иници-

алы, которые сам вырезал на подоконнике пятнадцать лет назад, в последний приезд, в конце лета 1932-го. Он бы никогда такого себе не позволил, если бы кто-нибудь был рядом, но теперь, оставшись в одиночестве, он подошел к окну и провел рукой по деревянной поверхности. Она была безупречно ровной.

Ну что ж, подумал он, наверно, это было другое окно. Нет. Комната была именно эта. И домик тот же самый, вне всякого сомнения. Он почувствовал внезапную досаду на плотников: явились сюда и заровняли все поверхности наждачной бумагой, отменив бессмертие, которое он обеспечил себе в ту дождливую ночь, когда, загнанный в дом грозой, занялся резьбой по дереву. Сделав дело, он себе сказал: сюда год за годом будут приезжать люди и все они будут это видеть.

Он потер рукой безразличный подоконник.

В дверях появилась Линда.

— Ну и дыра! — вскричала она. На ней не было сухого места, в волосах блестели дождевые капли, по лицу сбежали струйки. Она посмотрела на него со скрытым укором. — Значит, это «Страна чудес». Когда ее построили? Само собой разумеется, домики должны быть с удобствами, но куда там! До туалета не так далеко, но я минуты две не могла нашарить выключатель, а после этого пять минут

пыталась выгнать огромную ночную бабочку, чтобы спокойно помыть руки!

Огромная ночная бабочка. Расправив плечи, он улыбнулся.

— Держи.— Он протянул ей полотенце.— Вытри лицо и руки, тебе сразу полегчает.

— Пришлось бежать среди кустов — посмотри, что с моим платьем: хоть выжимай. Господи! — Она уткнулась в полотенце, но не умолкала.

— Мне тоже нужно в одно место, — сказал он, выглядывая за дверь и улыбаясь своим мыслям.— Я мигом.

— Если не вернешься через десять минут, вызову береговую охрану.

Дверь хлопнула.

Он шел очень медленно, дыша полной грудью. Не пытался спрятаться от дождя и чувствовал, как ветер дергает обшлага его брюк. Он поравнялся с домиком, где в то лето жила его двоюродная сестра Мэрион с отцом и матерью. Не сосчитать, сколько раз им выдавался случай улизнуть среди ночи, чтобы посидеть у озера на мокрой траве, рассказывая страшные истории. Им становилось до того страшно, что Мэрион просила непременно взять ее за руку, а потом даже поцеловать, но это были краткие, невинные поцелуи отрочества, скорее прикосновения, просто жесты, спасение для одиноких душ. Сейчас он вспомнил даже запах этой Мэрион —

вспомнил, как от нее пахло, когда она еще не пропиталась никотином и дешевыми духами. На самом деле лет десять назад, если не больше, она перестала считаться его родственницей — по сути дела, с тех пор, как они стали взрослыми. Но сейчас она вернулась сюда в своей первозданности. Да, Мэрион уже вошла в пору зрелого возраста, как, в некотором смысле, и он сам. Но запах зрелости совсем не так притягателен.

Он дошел до мужской уборной и — о чудо! — увидел, что там все осталось без изменений.

Ночная бабочка оказалась тут как тут.

Это было большое, мохнатое серовато-белое существо, похожее на привидение: оно с шорохом крыльев билось о единственную голую лампу, подвешенную к потолку. Выходит, бабочка, надеясь на его возвращение, двадцать лет вздыхала и билась о стекло во влажном ночном воздухе. Он вспомнил, как увидел ее в самый первый раз, когда ему было восемь лет: сверху обрушился настоящий призрак, задев его лицо жуткими напудренными крыльями и оглашая воздух молчаливыми стонами.

Он тогда с воплем выскочил из кабинки и, не разбирая дороги, понесся по темной августовской траве. Возвращаться в уборную он, конечно, не стал, а вместо этого забежал за дом и там облегчился, выпустив из себя распирающую боль. Потом он ста-

рался сходить в уборную засветло, чтобы не столкнуться с напудренным чудищем.

Теперь он смотрел на ту же самую Ночную Бабочку.

— Привет,— сказал он.— Заждалась?

Невероятная глупость, но до чего же приятно позволить себе быть глупым. Ему не понравилось выражение лица Линды. Он прекрасно знал: чем больше поводов у него будет уйти с ее глаз, тем лучше для него. Между прочим, и на сигаретах можно сэкономить, если держаться от нее подальше. Но действовать нужно с оглядкой.

«Не сбегать ли мне за бутылочкой виски, дорогая?»; «Схожу-ка на причал — надо купить мотыля»; «Дорогая, Сэм приглашает меня играть в гольф». Линда была совершенно не приспособлена к такой погоде. Вот и теперь она уже немного скисла.

Бабочка задела его щеку.

— Здоровенная, гадина! — сказал он, внезапно ощутив, как по спине пробежали мурашки, точно так в первый раз.

Вот уже много лет он не испытывал страха, но тут позволил себе совсем немножко, в свое удовольствие, испугаться белой шуршащей бабочки. Теперь она кружила у электрической лампы. Ополоснув руки, он рискнул заглянуть в кабинку, чтобы проверить загадочные письма, которые разгля-

дывал в детстве. Тогда это были заклинания, странные, непостижимые. Теперь — ничто.

— Все ясно,— сказал он.— Слова. Стишки. Серость.

Краем глаза он увидел свое размытое, нечеткое отражение в зеркале и отметил, что на лицо легла тень разочарования. В нацарапанных на стене словах не оказалось и следа той волшебной силы, которой он их когда-то наделял. Прежде это были золотые магические формулы. Теперь — короткие, вульгарные пощечины хорошему вкусу.

Он помедлил, чтобы докурить сигарету, оттягивая, насколько можно, возвращение к Линде.

Когда он появился в дверях, Линда окинула его взглядом:

— Это выходная рубашка. Зачем расхаживать в ней под дождем? Разве трудно было набросить плащ?

— Ничего страшного,— сказал он.

— Так и простудиться недолго.— Она распаковывала сумку, выкладывая вещи на кровать.— Господи, кровать-то какая жесткая.

— Было время — я спал на ней безмятежным сном,— сказал он.

— Не иначе как я старею,— сказала она.— Мне теперь подавай ложе из взбитых сливок.

— Ты приляг,— предложил он.— До ужина три часа.

— Когда прекратится этот дождь? — спросила она.

— Понятия не имею. Думаю, сегодня, в крайнем случае — завтра. Зато листва свежая. Какой чудный воздух после дождя, благодать!

Но он покривил душой. В этих краях дожди порой не прекращались неделями. Раньше это не было помехой. Под колючими струями он сбегал к серому, подернутому рябью озеру, а небо над головой, как вылепленное из серой глины, то и дело содрогалось, выпуская на свободу грозу, и раскалывалось слепяще-голубым электрическим разрядом. Гром сбивал с ног. Барахтаясь в озере, он держал голову высоко над поверхностью, но в воде было тепло и уютно, потому что там не донимали дождевые иголки, потому что можно было разглядывать павильон, в котором вечерами устраивались танцы, и еще корпуса с просторными, полутемными холлами, где бесшумно сновали коридорные, и, конечно, снятый родителями домик, оробевший под раскатами августовского грома, а самому при этом плавать по-собачьи, брызгаясь сколько душе угодно, и прятаться от ледяного воздуха. Неохота было вылезать на берег, хотелось так и качаться в теплой воде до восторженного посинения.

Линда прилегла на кровать.

— Господи, матрас называется! — сказала она. Не касаясь ее, он вытянулся рядом.

Дождь припустил опять, деликатно стучась в домик. Стало темно, как ночью, однако ощущение было совершенно особое, потому что часы показывали всего четыре пополудни, но уже опустилась тьма, а над этой тьмой еще стояло солнце — просто уму непостижимо.

В шесть часов Линда заново накрасила губы.

— Надеюсь, хотя бы кормят здесь сносно, — сказала она.

Дождь лил не переставая, стучал и молотил по крыше, будто упавший с небес вечный шторм.

— Что будем делать вечером? — поинтересовалась Линда.

— Может, сходим потанцевать? Здесь есть павильон, построенный в двадцать девятом году, еще до кризиса — обошелся в миллион долларов, — говорил он, затягивая узел галстука, а сам возвращался на восемнадцать лет назад.

Мысленно он был сейчас на улице, под мокрыми деревьями, вместе с Мэрион и Скипом. Кутаясь в плащи, которые шуршали, как целлофан, они с мокрыми лицами бежали под дождем через детскую площадку с горками, вдоль обнесенной столбиками аллеи, напрямик к павильону. Детям вход был воспрещен. Им оставалось топтаться снаружи, прижимаясь носами к окнам, и смотреть, как взро-

слые заказывают вино, смеются, усаживаются за столики, потом встают, выходят на площадку для танцев и кружатся под музыку, которая снаружи слышалась глухо, будто бы через подушку. Мэрион замирала от восторга, когда ей на лицо падали цветные отблески. «Когда я вырасту, — сказала она, — приду сюда танцевать».

В мокрой тьме с карнизов павильона им на головы низвергались дождевые струи. А музыка играла «Нашел я любовь в Авалоне», «Старинный Монтерей» и прочее.

Поглазев с полчаса и промочив ноги, они начинали хлюпать носами и чувствовали, как дождь затекает за ворот; тогда они поворачивались спиной к теплым огням павильона и под угасающую музыку молча плелись назад, в сторону своих домиков.

Кто-то постучался в дверь.

— Это Сэм! — раздался голос. — Ну, как вы там? Готовы? Ужинать пора!

Они пригласили его войти.

— Как будем добираться до главного корпуса? — спросила Линда. — Неужели пешком? — Она выглянула за порог.

— Почему бы и нет? — сказал ее муж. — Это же здорово. Ведь, если подумать, мы совершенно перестали двигаться, то есть, я хочу сказать, перестали ходить пешком — в соседний квартал и то ездим

на машине. Нет, правда, наденем плащи — и вперед. Что скажешь, Сэм?

— Я не возражаю, а ты как, Линда? — громогласно спросил Сэм.

— Пешком? — жалобно переспросила она. — Всю дорогу? В такой дождь?

— Оставь, пожалуйста, — сказал ей муж. — Дождик-то пустяковый.

— Ну, что ж поделаешь, — сказала она.

У выхода зашуршали плащи. Он много смеялся, шлепал жену пониже спины, помог затянуть пояс.

— От меня пахнет, как от надувного моржа, — сказала она.

И вся троица высыпала на окаймленную деревьями дорогу, скользя подошвами по мокрой траве, утопая в слякоти, уворачиваясь от машин, которые обдавали их грязью и жалобно завывали в густой мгле.

— С ума сойти! — кричал он. — Ну, классно!

— Не так быстро, — взмолилась Линда.

Деревья гнулись от ветра; судя по всему, дождь зарядил по меньшей мере на неделю. Дорога к главному корпусу шла в гору, и теперь им было уже не так весело, хотя он еще бодрился. Однако, после того как Линда поскользнулась и упала, никто больше не произнес ни слова, только Сэм сделал попытку пошутить, когда помогал ей подняться.

— Если вы не против, я остановлю машину,— сказала Линда.

— Не нарушай компанию,— сказал он.

Она помахала попутной машине. Водитель высунулся в окно и прокричал:

— Может, вас всех подбросить?

Но он даже не замедлил шага, так что Сэму оставалось только плестись следом.

— Нехорошо получилось,— сказал Сэм.

В небе выросла молния, похожая на голое новорожденное дерево.

Ужин оказался далеко не изысканным, но хотя бы горячим, а водянистый, слабый кофе просто невозможно было взять в рот. Ресторан заполнился едва ли наполовину. По всему чувствовалось, что сезон на исходе: люди будто бы напоследок вытащили из сундуков нарядные одежды, зная, что завтра наступит конец света, люстры вот-вот готовы были угаснуть навсегда, и уже не имело особого смысла кому-то угождать. Огни горели тускло, в воздухе висел дым дешевых сигар, беседа не клеилась.

— Ноги промокли,— сказала Линда.

В восемь часов они спустились в павильон: там гуляло эхо, народ еще не подтянулся, эстрада для оркестра пустовала; но часам к девяти многие столики уже были заняты, и оркестр (в двадцать девять

том вроде музыкантов было двадцать, а теперь — девять, отметил он) стал наигрывать попури из старых мелодий.

Его сигареты отсырели, костюм пропитался влагой, в ботинках хлюпало, но он об этом не заговаривал. Во время третьего танца он пригласил Линду. Кроме них на площадке было семь пар; световая установка мелькала всеми цветами радуги, озаряя гулкие пустые пространства. При каждом шаге у него в носках чавкала вода, ступни онемели от холода.

Он обнял Линду за талию, и они станцевали под мелодию «Нашел любовь я в Авалоне», да и то лишь потому, что этот номер был заранее заказан им по телефону. Они безучастно двигались по паркету, не говоря ни слова.

— У меня совершенно мокрые ноги, — сказала наконец Линда.

Он все так же вел ее в танце. Кругом было мрачно, темно и холодно; по окнам струился свежий дождь.

— После этого танца пойдем к себе, — сказала Линда.

Муж не ответил ни «да» ни «нет».

Его взгляд устремился за пределы натертого до блеска танцевального пола, к пустым столикам, к немногочисленным парочкам и дальше, к зали-

тым водой оконным стеклам. Направив Линду в сторону ближайшего окна, он прищурился и увидел то, что пытался высмотреть.

В окно заглядывали детские лица. Одно или два. Может быть, три. На них падал свет. Свет отражался у них в глазах. Всего лишь минуту, не более.

Он произнес какую-то фразу.

— Что-что? — переспросила Линда.

— Жаль, говорю, что это не мы стоим под окном, заглядывая внутрь, — сказал он.

Она посмотрела ему в глаза. Оркестр играл последние такты. Когда он вновь повернулся к окну, лица уже исчезли.

Мадам ет мсье Шиль

Когда Андре Холл остановился у входа в «Ле Ресторан Фондю» и стал читать оправленное в серебряную рамку XIX века меню, пробегая глазами каждую строчку справа налево, кто-то с величайшей осторожностью тронул его за локоть.

— Сэр, — произнес мужской голос, — похоже, вы голодны.

Андре с досадой обернулся.

— С чего вы решили?.. — начал он, но почтенного вида незнакомец вежливо перебил.

— Это можно было определить по той сосредоточенности, с которой вы изучали меню. Меня зовут мсье Со, я владелец этого ресторана. У меня наметанный глаз.

— Боже праведный, — поразился Андре, — неужели это наблюдение заставило вас выйти на улицу?

— Конечно! — Немолодой собеседник разглядывал пиджак Андре — потертые обшлага, пережившие не одну чистку лацканы, — а потом уточнил: — Так вы действительно голодны?

— Предлагаєте мне спеть за кормежку?

— Нет, как можно! *Regardez** вот туда.

Андре посмотрел в сторону окна и ахнул, пораженный в самое сердце.

За стеклом сидела изумительной красоты девушка, которая готовилась отправить в свой прелестный ротик ложку супа. Склонив голову как для молитвы, она, казалось, не замечала, что мужчины пристально всматриваются в ее профиль, нежные щеки, фиалковые глаза, изящные ушные раковины.

Андре никогда в жизни не ужинал с женщиной, но теперь у него перехватило дыхание от одной этой возможности.

— Единственное, что от вас потребуется,— шептал владелец ресторана,— в течение часа сидеть у окна напротив этого небесного создания, есть и пить. А после прийти сюда еще в какой-нибудь вечер, чтобы точно так же пообедать с этим чудным видением.

— Но почему выбор пал на меня?

— *Regardez*.— Старик заставил Андре повернуть голову, чтобы поймать свое отражение в стекле.— Что вы там видите?

— Студент, голодный художник. Это я! Молодой человек... приятной наружности?

— Ага! Неплохо! Пойдемте!

---

* Посмотрите (фр.)

И молодого человека подтолкнули к дверям, чтобы усадить за стол. Юная красавица рассмеялась.

— В чем дело? — встрепнулся он, когда официант наполнил бокалы шампанским. — Что вас так насмешило?

— Вы, — улыбнулась красавица. — Вам не объяснили, зачем мы здесь? Обратите внимание: вот наши зрители.

Ее рука, держащая бокал, указала в сторону окна: на тротуаре прохожие замедляли шаги.

— Да кто они такие? — возмущился он. — Что они здесь разглядывают?

— Актеров. Красивую пару. Нас с вами. Мои незабываемые глаза, нос, безупречно очерченные губы. А напротив — вы. Глаза, нос, губы — все без малейшего изъяна. Да вы совсем не пьете!

Между ними легла тень хозяина.

— Знаете, у иллюзионистов бывают помощники, которые во время представления сидят в публике, но в нужный момент выдают себя за добровольцев и незаметно помогают исполнить фокус. А известно ли вам, как называют таких ассистентов? *Шиль. Подсадка.* Так и вы — сидите с бокалом дорогого вина на виду у зрителей, а посему нарекаю вас...

Он выдержал паузу.

— Шиль. Мадам *et** мсье... Шиль.

---

* И (фр.).

Действительно, когда очаровательная молодая женщина, сидящая напротив Андре, подняла свой бокал, прохожие, оказавшиеся в том месте перед наступлением темноты, замедляли шаги и с интересом разглядывали необычайно красивую девушку и достойного ее молодого человека приятной наружности.

Перешептываясь и украдкой поглядывая в их сторону, в ресторан входили все новые и новые пары, которых привлекало не только меню; они занимали места за столиками, все больше зажигалось свечей, все больше шампанского подливал официант Андре и его спутнице, а те, очарованные бесмертной властью красоты, поглощали причитающийся им обед, даже не глядя в тарелки.

Наконец были опустошены последние тарелки, пригублен последний сорт вина, погашены последние свечи. Но молодая пара так и сидела друг против друга, пока возникший из темноты хозяин не поднял вверх руки.

Аплодисменты.

— Завтра вечером, — сказал он. — *Encore?**

Они выступили на бис, потом еще раз и еще, с перерывами на неизбежные отлучки каждого, но всегда встречались молча, чтобы температура в за-

---

* Еще раз? (фр.)

ле зашкалила за верхнюю отметку. Посетители, входящие из вечерней прохлады, встречали здесь лето, потому что воздух согревался ее теплом.

А в разгар шестнадцатого вечера Андре вдруг почувствовал, как сидящий у него внутри чревоушатель заставил двигаться его губы, которые произнесли:

— Я тебя люблю.

— Прекрати! — сказала она. — На нас люди смотрят.

— На нас смотрят уже не одну неделю. Люди видят, что перед ними любовники.

— Любовники? Ну нет. Это не про нас!

— Так за чем же дело стало? Приходи сегодня ко мне или пригласи меня к себе!

— Тогда все пойдет насмарку! Сейчас у нас и без того все прекрасно.

— Прекрасно будет тогда, когда ты станешь моей.

— Сиди спокойно! Посмотри на всех этих людей, которым мы доставляем радость. А мсье Со — он поставил на карту свое благополучие. Скажи честно: пока ты сюда не пришел, какие у тебя были планы на следующий год? Попробуй вино. Все говорят, что это превосходный сорт.

— Потому, что все так говорят?

— Не язви. Среди зрителей могут найтись такие, кто читает по губам, — им это не понравится.

Возьми меня за руку. *Нежно!* Ешь. Улыбайся. Кивай головой. Вот так. Получается?

— Я тебя люблю.

— Прекрати — или я уйду!

— Куда же?

— Не важно куда! — Она одарила притворной улыбкой тех, кто топтался на тротуаре. — Лишь бы условия на рабочем месте были приемлемы.

— Значит, я — неприемлемое условие?

— Ты ставишь под удар все дело. На нас уже смотрит мсье Со! Не дергайся. Разливай вино. Договарились?

— Договарились, — нехотя подтвердил он.

Так продолжалось еще неделю. Наконец он не выдержал:

— Выходи за меня замуж!

Она вырвала у него руку.

— Нет! — Заметив, что с тротуара на них смотрят двое, она рассмеялась.

— Неужели ты меня несколько не любишь? — умоляющим тоном спросил он.

— Почему я должна тебя любить? Мы так не договаривались.

— Выходи за меня замуж!

— Мсье Со! — крикнула она. — Будьте любезны, счет!

— Но нам ни разу не приносили счет!

— А сегодня, — сказала она, — принесут.

На следующий вечер она не пришла.

— Все из-за тебя! — бушевал мсье Со. — Негодяй! Что ты наделал?!

В окне ресторана больше не было юной красавицы: наступила последняя ночь весны, первая ночь лета.

— Мой бизнес рухнул! — кричал старик. — Кто тебя тянул за язык? Лучше бы съел добавку паштета или выпил вторую бутылку — мог бы пробкой заткнуть себе рот!

— Я говорил без задних мыслей. Вот увидите, она еще вернется!

— Ты так думаешь? Прочти-ка вот это!

Андре взял из рук старика записку и прочел: «Прощайте».

— Прощайте. — У него потекли слезы. — Куда она уехала?

— Одному богу известно. Мы даже не знали ее настоящего имени и адреса. Пойдем-ка!

Андре последовал за ним по лабиринту лестниц и оказался на крыше. Раскачиваясь и рискуя упасть вниз головой, мсье Со обвел рукой погружающийся в сумерки город.

— Что ты видишь?

— Париж. Тысячи жилых домов.

— Что еще?

— Тысячи ресторанов?

— Известно ли тебе, сколько их в районе, ограниченном нашим заведением, Эйфелевой башней и собором Парижской Богоматери? Двадцать тысяч ресторанов. Двадцать тысяч укрытий, где может прятаться наше безымянное чудо. Возьмешься ее разыскать? Приступай!

— Обойти все двадцать тысяч ресторанов?

— Приведешь ее — станешь мне сыном и партнером. Не приведешь — убью. Не мешкай!

Андре не мешкал ни минуты. Он взбежал на холм, где во всем великолепии белел собор Святого Сердца, и бросил взгляд на парижские огни, тонущие в золотисто-голубой дымке заката.

— Двадцать тысяч укрытий,— прошептал он. И отправился на поиски.

В Латинском квартале, напротив собора Парижской Богоматери, на другом берегу Сены, кое-где можно пройти от перекрестка до перекрестка и насчитать сорок ресторанов, по двадцать на каждой стороне улицы: одни — шикарные, где за окнами нередко сидят при свечах юные красавицы, другие попроще, на открытом воздухе, где посетители веселятся у всех на виду.

— Нет, нет,— пробормотал Андре.— Это невымыслимо!

И свернул в переулок, ведущий к бульвару Сен-Мишель, где теснились полюбившиеся туристам

кафе, гриль-бары и рестораны, в которых ренуаровские женщины говорили на языке вина, на языке деликатесов, и никому не было дела до странного молодого человека, который с видом одержимого бродил по тротуарам и что-то искал.

Кошмар, думал Андре. Сколько же раз мне суждено пересечь весь город, от Трокадеро до Монмартра и Монпарнаса, чтобы отыскать какое-то безвестное «кафе-театр», где сидит при свечах молодая женщина, до того прекрасная, что у всех, кто ее видит, разгорается аппетит, причем гастрономические желания сливаются с чувственными?

С ума сойти!

Вдруг я пропущу именно это окно, эту свечу, это лицо?

Просто безумие! Вдруг я сойбюсь с пути и начну заново мерить шагами однажды пройденные улицы? Нужна карта! Чтобы заштриховывать районы, где уже побывал.

На закате каждого дня, когда на узкие улицы опускались сиреневые, лиловые и пурпурные тени, он отправлялся на поиски, вооружившись картой, которая с каждым днем темнела. Как-то раз на бульваре де Гренель он в гневе выскочил из такси, обругав водителя, — тот слишком быстро вел машину и пропустил добрый десяток ресторанов и кафе.

В другой раз он в отчаянии стал себя спрашивать:

— Онфлер? Девиль? Лион? Вдруг она вообще уехала из Парижа? Сбежала в Канны или в Бордо? Там ведь тоже тысячи ресторанов! Боже, боже!

Было дело, он проснулся в три часа ночи, потому что в голове крутился список женских имен. Элизабет. Мишель. Ариэль. Как ее окликнуть, если удастся разыскать? Селия? Элен? Диана? Бет?

Обессилов, он снова погрузился в сон.

Недели складывались в месяцы. На исходе четвертого месяца он закричал своему отражению в зеркале:

— Остановись! Если не найдешь ее «кафе-театр» в течение этой недели, сожги карту! Больше никаких имен, никаких улиц — ни утром, ни вечером! Решено!

Отражение молча потупилось.

В девяносто седьмой вечер поисков, когда Андре двигался вдоль набережной Вольтера, на него внезапно нахлынула буря эмоций, которая пробрала его до костей и ударила в сердце. Явственно слыша, но не различая какие-то голоса, он в нерешительности направился к перекрестку и остоленел.

На другой стороне узкой улочки, под густой кроной дерева собралась горстка прохожих, которые изучали меню, вставленное в медную рамку, и косились на ближайшее ко входу окно. Не помня се-

бя, Андре сделал шаг вперед и остановился позади них.

— Не может быть, — прошептал он.

За столиком, придвинутым к окну, сидела за ужином при свечах прекраснейшая из женщин, величайшая любовь его жизни. Ее спутник отличался на редкость приятной наружностью. Они поднимали бокалы и пили шампанское.

Где я — внутри или снаружи? — пронеслось в голове у Андре. Не я ли сижу, как прежде, за столиком, признаваясь в любви? Что происходит?

Сердце едва не выскочило из груди, когда взгляд юной красавицы скользнул по его лицу, как тень, и больше не вернулся в его сторону. Она улыбалась своему спутнику поверх язычков пламени. Потрясенный, Андре пробился ко входу, вошел в зал и остановился рядом с этими двумя, которые перешептывались и тихо смеялись.

Она оказалась еще красивее, чем в любую из тех ночей, когда он рисовал ее в своем воображении под разными именами. Скитания по Парижу придали ее щекам румянца, а неповторимым глазам — яркости. Даже смех со временем стал богаче оттенками.

На тротуаре, под окном, прибавилось народу. Андре с трудом выговорил:

— Прошу прощения.

Красавица и ее эффектный спутник подняли глаза. В фиалковом взгляде не промелькнуло ничего похожего на узнавание; на губах не заиграла улыбка.

— Мадам *et* мсье Шиль? — только и спросил Андре.

Взявшись за руки, они кивнули.

— Что вам угодно? — спросили они.

И допили шампанское.

Зеркало

Бог свидетель, об этих двух дамах можно много чего порассказать. Девчонками, когда они еще бегали в желтых платыхах, им достаточно было стать друг против друга — и можно было прихорашиваться без зеркала. Если верно, что жизнь — это швейцарские часы, то этих девочек можно было уподобить прелестным птичкам, которые выскакивали одновременно, секунда в секунду, каждая из своей дверцы. Обе моргали, даже если великий волшебник, притаившийся за кулисами, дергал только за одну веревочку. Они носили туфельки одинакового фасона, наклоняли головы всегда в одну и ту же сторону и одинаково размахивали при ходьбе руками, словно белыми ленточками. Две молочные бутылки из ледника, две новенькие монетки с портретом Линкольна — и те не могли бы больше походить друг на друга. Когда они входили в школьный танцевальный зал, все ахали и замирали, как будто из помещения вдруг выкачали воздух.

— Двойняшки, — говорили все в один голос.

Имен никто не называл. Допустим, их фамилия была Уичерли, ну и что? При такой взаимозаменяемости невозможно питать особые чувства к одной из двоих, можно симпатизировать только совместному предприятию. Двойняшки, двойняшки — так они и плыли по великой реке времени, словно две маргаритки, брошенные в воду.

— Эти-то выйдут замуж за принцев, — говорили знакомые.

Но они двадцать лет просидели у себя на веранде, сделались такой же неотъемлемой частью городского парка, как лебеди в пруду, а их вскинутые кверху и устремленные вперед личики неизменно белели, как зимние привидения в непроглядной ночи киносансов.

Однако в их жизни все же появлялись мужчины; а точнее сказать, время от времени появлялся какой-нибудь мужчина. Слово «жизнь», употребленное в единственном числе, — это дань их единению. Если мужчина приходил к ним в дом и снимал шляпу, ему тут же возвращали ее обратно и плавно провожали к выходу.

— Нет, нам нужны близнецы, — говорила соседкам старшая из сестер, выйдя вечером на лужайку. — У нас дома все в двух экземплярах: кровати, обувь, шезлонги, темные очки; будет просто чудо, если мы найдем близнецов, под стать нам самим, потому что никто, кроме близнецов, не понимает,

что значит быть самостоятельной личностью и в то же время зеркальным отражением...

Старшая сестра. Она родилась на девять минут раньше младшей, и в ее жилах по праву первородства текла кровь гордой королевы. «Сестра, сделай то; сестра, сделай это; сестра, пойдти туда — не знаю куда».

— Я — зеркало, — сказала Джулия, младшая сестра, когда им стукнуло двадцать девять. — Да-да, я всегда это понимала. Все лучшее досталось Корал: ум, красноречие, способности, цвет лица...

— Да вы совершенно одинаковы, как две карамельки.

— Просто другие не замечают того, что вижу я. У меня поры крупнее, чрезмерно густой румянец, на локтях — загрубевшая кожа. Корал говорит: как наждачная бумага. Нет, она — настоящая личность, а я стою в сторонке, как зеркало, и копирую ее поступки и внешность, но при этом все время помню, что я — как бы невсамделишная: так, волны света, оптический обман. Кто бросит в меня камень и разобьет, тому семь лет счастья не видать.

— По весне вы обе выйдете замуж, это уж точно!

— Корал — возможно; я — никогда. Буду ходить к ней в гости, буду забегать по вечерам, если у нее разболится голова, и заваривать чай. Это у меня единственный талант от Бога — заваривать чай.

Нашелся, правда, в 1934 году один человек, который стал ухаживать не за Корал, а за младшей, Джулией. (В городе об этом до сих пор судачат: «Уж как она голосила, когда Джулия пригласила домой поклонника. Ну, думаю, пожар, не иначе. С перепугу выскочила на крыльцо полуголая и вижу: Корал честит его в хвост и в гриву — лучше бы, говорит, мне сквозь землю провалиться. Джулия из-за двери носу не кажет, а ее ухажер как стоял столбом посреди лужайки, так шляпу и уронил на мокрую траву. На другое утро Джулия украдкой вышла из дому, подхватила эту шляпу — и бегом назад. После того случая двойняшки не появлялись в городе с неделю, а потом снова вышли парочкой: плывут себе вдоль по улице, как лодки под парусом, но с тех пор я сразу отличаю, которая из них Джулия: сколько лет прошло, а ее по лицу всегда узнать можно».)

На той неделе им исполнилось сорок — барышням Уичерли, старой и молодой. В тот день как будто лопнула тугая струна, и звук прокатился по всему городу.

Поутру, встав с постели, Джулия Уичерли не стала расчесывать волосы. За завтраком старшая сестра посмотрела на свое правдивое отражение и спросила:

- Никак гребень сломался?
- Гребень?

— В каком виде у тебя волосы? Это же воронье гнездо.— С этими словами старшая дотронулась точеными фарфоровыми пальчиками до своей собственной прически, напоминавшей отлитый прямо по ее королевской голове золотой венец,— тугие косы, ни единой выбившейся прядочки, ни следа корпии от папильоток, не говоря уже о шелушках, даже самых микроскопических. Вся она была такой опрятной, что казалось, ее протерли спиртом из горелки.— Дай-ка я тебя приведу в порядок.

Но Джулия поднялась из-за стола и вышла из комнаты.

В тот же день лопнула следующая струна.

Джулия появилась на улице в одиночку.

Прохожие ее не узнавали. В самом деле, мыслимо ли узнать одну из двоих, если сорок лет они появлялись только вместе, как пара изящных туфелек, и прогуливались вдоль ярко освещенных витрин? Каждый встречный характерным образом крутил головой, переводя взгляд с одного женского лица на его точный дубликат.

— Ты кто? — спросил аптекарь, как будто был разбужен среди ночи и теперь опасливо выглядывал в шелку.— Я хочу сказать, это ты, Корал, или же Джулия? Кто заболел — Джулия или Корал, а, Джулия? То есть... тьфу ты, черт! — Он всегда говорил громко, словно в старую телефонную трубку.— Подскажи!

— А...— Младшая невольно остановилась, чтобы дотронуться до себя рукой и посмотреть на собственное отражение в стеклянном аптекарском сосуде, наполненном зеленой жидкостью.— Это Джулия,— сказала она, будто отвечая ему по телефону.— Мне нужно... мне нужно...

— Боже мой, неужели Корал скончалась? Какой ужас, вот несчастье! — запричитал аптекарь.— Ах ты, бедное дитя!

— Нет, что вы, она просто осталась дома. Мне нужно... мне нужно...— Она провела языком по пересохшим губам и выставила вперед ладонь, похожую на облачко пара в воздухе. Мне нужно купить краску для волос, ярко-рыжего цвета, ближе к морковному или томатному, а то и темно-красную,— да, скорее темно-красную: думаю, это мне больше подойдет. Цвета бордо.

— Две упаковки, разумеется?

— Как вы сказали?

— Две упаковки. По одной на каждую?

Джулия едва не вылетела из аптеки, как муха, но потом сказала:

— Нет. Одну. Для меня. Для Джулии. Единично.

— Джулия! — обрушилась на нее Корал, выйдя на крыльцо.— Где тебя носило? Сбежала, ни слова не сказав. Я чего только не передумала: вдруг ты попала под машину, вдруг тебя похитили, да мало

ли что! О господи! — Старшая сестра отшатнулась и бессильно повисла на перилах. — Твои волосы, твои дивные золотистые волосы, длиной в тридцать девять дюймов — можно сказать, по числу прожитых лет. — Она уставилась на женщину, которая вальсировала на дорожке перед домом, делала реверансы и просто кружилась с закрытыми глазами. — Джулия, Джулия, Джулия! — завопила она.

— Это цвет бордо, — сообщила Джулия. — И между прочим, бордо ударило мне в голову!

— Джулия, как ты могла выйти без шляпки в такой солнцепек? И ведь наверняка не поела, ручаюсь, что не поела. Ну же, давай руку, я тебе помогу. Сейчас пойдем в ванную и смоем этот кошмарный цвет. Ты настоящий клоун!

— Я — Джулия, — сказала младшая сестра. — Я — Джулия. Вот, кстати, посмотри... — Она раскрыла пакет, который до той поры держала в руке, прижимая локтем. Из него появилось платье цвета летних трав, гармонирующее с цветом волос, зеленое, как деревья, зеленое, как глаза обыкновенных кошек со времен египетских фараонов.

— Я не ношу зеленое, ты прекрасно знаешь, — сказала Корал. — Делая такие покупки, ты пускаешь по ветру наше наследство.

— Одно платье.

— Одно платье?

— Одно, одно, одно, — негромко повторила Джулия, светясь улыбкой. — Одно-единственное. — Она

вошла в холл, чтобы его примерить. — И одна пара новых туфель.

— С открытыми носками? Как вульгарно!

— Если хочешь, купи себе такие же.

— Ни за что!

— И такое же платье.

— Ха!

— А теперь, — напомнила Джулия, — надо собираться, Эпиманы пригласили нас на чашку чая. Ты не забыла? Собирайся.

— Ты шутишь!

— Всегда приятно выйти на люди, особенно в такой погожий денек.

— Сначала вымой голову!

— Нет-нет. Но впоследствии, скорее всего, я не стану красить волосы, чтобы отросли седые.

— Тсс! Соседи! — взвилась Корал, но тут же понизила голос: — У тебя нет седины.

— Есть. У меня вся голова седая как лунь — пусть она такой и остается. Уж сколько лет мы с тобой красим волосы!

— Всего лишь подкрашиваем, для придания естественного оттенка!

На чаепитие они отправились вместе.

Далее события развивались стремительно: за первым взрывом последовал второй, потом еще один, потом еще и еще, настоящая канонада, це-

лая череда взрывов, будто кто-то поджигал петарды. Джулия приобретала мягкие шляпки с цветами, Джулия пользовалась духами, Джулия прибавляла в весе, Джулия седела, Джулия уходила гулять по ночам, натягивая перчатки, как литейщик, предвкушающий хороший заказ.

А что же Корал?

— Мне с нею просто беда, — говорила Корал. — Беда, беда, беда. Вы только посмотрите на ее чулки — на них дорожки от спущенных петель! Губы накрашены кое-как. Я-то за собой слежу, а у нее даже щеки не напудрены — страшно смотреть, хоть бы веснушки забелила. А волосы — как грязный снег. Беда, беда, беда, очень это меня тревожит.

— Джулия, — не выдержала она в один прекрасный день. — Должна тебе кое-что сказать. Я больше не хочу, чтобы нас видели вместе.

— Джулия, — сказала она через месяц. — Я упаковала вещи. Мне повезло снять комнату с полным пансионом у миссис Эпплман. Если что — звони. Не сомневаюсь, ты мне позвонишь, будешь хлопать носом и уговаривать вернуться домой.

С этими словами Корал уплыла по морю летнего дня, как большая белая яхта.

А через неделю разразилась гроза. Сильнейший разряд молнии поскакал по небу, примерился и прыгнул в самый центр городка, отчего птицы вспорхнули со своих гнезд, словно пригоршня кон-

фетти, трое младенцев родились на две недели раньше положенного срока, а в сотне домов, внезапно погрузившихся в грозовой полумрак, накоротко замкнуло трескотню хозяек про грехи, адские муки и семейные драмы. Но этот удар молнии, вернувшийся на небо миллиардами осколков, оказался сущим пустяком по сравнению с небольшим объявлением, помещенным на следующий день в местной газете: оно гласило, что Генри Краммит (изображенный на фото в обнимку с деревянной фигурой индейца возле табачной лавки) сегодня сочетается браком с девицей по имени Джулия Уичерли.

— Кто-то польстится на Джулию?!

От изумления Корал раскрыла рот, опустилась на стул и потом долго смеялась над этой нелепой выдумкой.

— Что?! Эти перекрученные швы на чулках, застиранные блузки, жуткие седые космы, неаккуратные брови, стоптанные туфли? Джулия? Неужели кто-то надумал взять ее в жены? Ну и чудеса!

Исключительно для того, чтобы подкрепить свои предположения, которые варьировались от комедии до грубого фарса, что уже было совсем не смешно, она отправилась в указанное время к маленькой церкви, где, к своему удивлению, застала небольшую группу приглашенных, которые бросали в воздух пригоршни риса, оживленно болтали и

радостно улыбались, потому что в этот миг из церкви выходил Генри Краммит, а под руку с ним шла...

Статная, модно одетая женщина, с прекрасно уложенными золотистыми волосами, на которых не было ни следа корпии от папильоток, не говоря уже о чешуйках перхоти. Швы у нее на чулках были натянуты, как по линейке, губы аккуратно подкрашены, а щеки слегка припудрены, будто тронуты молодым снежком в начале мягкой зимы.

Проходя мимо, младшая сестра подняла глаза и увидела старшую. Она остановилась. Вслед за тем остановилась и вся процессия. Все выжидали. Все затаили дыхание.

Младшая сестра сделала один шаг, потом еще один шаг и взгляделась в лицо постарше, затесавшееся в толпу. После этого, словно прихорашиваясь перед зеркалом, она поправила фату, освежила помаду на губах и провела пуховкой по щекам, легко и привычно, без намека на суетливость. Наконец она сказала этому зеркалу (во всяком случае, люди сведущие рассказывают именно так):

— Я — Джулия, а ты кто такая?

Потом в воздух полетело столько риса, что ничего не стало видно, а там уже и отъехал свадебный кортеж.

Лето кончилось

Один. Два. Хэтти замерла в постели, беззвучно считая тягучие, неторопливые удары курантов на здании суда. Под башней пролегли сонные улицы, а эти городские часы, круглые и белые, сделались похожими на полную луну, которая в конце лета неизменно заливала городок ледяным свечением. У Хэтти зашлось сердце.

Она вскочила, чтобы окинуть взглядом пустые аллеи, прочертившие темную, неподвижную траву. Внизу едва слышно поскрипывало растревоженное ветром крыльцо.

Глядя в зеркало, она распустила тугую учительскую кичку, и длинные волосы каскадом заструились по плечам. То-то удивились бы ученики, подумала она, случись им увидеть эти блестящие черные волны. Совсем неплохо, если тебе уже стукнуло тридцать пять. Дрожащие руки вытащили из комода несколько припрятанных подальше маленьких сверт-

ков. Губная помада, румяна, карандаш для бровей, лак для ногтей. Воздушное нежно-голубое платье, как облачко тумана. Стянув невзрачную ночную сорочку, она бросила ее на пол, ступила босыми ногами на грубую материю и через голову надела платье.

Увлажнила капельками духов мочки ушей, провела помадой по нервным губам, оттенила брови, торопливо накрасила ногти.

Готово.

Она вышла на лестничную площадку спящего дома. С опаской взглянула на три белые двери: вдруг распахнутся? Прислонившись к стене, помедлила.

В коридор так никто и не выглянул. Хэтти показала язык сначала одной двери, потом двум другим.

Пока она спускалась вниз, на лестнице не скрипнула ни одна ступенька; теперь путь лежал на освещенное луной крыльцо, а оттуда — на притихшую улицу.

Воздух уже был напоен ночными ароматами сентября. Асфальт, еще хранивший тепло, согрел ее худые, не знающие загара ноги.

— Как давно я хотела это сделать. — Она сорвала кроваво-красную розу, чтобы воткнуть ее в черные волосы, немного помедлила и обратилась к зашторенным глазницам окон своего дома. — Никто

не догадается, что я сейчас буду делать. — Она покружилась, гордясь своим летящим платьем.

Вдоль череды деревьев и тусклых фонарей бесшумно ступали босые ступни. Каждый куст, каждый забор будто бы представляли перед ней заново, и от этого рождалось недоумение: «Почему же я раньше на такое не отважилась?» Сойдя с асфальта на росистую лужайку, она нарочно помедлила, чтобы ощутить колючую прохладу травы.

Патрульный полицейский, мистер Уолцер, шагал по Глен-Бэй-стрит, напевая тенорком что-то грустное. Хэтти скользнула за дерево и, прислушиваясь к его пению, проводила глазами широкую спину.

Возле здания суда было совсем тихо, если не считать, что сама она пару раз ударилась пальцами ног о ступени ржавой пожарной лестницы. На верхней площадке, у карниза, над которым серебрился циферблат городских часов, она вытянула вперед руки.

Вот он, внизу — спящий городишко!

Тысячи крыш поблескивали от лунного снега.

Она грозила кулаком и строила гримасы ночному городу. Повернувшись в сторону пригорода, издевательски вздернула подол. Закружилась в танце и безмолвно засмеялась, а потом четыре раза щелкнула пальцами в разные стороны.

Не прошло и минуты, как она с горящими глазами уже бежала по шелковистым городским газонам.

Теперь перед нею возник дом шепотов.

Притаившись под совершенно определенным окном, она слышала, что из тайной комнаты доносятся два голоса: мужской и женский.

Хэтти оперлась о стену; ее слуха достигали только шепоты, шепоты. Они, как два мотылька, трепетали внутри, бились об оконное стекло. Потом раздался приглушенный, неблизкий смех.

Хэтти подняла руку к стеклу; лицо приняло благоговейное выражение. Над верхней губой проступил бисер пота.

— Что это было? — вскрикнул находившийся за стеклом мужчина.

Тут Хэтти, подобно облачку тумана, метнулась в сторону и растворилась в ночи.

Она долго бежала, прежде чем снова задержаться у окна, но уже совсем в другом месте.

В залитой светом ванной комнате — не иначе как это была единственная освещенная комната на весь городок — стоял молодой человек, который, позевывая, тщательно брился перед зеркалом. Черноволосый, голубоглазый, двадцати семи лет от роду, он служил на железнодорожном вокзале и ежедневно брал на работу бутерброды с ветчиной в ме-

таллической коробочке. Промокнув лицо полотенцем, он погасил свет.

Хэтти притаилась под кроной векового дуба — прильнула к стволу, где сплошная паутина да еще какой-то налет. Щелкнул наружный замок, скрипнул гравий под ногами, звякнула металлическая крышка. Когда в воздухе повеяло запахами табака и свежего мыла, ей даже не пришлось оборачиваться, чтобы понять: он проходит мимо.

Насвистывая сквозь зубы, он двинулся по улице в сторону оврага. Она — за ним, перебегая от дерева к дереву: то белой вуалью летела за ильмовый ствол, то лунной тенью укрывалась за дубом. В какой-то миг человек обернулся. Она едва успела спрятаться. С бьющимся сердцем выждала. Тишина. Потом опять его шаги.

Он насвистывал «Июньскую ночь».

Радуга огней, укрепленных над краем обрыва, швыряла его собственную тень прямо ему под ноги. Хэтти была на расстоянии вытянутой руки, за вековым каштановым деревом.

Вторично остановившись, он больше не стал оглядываться. Просто втянул носом воздух.

Ночной ветер принес аромат ее духов на другой край оврага, как она и задумывала.

Она не шевелилась. Сейчас был не ее ход. Обессилев от бешеного сердцебиения, она прижималась к дереву.

Казалось, битый час он не решался сделать ни шагу. Ей было слышно, как под его ботинками покорно распадается роса. Теплые запахи табака и свежего мыла повеяли совсем близко.

Он коснулся ее запястья. Она не открыла глаза. А он не произнес ни звука.

Где-то в отдалении городские часы пробили три раза.

Его губы бережно и легко накрыли ее рот. Потом тронули ухо.

Он прижал ее к стволу. И зашептал. Вот, оказывается, кто подглядывал к нему в окна три ночи кряду! Он коснулся губами ее шеи. Вот, значит, кто крадучись шел за ним по пятам прошлой ночью! Он вгляделся в ее лицо. Тени густых ветвей мягко легли на ее губы, щеки, лоб, и только глаза, горевшие живым блеском, невозможно было спрятать. Она чудо как хороша — известно ли это ей самой? До недавних пор он считал ее наваждением. Его смех был не громче тайного шепота. Не сводя с нее глаз, он опустил руку в карман. Зажег спичку и поднял на высоту ее лица, чтобы получше разглядеть, но она притянула к себе его пальцы и задержала в своей ладони вместе с погасшей спичкой. Через мгновение спичка упала в росистую траву.

— Пускай,— сказал он.

Она не поднимала на него взгляда. Он молча взял ее за локоть и увлек за собой.

Глядя на свои незагорелые ноги, она дошла вместе с ним до края прохладного оврага, на дне которого, меж замшелых, поросших ивами берегов, струилась бесшумная речушка.

Он помедлил. Еще немного — и она подняла бы глаза, чтобы убедиться в его присутствии. Теперь они стояли на освещенном месте, и она старательно отворачивала голову, чтобы ему было видно только ниспадающую темноту ее волос и белизну предплечий.

Он сказал:

— Тебе не обязательно идти дальше. В какой стороне твой дом? Можешь отправляться к себе. Но если убежишь, больше не приходи — я не стану с тобой встречаться ночь за ночью. Мне это не под силу. У тебя есть выбор. Хочешь — беги!

Мрак летней ночи вдохнул ее спокойное тепло.

Ответом была ее рука, потянувшаяся к его лицу.

На следующее утро, спустившись по лестнице, Хэтти застала бабушку, тетю Мод и кузена Джейкоба, которые за обе щеки уминали остывший завтрак и не сильно обрадовались, когда она тоже подвинула себе стул. Хэтти вышла к ним в унылом длинном платье с глухим воротом. Ее волосы были собраны в небольшую тугую кичку; на тщательно умытом лице бескровные губы и щеки казались со-

всем белыми. От подведенных бровей и накрашенных ресниц не осталось и следа. Ногти, можно было подумать, никогда не знали блестящего лака.

— Опаздываешь, Хэтти,— как сговорившись, протянули все хором, стоило ей только присесть к столу.

— На кашу не налегай,— предостерегла тетя Мод.— Уже полдевятого. В школу пора. Директор тебе задаст по первое число. Нечего сказать, хороший пример учительница подает ученикам.

Все трое сверлили ее глазами. Хэтти улыбалась.

— За двадцать лет впервые опаздываешь, Хэтти,— не унималась тетя Мод.

Все так же улыбаясь, Хэтти не двигалась с места.

— Давно пора выходить,— сказали они.

В прихожей Хэтти прикрепила к волосам соломенную шляпку и сняла с крючка свой зеленый зонт. Домочадцы не спускали с нее глаз. На пороге она вспыхнула, обернулась и посмотрела на них долгим взглядом, будто готовилась что-то сказать. Они даже подались вперед. Но она только улыбнулась и выскочила на крыльцо, хлопнув дверью.

Предрассветный гром

Вначале это было похоже на далекую грозу: то ли отголосок грома, то ли порыв ветра, то ли просто движение воздуха. Улицы давно опустели по велению курантов на здании суда. Пару часов назад горожане стали поглядывать на огромный белый циферблат, потом сложили свои газеты, поднялись с качалок на верандах, скрылись в домах, уже погрузившихся в летнюю ночь, потушили свет и улеглись в прохладные постели. И все это свершилось по воле башенных курантов, которые всего-навсего возвышались над сквером. Теперь на улице не было ни души. Фонари посылали вниз снопы света, которые отражались бликами на асфальте. Временами от какой-нибудь ветки отрывался лист и с шелестом падал на землю. Ночь стояла — ни зги, даже звезд было не разглядеть. Почему — трудно сказать. Можно, конечно, предположить, что горожане дружно смежили веки, а с закрытыми глазами звезды не больно-то разглядишь. Вот такая бы-

ла темнотища. Впрочем, кое-где, за оконным переплетом — если кому придет в голову заглядывать в темную комнату — можно было заметить светящуюся красную точку, и ничего более: это хозяин дома, страдающий бессонницей, прибежал к помощи никотина и мерно раскачивался в кресле-качалке, не зажигая лампы. Наверно, у себя в спальне кто-то тихо покашливал или ворочался под простынями. Но на улице не было слышно даже патрульного полицейского, который обычно меряет шагами тротуар, держа в опущенной руке дубинку.

Стало быть, тот отголосок грома пришел издалека. Сперва дал о себе знать по ту сторону оврага — прокатился по окраинной улице, пробившись через три квартала непроглядного мрака. Он, этот гром, наметил маршрут и двигался кратчайшей дорогой, впотьмах переправился через овраг по мосту в створе Вашингтон-стрит, свернул за угол — и вот, пожалуйста, он уже в начале нужной улицы!

Именно так, с шорохом, шарканьем и жадным гулом, появилась меж домов и деревьев железная мусоруборочная машина мистера Бритта. Это был настоящий смерч с воронкой, который, разъезжая по городу, с ворчанием, ропотом и хлопаньем ощупывал впереди себя асфальт большими роторными щетками, похожими на крышки люков; под ними крутились щетки поменьше, в форме валиков —

они-то и подгребали под машину весь мелкий мусор, разбросанный представителями рода человеческого: корешки билетов на сегодняшнее представление в варьете «Элит», обертку от прямоугольного пластика жевательной резинки, который к тому времени превратился в безвкусный клейкий комок и был наклеен на крышку секретера; обертку от леденцов из бара, которые уже успели скрыться и спрессоваться в гармошке-желудке некоего юноши, находящегося сейчас в замке с куполом, в комнате чудес. И тому подобный хлам: пересадочные трамвайные билеты до Шахматного парка, до morga «Вековой дуб», до северной окраины Чикаго, до Зайон-Сити, рекламные купоны с приглашением посетить новый, блистающий хромированной фурнитурой салон причесок на Центральной улице. Все это подбирали огромные движущиеся усы машины, на самом верху которой по-королевски восседал в седле из кожи и металла сам мистер Роланд Бритт, тридцати семи лет (непонятный возраст, на перепутье между вчерашней и завтрашней порой). В некотором роде он был копией своей машины, которой диктовал собственную волю, властно положив ладони на руль. Над губой у него кудрявилась полоска усов, а шевелюру представляли растущие поодиночке волоски, которые, как могло показаться на подъезде к фонарям, сами совершали круговые движения; приплюснутый нос беспрестанно

хлюпал, не уставая дивиться окружающему миру, вбирал его целиком и выдыхал через изумленный рот. И наконец руки его неизменно загребали все, что можно, и никогда ничего не отдавали. Это роднило его с машиной. Но так было не всегда. Бритт и не помышлял стать похожим на машину. Но когда на ней поездишь, она влезает в тебя через задницу и распространяется по всему организму, покуда желудок не взбунтуется, а сердце не зайдетса маленьким красным волчком. Однако и машина, со своей стороны, тоже не имела желания становиться живым существом, таким, например, как Бритт. А ведь машины тоже меняются и мало-помалу становятся похожими на своих хозяев.

При нем машина вела себя более покладисто, чем при его предшественнике — ирландце по фамилии Рейли. Бритт и его железный корабль проплывали по ночным улицам, по ручейкам воды, смачивавшим мусор, прежде чем его засасывало железное чрево. Машина походила на кита, у которого горло зарешечено китовым усом: она бороздила моря лунного света, утоляла голод мелкой рыбешкой в виде билетов и оберток от леденцов, снова и снова добывала корм в гуще серебристой стайки конфетти на отмелях асфальтовой речки. А мистер Бритт, невзирая на впалую грудь, ощущал себя олимпийским богом, который, неся с собою

в разбрызгивателях ласковые апрельские дожди, очищает мир от скверны.

Доехав до середины Ильм-роуд, мистер Бритт, забавы ради, заставил свою громадную свирепую машину, которая, ошетилившись, жадно вылизывала асфальт, вильнуть с одной стороны улицы на другую — только лишь для того, чтобы заглотить крысу.

— Попалась!

Он издали заметил эту крупную серую тварь, отвратительную разносчицу заразы, мчавшуюся наперерез машине в неровном свете фонаря. Шарк! — и мерзкий грызун попал в чрево машины, где тут же начал перевариваться среди зловонного месива из бумажного мусора и осенних листьев.

Машина поехала дальше вдоль притихшего русла ночи, принося и забирая с собою собственный дождь, помечая свой путь влажной вылизанной полосой.

— Это я лечу на волшебной метле, — размечтался мистер Бритт. — Как колдун пролетаю под осенней луной. Добрый колдун. С востока. Почти как в старой книжке о волшебнике Изумрудного города, только там была колдунья. Помню, меня в детстве свалил коклюш...

На дороге виднелись бесконечные сетки мелких квадратов для игры в «классы», начерченные детьми, которые совсем ошалели от счастья, судя

по тому, какими кривыми получились линии. Пасть машины всасывала красные афиши, желтые карандаши и монетки — попадались даже двадцатипятицентовики.

— Что там такое?

Не поднимаясь с сиденья, мистер Бритт оглянулся через плечо и посмотрел назад.

Улица была пуста. Мимо плыли темные деревья, которые свешивали ветки, чтобы постучать его по лбу. Но ему показалось, будто на фоне неумолчного грома раздается крик о помощи, чей-то отчаянный вопль.

Мистер Бритт повертел головой.

— Нет, почудилось.

И покатил дальше на крутящихся щетках.

— Что такое?

На сей раз он едва не выпал из седла — таким явственным был этот крик. Пришлось оглядеть вязы, чтобы выяснить, не забрался ли какой-нибудь шутник на макушку дерева. Мистер Бритт посмотрел на тусклые уличные фонари, изрядно поблекшие за столь долгий срок службы. Затем перевел взгляд на асфальт, еще теплый после дневной жары. Тут опять раздался крик.

На подъезде к оврагу мистер Бритт притормозил. Щетки привычно продолжали крутиться, и он остановил вначале одну, затем — другую. Наступившая тишина оказалась оглушительной.

— Вытащи меня!

Мистер Бритт с изумлением уставился на огромный мусоросборник.

В эту ловушку попался человек.

— Как ты сказал?..— Переспрашивать было нелепо, однако мистер Бритт счел, что это лучше, чем ничего.

— На помощь, на помощь, вытащи меня отсюда! — повторял голос из железного чрева.

— А в чем дело? — спросил мистер Бритт, не отводя взгляда.

— Эта машина меня утащит невесть куда! — вскричал человек.

— Что-что?

— Ты, придурок, хватит болтать, выпусти меня, а то я задохнусь!

— Но в мою машину так просто не попадешь, — возразил мистер Бритт. Он переступил с ноги на ногу и вдруг похолодел. — Человек по габаритам не проходит сквозь впускное отверстие; к тому же роторные щетки кого хочешь оттолкнут. А главное — я бы тебя заметил. Давно ты там окопался?

Внутри машины было тихо.

— Когда тебя сюда принесло? — допытывался мистер Бритт.

Ответа не последовало. Тогда он попробовал мысленно перебрать все свои передвижения. Бесполезно: улицы на протяжении ночи оставались

совершенно безлюдными. Если что и увидишь — одни листья да обертки от жвачки. А так — нигде ни души. На зрение мистер Бритт не жаловался. Он ни за что не прозевал бы пешехода, упавшего на проезжей части.

Машина все еще хранила подозрительное молчание.

— Ты там? — спросил мистер Бритт.

— Да, — выдавил человек внутри. — Задыхаюсь

— Тогда отвечай: давно сидишь в мусоре? — попытался Бритт.

— Порядочно, — сообщил человек.

— Что ж ты сразу не закричал?

— От удара потерял сознание, — сказал пленник, но что-то в его словах настораживало: неуверенность, уклончивость, медлительность. Не иначе как лжет, решил мистер Бритт. — Открой заслонку, — взмолился неизвестный. — Ради бога, не тяни время и не стой как истукан. Это в голове не укладывается: мусорщик в полночь пререкается с человеком, запертым в мусоросборнике. Что люди подумают? — Он умолк, отчаянно кашляя, чихая и отплеываясь. — Если я отдам концы, тебя укутут за убийство. Ты этого добиваешься?

Но мистер Бритт не слушал. Он опустился на колени, разглядывая металлические детали и щетки у днища кузова. Нет, что-то тут не сходилось.

Само отверстие — меньше фута в диаметре. Человека туда никак не может затянуть. К тому же вертящиеся щетки должны были отбросить ротоzeuga вперед по ходу машины. Но самое главное — человека-то он не видел!

Мистер Бритт выпрямился. Только теперь он почувствовал, что его прошибла испарина, и утер пот со лба. Почему-то руки у него дрожали. Ноги подгибались в коленях.

— Откроешь — сотню дам, — пообещал пленник.

— С какой стати ты предлагаешь взятку только за то, чтобы тебя выпустили? — насторожился мистер Бритт. — За это мзду не берут. Да и то сказать: раз уж я оплошал, мне сам бог велел тебя выпустить, верно? А ты ни с того ни с сего начинаешь сулить мне деньги, как будто я не собирался тебя отпустить, как будто мне известна причина, по которой тебя нельзя выпускать на свободу. С чего бы это?

— Я тут подыхаю, — закашлялся человек, — а ты мелешь языком. Черт, что за гадость! — Внутри мусоросборника слышалась отчаянная возня, сопровождаемая грохотом. — Тут полно грязи, бумаги, листьев. Меня придавило!

Мистер Бритт и бровью не повел.

— Быть такого не может, — отчеканил он, поразмыслив, — чтобы человек по доброй воле залез

в мусор. Что тебе приспичило? Тебя туда не звали. Стало быть, сам виноват.

— Наклонись...

— Что еще?

— Слушай внимательно!

Мистер Бритт приложил ухо к теплому металлу.

— Я здесь.— В голосе зазвенело волнение, к которому примешивалось нечто неуловимо призывное.— Я совсем близко, и притом без одежды.

— Что-о?..

Руки мистера Бритта конвульсивно дрогнули, пальцы сжались, а глаза сами собой зажмурились, да так, что он едва не ослеп.

— Я рядом с тобой, да еще без одежды,— повторил голос. И после долгой паузы: — Хочешь меня увидеть? Есть желание? Взгляни хоть одним глазком. Вот я, здесь, только руку протяни. Я жду...

Мистер Бритт стоял у борта огромной машины добрых десять секунд. Металл кузова, оказавшийся в каком-то футе от его лица, эхом возвращал ему тягелое дыхание.

— Ты меня слышал? — шепотом спросил голос.

Бритт кивнул.

— Тогда открывай. Выпусти меня. Время позднее. Глубокая ночь. Все спят. Кругом темно. Мы одни...

У Бритта бешено забилося сердце.

— Ну же,— торопил голос.

Бритт сглотнул слюну.

— Чего ты ждешь? — уговаривал манящий голос.

По лицу мусорщика потекли струйки пота.

Он не отвечал. Учащенное дыхание, прежде доносившееся из машины, теперь внезапно умолкло. Возня прекратилась.

Наклонившись вперед, мистер Бритт приложил ухо к мусорному контейнеру. Сейчас оттуда не было слышно ни шороха, только тихое попискивание под самой крышкой. Потом возникло какое-то шевеление. Как будто рука, отделенная от тела, продолжала двигаться и бороться сама по себе. Как будто внутри металась какая-то мелкая тварь.

— Я залез в контейнер, потому что мне негде ночевать, — выдавил узник.

— Так я тебе и поверил! — сказал мистер Бритт.

Он забрался в машину и, усевшись на кожаное сиденье, поставил ногу на педаль газа.

— Ты в своем уме? — вскричал тот же голос изпод крышки.

Внутри что-то завозилось, как будто большое тело возобновило борьбу и тяжело задышало, как прежде. Это было так неожиданно, что мистер Бритт, едва не свалившись со своего наместа, оглянулся назад, на крышку мусоросборника.

— Не стану тебя вытаскивать, хоть убей, — сказал он.

— Почему? — возвысился слабеющий голос.

— Потому, — отрубил мистер Бритт. — Некогда мне, работа стоит.

Он завел машину. Гром двигателя и шарканье щеток заглушили отчаянный крик пленника. Вцепившись в руль и глядя перед собой увлажнившимися глазами, мистер Бритт наводил чистоту на безмолвных городских улицах пять минут, десять, полчаса, час, еще два часа: он без устали подметал и выскребал, всасывал билеты, расчески, этикетки от консервных банок.

Так прошло три часа. Ровно в четыре утра Бритт подъехал к городской свалке, которая зловещей лавиной спускалась в темный овраг. Он дал задний ход и ненадолго заглушил двигатель у самой кромки обрыва.

Из мусоросборника не доносилось ни звука.

Он выждал, но не услышал ничего, кроме бие-ния собственного пульса.

Мистер Бритт нажал на рычаг. Груз из веток и пыли, бумажек и билетов, наклеек и листьев пополз книзу и стал расти аккуратной пирамидой на краю оврага. Когда из бака высыпалось все без остатка, мусорщик дернул за рычаг, с лязгом захлопнул крышку, оглядел неподвижный холм и двинулся в обратный путь.

Ехать было всего ничего — три квартала. Добравшись до дому, он поставил машину у тротуара

и отправился спать. Но его одолела бессонница. В тишине спальни он то и дело поднимался с кровати, подходил к окну и смотрел в сторону оврага. Один раз даже взялся за дверную ручку, ступил на порог, но тут же захлопнул дверь и вернулся в постель. Впрочем, поспать так и не удалось.

Промаявшись до семи утра, он стал готовить себе кофе; тут до его слуха донесся знакомый свист. Мимо проходил тринадцатилетний Джим Смит, живший по ту сторону оврага. Юный Джим шел на рыбалку. Каждое утро, насвистывая один и тот же мотив, он шагал к озеру по окутанной туманом улице и всегда останавливался порыться на свалке — поискать монетки в десять и двадцать пять центов, а также оранжевые крышки от бутылок, которые можно пришпилить к рубашке. Отдернув занавески, мистер Бритт выглянул из окна, в утреннюю рассветную дымку, и увидел неунывающего Джима Смита с удочкой на плече. На конце лески, прикрепленной к удилищу, серым маятником раскачивалась в тумане дохлая крыса.

Мистер Бритт допил кофе, забрался под одеяло и уснул безмятежным сном, какой приходит только к праведникам и победителям.

На макушке дерева

Нет-нет да и вспомню, как его звали: Гарри Рукки. На редкость неудачно для четырнадцатилетнего парня, который был учеником 9-го класса в 1934 году; собственно говоря, в любой другой год это сочетание звучало бы ничуть не лучше. Мы все писали его имя «Гаррилла» и произносили это с особым смаком. Гарри Рукки делал вид, что ему наплевать, и только еще больше задира л нос, презрительно цедя через губу: «Тупое быдло». Нам тогда и в голову не могло прийти, что его заносчивость была ответом на эти издевки: он вечно напускал на себя надменный вид и упражнялся в ехидстве, которого от природы ему досталось не так уж много. А мы на разные лады коверкали его фамилию и не забывали добавлять безобразное прозвище Гаррилла.

Меня частенько посещает и другое воспоминание: штаны на дереве. Это зрелище маячит передо мной всю жизнь. В последние годы не забывается ни на месяц. Сказать, что я вспоминаю тот случай

ежедневно, было бы преувеличением. Но уж по меньшей мере двенадцать раз в году передо мной возникает такая картина: Гарри улепетывает во все лопатки, а за ним гонится табун одноклассников (во главе со мной), чтобы сорвать с него штаны и зафитилить на самую макушку дерева; все, кто оказался на школьном дворе, помирают со смеху, а потом из окна высовывается кто-то из учителей и требует, чтобы один из нас (да хоть я, к примеру) немедленно забрался на дерево и достал заброшенные на верхний сук штаны.

— В услугах не нуждаюсь, — процедил Гарри Рукки, стоя, на погляденье всем, в одних трусах и заливаясь краской. — Вещь моя. Обойдусь без посторонней помощи.

И действительно, Гарри Рукки влез на дерево, чуть не свалился, но кое-как достал свои штаны, однако надевать не стал: он ухватился за ствол, и когда мы столпились внизу, толкая друг дружку локтями и с гоготом показывая на него пальцами, Гарри просто посмотрел на нас с какой-то непонятной ухмылкой и...

Справил малую нужду.

Да-да.

Прицельно помочился.

Толпа разъяренных подростков бросилась врассыпную, причем ни один не вернулся, чтобы залезть

на дерево и стащить обидчика на землю, ибо когда мы, утирая лица и отряхивая плечи носовыми платками, начали окружать дерево, Гарри сверху заорал:

— Я выпил три стакана сока!

Мы поняли, что его боезапас не исчерпан, и, остановившись метрах в десяти, разразились эвфемизмами вместо эпитетов, как учили нас мамы и папы. Все-таки тогда было другое время, другая эпоха, и правила приличия еще чего-то стоили.

Гарри Рукки не стал натягивать штаны, сидя на дереве; он даже не спрыгнул на землю, хотя во двор вышел сам директор и велел ему идти домой; все это время мы стояли поодаль, но ясно слышали, как директор кричал, обращаясь к Гарри, что, мол, путь свободен и можно слезать. Гарри Рукки только покачал головой: не дождетесь! Директор топтался под деревом, а мы стали ему кричать, чтобы он был начеку, потому что Гарри Рукки вооружен и очень опасен; заслышав это, директор как ужаленный отскочил назад.

Короче, Гарри Рукки так и не спустился, вернее, никто этого не видел, а мы, устав ждать, разошлись по домам.

Потом болтали, будто он слез уже в сумерках, а то и под покровом ночи, когда поблизости не осталось ни души.

Как бы то ни было, инородного предмета на макушке дерева утром уже не оказалось, а вместе с ним исчез и Гарри Рукки.

Он так и не вернулся. Не стал кляузничать. Его родители тоже не стали строчить жалобы на имя директора. Никто из одноклассников не знал его адреса, а в школьной канцелярии с нами разговаривать отказались; так мы его и не нашли, хотя, наверно, в глубине души теплилось чувство, что надо бы повиниться и сказать, чтобы он возвращался в школу. Впрочем, все считали, что он больше не появится. Никто бы не простил такую омерзительную выходку. Шли дни, Гарри так и не давал о себе знать, а кое-кто из нас, лежа без сна по ночам, размышлял, каково было бы ему самому остаться среди бела дня без штанов и карабкаться за ними на дерево. Признаюсь, от таких мыслей можно было долго метаться в постели, сбивая в ком простыню, и мутузить кулаками подушку. Многие из нас даже отводили глаза — избегали смотреть на это дерево.

Но задумался ли хоть кто-нибудь о возможных последствиях? Не бросило ли кого-нибудь в пот от сознания неминуемой опасности: ведь если загреметь ночью с дерева, то потом костей не соберешь? Достало ли у кого-нибудь воображения представить, что Гарри мог в отчаянии просто броситься вниз — с теми же трагическими последствиями?

Пришло ли хоть кому-то на ум, что отец мальчишки в этом случае больше не сможет работать, а мать сопьется? Мы не мучили себя подобными вопросами, а если и мучили, то помалкивали, поскольку совесть была нечиста. Всем известно, что гром гремит только тогда, когда молния, открыв ему дорогу, прячется от непродолжительных, но слишком горячих воздушных оаций. Гарри Рукки, чьи родители ни разу не появлялись в школе, исчез с раскатами грома, которые было дано услышать только нам, мелким хулиганам из девятого класса, когда мы по ночам ворочались без сна.

Так бесславно завершился хороший, в сущности, год. Мы окончили среднюю школу и стали учиться в другом здании, где располагались старшие классы, а через пару лет, проходя мимо школьного двора, я с облегчением заметил, что злополучное дерево спилили, потому что ветви начали сохнуть. Мне совершенно не хотелось, чтобы другое поколение школяров в один прекрасный день разглядело призрак штанов, заброшенных оравой идиотов на самый верхний сук.

Однако я опережаю события.

Вы спросите: за что мы так наказали Гарри Рукки? Неужели это был отъявленный негодяй, которого следовало опалить нашим праведным гневом, самонадеянно подвергнуть этакому полураспятию

на страх ближним и запятнать тем самым доброе имя школы, — потому что наши родители еще долго вспоминали: «Тридцать четвертый год? Это когда?..» А мы отвечали, не давая им договорить: «Да ладно вам, не могли же мы засунуть Рукки в брюкки».

Итак, в чем заключалось страшное преступление Г. Р.?

Никакого секрета здесь нет. Такое из года в год случается во всех школах, да и не только в школах. Просто наш случай выбивался из общего ряда.

Во-первых, Гарри Рукки был умнее всех.

Чем не преступление?

Во-вторых — и это еще более серьезное преступление, — он никогда не пытался казаться выше, чем на самом деле.

Помню, как пару лет назад у моего дома тормознул суперновый «ягуар» с 12-цилиндровым двигателем и знакомый актер, сидевший за рулем, прокричал во все горло: «Завидуй!»

Так вот, Гарри приехал в наш город откуда-то из восточных штатов (как, впрочем, и все мы) и с первого дня, с первого часа стал кичиться своим IQ. На каждом уроке, будь то в утреннюю или вечернюю смену, он постоянно тянул руку — хоть значай такого знаменосцем; его пронзительный голос бил по ушам, и всякий раз, когда учитель кивал в сторону Гарри, ответ, как назло, оказывался пра-

вильным. В первый же день он всех нас просто достал — мы исходили желчью. Даже странно, что с него не сорвали брюки гораздо раньше. Поначалу мы остерегались: вся школа знала, как в спортзале он надел боксерские перчатки и расквасил носы трем или четверем обидчикам, после чего учитель выставил всех на улицу и велел сделать шесть кругов вокруг квартала, чтобы охладить страсти.

Провалиться мне с потрохами на этом самом месте... да вы, наверно, сами догадались, но тем не менее: когда мы на последнем издыхании заканчивали пятый круг и, можно сказать, харкали кровью, нас всех обошел Гарри Рукки, свеженький, как бутон, даже не вспотевший, — он с легкостью пробежал дополнительный круг, чтобы только утереть нос остальным.

К концу второго дня он так ни с кем и не подружился. Никто к нему даже не подошел. По молчаливому согласию было решено, что любой, кто приблизится к этому выскочке, получит от одноклассников по первое число, когда рядом не будет учителей.

Гарри Рукки так и ходил из дома в школу и обратно в гордом одиночестве, с видом знатока, который прочел все мыслимые книги и, что совсем уж непростительно, запомнил каждое слово; если на уроке кто-то мямлил, запинаясь или умолкал, у него всегда был готов ответ на любой вопрос.

Догадывался ли Гарри Рукки, что его ждет экзекуция? Если да, то эта мысль вызывала у него только усмешку. Вечно он улыбался и посмеивался, изображал, что не держит зла, но нас было не пронять. Мы делали домашние задания по вечерам, а он — прямо на уроке, за пять минут до звонка, после чего с довольной физиономией откидывался на спинку парты и наслаждался своим превосходством, заодно давая отдых голосовым связкам.

Затемнение. Наплыв.

Жизнь разбросала нас в разные стороны.

Прошло сорок лет, и Гарри Рукки вспоминался уже не раз в два месяца, а раз в два года. Как-то я оказался проездом в Чикаго и решил прогуляться пешком, чтобы скоротать пару часов, оставшихся до пересадки на Нью-Йорк. Навстречу мне попался незнакомец, который едва не прошел мимо, но в последний момент замер как вкопанный и повернулся ко мне.

— Сполдинг? — осведомился он. — Дуглас Сполдинг?

Теперь и я замер на месте и, честно скажу, похолодел от ужаса, потому что столкнулся с призраком. По спине побежали мурашки. Кивнув в ответ, я внимательно разглядел прохожего. Он был одет в превосходный темно-синий костюм и шелковую рубашку с галстуком неброской расцветки.

Темные волосы слегка тронула седина; от него веяло легким ароматом дорогого одеколона. Незнакомец протянул мне ухоженную руку:

— Гарри Рокки,— представился он.

— Не припоминаю...— смешался я.

— Вы, если не ошибаюсь, Дуглас Сполдинг?

— Совершенно верно...

— Средняя школа города Берендо, выпуск тридцать пятого года. Правда, сам я до выпуска не доучился.

— Гарри! — Я так и не заставил себя выговорить его фамилию: она комом застряла у меня в горле.

— Вы все меня запомнили как Рукки. Гарри Рукки. Но я сменил фамилию на Рокки — это было в тридцать пятом году, в самом конце весны.

После того как влез на дерево, отметил я про себя.

Из-за угла налетел чикагский ветер.

А вместе с ним — запах мочи.

Я повертел головой. Лошадей вблизи не обнаружилось. Собак тоже.

Передо мной стоял один лишь Гарри Рокки, он же Гарри Рукки, который ждал каких-то признаний.

Пришлось быстро пожать ему пятерню, однако я тут же отпрянул, словно меня дернуло током.

— Подумать только,— сказал он.— До сих пор шарахаешься, как от чумы.

— Нет, что ты, просто...

— Отлично выглядишь, — поспешно вставил он. — Сразу видно: состоявшийся человек. Это приятно.

— Ты тоже, — сказал я, избегая смотреть на его аккуратные ногти и до блеска начищенные туфли.

— Не жалуюсь, — скромно ответил он. — Куда направляешься?

— В Институт изобразительных искусств. У меня два часа до поезда. Всегда хожу в этот музей полюбоваться огромным полотном Сера.

— Сера действительно поражает своими размерами. Грандиозная работа. Могу немного проводить, если не нарушу твои планы.

— Ничуть! Конечно присоединяйся.

Дальше мы пошли вместе, и он сказал:

— Поговорить толком не удастся — мне нужно в контору, это как раз по пути. Огласи-ка свой послужной список — все-таки мы давние знакомые.

На ходу я рассказал ему о себе, не вдаваясь в подробности, и поэтому закруглился довольно быстро. Пишу книги в свое удовольствие, пользуюсь некоторой известностью, до всемирной славы еще далеко, но читатели есть по всей стране, семья не бедствует.

— Пожалуй, это все, — заключил я. — Если коротко. Вот такой послужной список.

— Ну, поздравляю, — сказал он, одобрительно кивая, причем, как мне показалось, совершенно искренне. — Молодец.

— А у тебя что слышно? — спросил я.

— Как сказать... — нехотя начал он. Мне никогда не доводилось видеть его в замешательстве. Он посмотрел куда-то в сторону, на фасад ближайшего дома, и, похоже, занервничал. Проследив за направлением его взгляда, я прочел:

Гарри Рокки и партнеры.

Пятый-шестой этаж.

Теперь уже он перехватил мой взгляд и закашлялся.

— Так уж вышло... Я вовсе не собирался... Просто нам было по пути...

— Вот это да! — вырвалось у меня. — Солидное здание. Неужели твое?

— Мое. Сам отстроил, — признался он, немного повеселев; на его лице промелькнуло мальчишеское выражение, которое перенесло меня в юность, на сорок лет назад. — Не слабо, да?

— Просто класс, — выдавил я.

— Ну, не стану отнимать у тебя время — иди любуйся своим Сера. — Он пожал мне руку. — Хотя

постой. Почему бы и нет? Давай заглянем — буквально на минуту. А потом я тебя отпущу. Идет?

— Что ж, можно, — согласился я.

Он закивал, взял меня за локоть и, распахнув дверь, провел в необъятный, облицованный мрамором вестибюль метров тридцати в поперечнике, с двадцатиметровыми сводами; в самом центре был устроен вольер с низкорослой, но пышной тропической растительностью, среди которой порхали экзотические птицы, а над этим великолепием гордо возвышался один-единственный ориентир.

Это было какое-то дерево, вымахавшее метров на семнадцать-восемнадцать — клен? дуб? каштан? — или что-то совсем другое? Не берусь определить — ветви оказались совершенно голыми. Его даже нельзя было назвать осенним: оно не сохранило ни одного охристо-желтого листа. Нет, над ковром тропической зелени торчало сиротливое зимнее дерево, которое каждой веткой, каждым сучком тянулось к стеклянному небу.

— Красотища, верно? — Гарри Рокки не сводил с меня глаз.

— Необычно, — сказал я.

— А помнишь, как Попрыгун, учитель физкультуры, гонял нас кругами по улице, чтоб неповадно было нарушать дисциплину?

— Нет, что-то не помню...

— Все ты помнишь,— непринужденно бросил Гарри Рокки, разглядывая небесный свод потолка.— До тебя дошло, какая у меня была задумка?

— Всех обогнать. Ты вырывался вперед и пробегал шесть кругов. Приходил к финишу первым и даже не задыхался. Да, теперь припоминаю.

— Ничего до тебя не дошло.— Гарри изучал высокую стеклянную крышу.— Я и не думал нарезать круги. Просто ждал удобного момента и прятался за какой-нибудь машиной, стоявшей у тротуара, а когда толпа выходила на последний круг — выскакивал из своего укрытия и мчался впереди всех, чтобы утереть вам нос.

— К этому и сводилась твоя задумка? — переспросил я.

— Залог моего успеха,— пояснил Гарри.— В нужный момент выскочить из укрытия.

— Чертовщина какая-то,— пробормотал я.

— Вот так,— сказал он, разглядывая карнизы внутреннего дворика.

Мы постояли молча, как паломники в ожидании чуда. Если оно и произошло, я этого не определил. В отличие от Гарри Рокки. Воздев кверху нос и подняв брови, он осмотрел дерево и спросил:

— Ничего не замечаешь?

Я тоже задрал голову:

— Нет, ничего.

— Выше смотри,— подсказал Гарри.

— Не вижу.

— Странно.— Гарри Рокки едва слышно фырк-нул.— Почему же мне так хорошо видно?

Я решил не уточнять.

Мы смотрели на одно и то же дерево, торчавшее посреди вольера в центре вестибюля корпорации Гарольда Рокки «Дальновидные инвестиции».

Что там было разглядывать — штаны, повисшие на верхнем суку?

Как ни странно, я их увидел.

А ведь на дереве ничего не было. То есть верхний сук был, но никаких предметов одежды не было.

Наблюдая со стороны, Гарри Рокки будто читал мои мысли.

— Спасибо,— негромко произнес он.

— Кому? За что? — не понял я.

— Спасибо вам всем за то, что вы сделали,— сказал он.

— А что мы сделали? — притворно удивился я.

— Сам знаешь,— все так же негромко ответил он.— Спасибо — и все тут. Пойдем-ка.

Не успел я сказать и слова против, как он привел меня в мужской туалет и вопросительно поднял брови: мол, не нужно ли воспользоваться? Я почувствовал — нужно.

Расстегнув молнию, Гарри окропил белоснежный фаянс.

— Ты не поверишь, — улыбнулся он. — Каждый раз, когда хочу отлить, вспоминаю тот случай сорокалетней давности: как вы столпились вокруг дерева, а я сверху вас описал. Дня не проходит, чтобы не вспомнить. И тебя, и твоих дружков, и эту мощную струю.

Оцепенев, я так и не смог выдавить ни капли.

А Гарри сделал свое дело, застегнул молнию и задумчиво изрек:

— Самый счастливый день в моей жизни.

Болотные страсти

Разговор шел о женщинах — и вообще, и в частности.

Дело было в питейном заведении Гибера Финна, которое, правда, частенько бывает закрыто, однако располагает к приятной беседе; ну а сам городок называется Килкок (извините за невольную рифму) — это в графстве Килдэйр, на реке Лиффи, к северу от Дублина, вдалеке от столичных пределов.

Так вот: в этом пабе, который в тот день был открыт, но не то чтобы набит битком, речь действительно шла о женщинах. Все другие темы были уже исчерпаны — лошади, собачьи бега, сравнительные достоинства пива и крепких напитков, стервы-тещи, от которых просто спасу нет,— и разговор естественным образом вернулся к женщинам как таковым, то есть к тем, которых в нужный момент рядом нет. А если есть, то одетые.

Каждый собеседник вторил предыдущему, каждый следующий соглашался с первым.

— Одно из рук вон плохо, — говорил Финн, подогревая страсти. — Во всей Ирландии не сыщешь сухого клочка земли, где можно при желании лечь и с облегчением встать.

— Это ты удачно вставил, прямо в очко, — поддерживал почтмейстер Тимулти, отлучившийся со службы, чтобы по-быстрому пропустить стаканчик (на почте в очереди стояло каких-то человек десять, никак не более). — Кругом дороги, священник бдит, жена следит. Где, спрашивается, человеку заняться физической подготовкой, чтобы его советами не замучили?

— Всюду болота, — добавил Нолан, — места плоские, что блин. Ни дать ни взять.

— Перепихнуться негде, — без затей высказался Риордан.

— Да мы о том и речь ведем, сколько ж можно? — неодобрительно прервал его Финн. — Тут загвоздка в другом: как нам быть-то?

— Для начала разогнать тучи, а потом — священников, — предложил Нолан.

— Вот это будет праздник, — дружно загалдели все присутствующие и выпили до дна.

— Как тут не вспомнить случай с Хулигэном, — сказал Финн, вновь наполняя стаканы и кружки. — Полагаю, те события еще не стерлись из памяти?

— Ну и что с того, Расскажи, Финн!

— Дело было так. Этот Хулигэн окрутил одну деваху: с виду, конечно, не подарок, но и не так, чтобы мешок гнилой картошки. Повел он ее за город, где болото слегка подсохло, да и говорит: стань-ка вот туда, на кочку. Если не провалишься — я за тобой. Ну, она шаг сделала, повернулась, чтоб его позвать, — тут ее и засосало! А ведь он к ней даже пальцем притронуться не успел. Пока собирался крикнуть: «Назад!» — ее и засосало.

— На самом-то деле, — вмешался Нолан, — Хулигэн бросил ей петлю, чтоб затянула вокруг пояса, а эта малахольная возьми да и накинь ее на шею. Уж как он тянул — едва не задушил. Но у тебя занимательней выходит, Финн. Кстати, об этой истории даже песню сложили!

И Нолан запел, а другие подтягивали, когда могли вспомнить слова:

Констебли вчера отписали в столицу,
Как зыбкая топь схоронила девицу.
Милок ее, Хулигэн, местный балбес,
Повел нашу Молли в болотистый лес.
Там платье сорвал с нее вместе с бельишком,
Но Молли противилась, видно, не слишком.
Вконец разомлев, опустилась на спину,
Да так нагишом и попала в трясины.
Захлюпала жижа под кряканье уток,
И Молли-бедняжке пришлось не до шуток.

А старый кабан, что по лесу бежал,
Скупую кабанью слезу не сдержал...

— Там еще куплеты есть,— сказал Нолан.— Сам-то Хулигэн после того случая умом повредился. Оно и понятно: все рассчитал, а дело сорвалось. С той поры он даже на мостовую ступить боится — десять раз ногой потрогает, чтоб не затянуло. Давайте я дальше спою.

— Ни к чему это! — вскричал Дун: росту в нем было метра полтора, но когда ему случалось бывать в присутственных местах, он раньше всех выскакивал из зала, пока не заиграли государственный гимн. По этой причине его прозвали Гимнаст. Теперь он возвысил голос и, привстав на цыпочки, в знак протеста размахивал кулаками. — Хватит разводить эту бодягу! Изо дня в день одно и то же — а дело не двигается! Допустим, в наши края потоком хлынет женский пол — что нам тогда делать, как забиться в укромную щелку?

— И то верно,— согласился Финн.— Господь Бог посылает ирландцу искушение, а потом — сразу лишение.

— Муки мученические,— подхватил Риордан.— Я постоянно хожу в киношку, в «Гэйети», беру билет на вечерний сеанс, в последний ряд, но даже там нет возможности себе потрафить!

— В «Гэйети»? — ужаснулся от воспоминаний Нолан. — Чур меня! Как-то раз пришел я посреди сеанса и в темноте нащупал девчонку. Шустрая попалась, трепетала, словно форель в ручье. А как свет зажгли, посмотрел, с кем связался, — ну, старая кикимора, честное слово. С горя напился до умертвия. Пропали она пропадом, эта киношка «Гэйети». Идешь туда с мечтой, а потом кошмары снятся!

— Значит, больше некуда податься с низменными целями, кроме как на топь, где и утонуть недолго. Вот скажи, Дун, — обратился к нему Финн, — есть ли у тебя на сей счет какие-нибудь мысли? Ты хоть ростом и не вышел, зато башка здоровенная.

— Мысли есть! — Дун не мог стоять без движения: его кулаки рубили воздух, пальцы выводили причудливую вязь, а сам он пританцовывал под воображаемую музыку. — Согласитесь, здешние болота — это единственное место, куда еще не ступала своими изящными ножками Святая церковь. Но с другой стороны, это также единственное место, где девушка, существо забитое и бестолковое, может испытать свою волю, чтобы понять, достанет ли у нее сил не опуститься на самое дно. Верно говорят: если засосет — не видать ей могилы на кладбище. А теперь слушайте внимательно!

Дун сделал паузу, чтобы все усталились на него и навестили уши.

— Нам нужен гений науки, великий стратег, который, решив заново сотворить мир, сразу приступит к телу. Есть лишь один человек, кому по плечу такая задача: это — я!

— Ты?! — вскричали все в один голос, как от удара под вздох.

— Молоток у меня есть, — сказал Дун. — А вы несите гвозди.

— Картинку прибить, — съязвил Финн, — да по-ровнее.

— Прежде чем сюда идти, я ковал победу, — продолжал Дун, который спал до полудня, а в три часа снова лег в постель, чтобы обрести необходимый душевный настрой и пересмотреть наши судьбы. — Мы чешем языки и расшатываем нервы, пока на небе готовится взойти луна, а хищные топи замирают в ожидании добычи. За порогом этого паба брошены наши велосипеды — капища спиц и рулей. Когда наступит момент истины, каждый из нас должен вскочить в седло и отправиться на болота, чтобы вбить вешки и натянуть бечеву, раз и навсегда. Горячая кровь и горячительная влага помогут нам составить на будущее план местности, отметить неприступные и обманчиво безобидные участки, а также провести хронометраж утопления, чтобы впоследствии приходиться в те же места, но уже твердо зная, что позади фермы Доули тянется открытый

луг, на котором, если замешкаешься, будешь погружаться в трясину со скоростью два-три дюйма в минуту. А еще дальше лежит выгон Лиэри, где коровам нужно пошевеливаться, чтобы их не затянуло в болото, — они даже пасутся на ходу. Куда как полезно будет запомнить, какие плашки надо обходить стороной и где искать твердую почву!

— Ай да молодец! — вырвался у всех и каждого вздох восхищения. — Это дело нужное!

— Так чего мы ждем? — Дун устремился к дверям. — Допивайте — и в седло. Неужели мы и дальше будем прозябать в сомнениях? Или наконец-то сыграем с Всевышним, так сказать, на его поле?

— На поле! — Завсегдатаи выпили по последней.

— К Всевышнему! — решили они, и Дуна волной вынесло за порог.

— Мы закрываемся! — прокричал Финн, благо в пабе никого не осталось. — Закрываемся!

У Дуна развевались на ветру фалды пиджака; можно было подумать, впереди ждет свидание с небесами, а сзади гонится Люцифер, однако, вылетев на дорогу, Дун ухитрился показывать носом то в одну сторону, то в другую, как заправский краевед:

— Это земли Флэгерти. Жуткая топь. Затягивает аж на фут в минуту. Если кто зазевался — потом ищи-свищи.

— Ну и ну! — протянул кто-то из велосипедистов, обливаясь потом. — Тут бы и сам Иисус Христос не перешел, как посуху!

— Да уж, он бы в наших краях был един в двух лицах: первый и последний, а между ними — никого! — добавил Финн, который успел догнать кавалькаду.

— Куда мы едем-то, Дун? — отдуваясь, спросил Нолан.

— Скоро узнаете! — Дун переключил скорость.

— А когда доберемся до места, — начал Риордан, которого осенила внезапная мысль, — и станем производить хронометраж, кто у нас будет за бабу?

— Вот-вот, кто именно? — забеспокоились остальные, когда велосипед Дуна свернул с дороги и высек колесами сноп искр. — Не мы же, в самом-то деле?

— Спокойно! — отозвался Дун. — Один из нас только притворится бедной девушкой, обманутой девой, куртизанкой...

— Вавилонской блудницей? — подсказал Финн.

— Кто ж на это пойдет?

— Тот, кто показывает вам задницу! — прокричал Дун, вырываясь вперед. — Конечно я!

— Ты?

Среди велосипедистов едва не образовалась ку-ча-мала.

Предвидя такую опасность, Дун повысил голос:

— Если все сойдет гладко, готовьтесь к новым сюрпризам! А теперь, бога ради, тормозите! Приехали!

Незадолго до их прибытия здесь прошел дождь, но поскольку дожди шли постоянно, этого никто не заметил. Теперь тучи расплзлись в разные стороны, как театральный занавес, и явили миру лежащий между лесом и проселочной дорогой выпас Браннагэна, который начинался в туманной дымке и уходил в молоко.

— Браннагэновы земли! — Велосипедисты остановились как вкопанные.

— Здесь витает тайна, чувствуете? — прошептал Дун.

— И впрямь витает, — шепнул кто-то в ответ.

— Одобряете мой дерзновенный замысел?

— Бегом — марш! — Таково было общее решение.

— Уж не сдрейфил ли ты, Дун?

— Какие могут быть изыскания, если первопроходец помчится по этой топи, словно нахлестанный бык? Тут нужны двое, чтоб идти след в след. Я, как и обещал, буду за женщину. Но мне требуется напарник — один из вас.

Велосипедисты, не спешиваясь, попятились назад.

— Ты со своими научными методами отвадишь нас и от пива, и от джина, — заметил Финн.

— А как добиться правдоподобия — верно я выразился, скажи, Дун? Напарнику трудновато будет представить тебя дамочкой.

— Может, ради такого дела, — надумал Риордан, — привести сюда какую ни на есть тетку? Да хоть из монашек...

— Только не монашку! — в ужасе шарахнулись остальные.

— Можно и чью-нибудь жену, — предложил Дун.

— Жену? — Ужас достиг предельной точки.

Прятели вогнали бы его в землю, как острый кол, не зная они, что он завязанный шутник.

— Ну, хватит! — вмешался Финн. — У кого есть карандаш и бумага для записи цифр и обозначения смертельно опасных участков?

Все как один тихо ругнулись.

Никому не пришло в голову захватить карандаш и бумагу.

— Вот черт, — забормотал Риордан. — Придется восстанавливать цифры по памяти, когда вернемся в паб. Ладно, ступай вперед, Дун. А мы тут быстренько подберем исполнителя мужской роли — он пойдет следом.

— Была не была! — Дун швырнул на землю велосипед, прочистил горло, смачно сплюнул и стал шаг за шагом, балансируя локтями, продвигаться

по бескрайней предательской жиже, которая поглотила не одну любовную парочку.

— С чего это нас на глупости потянуло? — всхлипнул Нолан, прослезившись от мысли, что распрощался с Дуном навеки.

— Но каков герой! — утешил его Финн. — Разве мы отважимся прийти сюда со сговорчивой бабенкой, если не будем знать, что лучше: тянуть или дергать, рухнуть или устоять, предаться любви или еще одну ночь терпеть тесноту в пижамных штанах?

— Носки промокли! — посетовал Дун, удалившись на изрядное расстояние и напрочь отрезав себе путь к спасению. — Но я не сдаюсь!

— Ты дальше зайди, — посоветовал Нолан.

— Видали?! — возмутился Дун. — Сперва говорит: «На глупости потянуло», а теперь гонит на минное поле! Я и так еле ноги передвигаю.

Через некоторое время Дун вдруг завопил:

— Ой, в лифт попал! Книзу тащит!

Отчаянно размахивая руками, он старался удержать равновесие.

— Пиджак сбрось! — заорал Финн.

— А?

— Избавься от помех, дружище!

— А?

— Кепку долой!

— Кепку? Обалдел, что ли? Кепка-то при чем?

— Тогда штаны сними! И разуйся! Как будто готовишься к Главному Делу, даром что кругом сырь.

Не желая лишаться кепки, Дун сражался с пиджаком и ботинками.

— Засаедем время! — скомандовал Нолан. — Ты уж исхитрись, Дун: развяжи шнурки и галстук, а иначе мы так и не узнаем, что с себя успеет сдернуть баба и насколько продвинется наш брат, пока их не затянет с головой. Надо же понять, успеем мы или не успеем «вкусить наследье плоти». Неужто его и вправду «сном кончаешь»? Или лучше будет «такой развязки не жадать»?

— Кто это сном кончает? Чтоб тебе повылазило! — огрызнулся Дун.

Извергая проклятья и бранные эпитеты, от которых раскалился воздух, он приплясывал на трясине и между делом умудрился сбросить пиджак, потом рубашку, галстук, уже готов был спустить штаны и затмить лунную округлость, когда прогремел небесный глас, разнесшийся горным эхом, как будто на землю неведомо откуда рухнула гигантская наковальня.

— Что здесь происходит? — прогремел этот самый голос.

Тут каждого из мятежников сковали ледяные оковы греха.

Дун, готовый провалиться сквозь землю, как сортовая картофелина, тоже застыл каменным истуканом.

Застыло даже само время, потому что над болотом опять зарокотал громоподобный голос, от которого лопались барабанные перепонки. Луна поспешила укрыться в тумане.

— Я вас спрашиваю: какого черта вы тут делаете? — вопрошал трубный глас.

Дюжина голов повернулась в сторону Судного дня.

На дорожном пригорке стоял преподобный О'Мэлли, опустив карающую десницу на свой велосипед, который от этого стал похож на смущенного, тщедушного отрока.

Отец О'Мэлли опять сотряс окрестности:

— Вот ты, и ты, и ты! До чего вы дошли?

— Я лично дошел до исподнего, — пропищал Дун голосом флейты-пикколо и робко добавил: — Отец...

— Вылезай! — перебил священник, делая взмахи рукой, словно косил траву. — Убирайтесь! — повторял он. — Прочь, прочь, прочь! Черт, черт, черт!

И, как одержимый, согнал бунтарей в кучку, обрушив на них потоки лавы, под которыми можно было похоронить целую деревню и уничтожить все живое.

— Прочь с глаз моих! Убирайтесь, негодяи! Сидите в четырех стенах и думайте о душе. И чтобы каждый притащил свою задницу ко мне на исповедь шесть раз подряд, не пропуская ни одного воскресенья, и так еще десять лет. Ваше счастье, что этот позор узрел я сам, а не епископ, не монашки — сладкие пташки, хотя отсюда до Мейнута рукой подать, и не юные чада из деревенской школы. Дун, подтяни носки!

— Уже подтянул,— сказал Дун.

— Последний раз говорю: вылезай!

Греховодникам ничто не мешало броситься врассыпную, но они, обезумев от страха, вцепились в свои велосипеды и только прислушивались.

— Скажи-ка, сделай одолжение,— нараспев произнес священник, зажмурив один глаз, чтобы прицелиться, и широко раскрыв другой, чтобы лучше видеть мишень,— за каким хреном тебя туда понесло? Ты что надумал?

— Утонуть, ваша милость... ваша честь... ваша светлость...

И впрямь, Дун медленно, но верно приближался к этой цели.

Пока монсеньор не отбыл восвояси.

Когда его велосипед с благочестивым дребезжаньем скрылся за пригорком, Дун все еще стоял, будто поникший духом Лазарь, размышляя о скорой кончине.

Однако вскоре через заболоченный луг донесся его голос, поначалу непривычно слабый, но с каждой минутой набирающий победную силу:

— Убрался?

— Убрался,— подтвердил Финн.

— Тогда смотрите все сюда,— распорядился Дун.

Они посмотрели, вытаращили глаза, а потом у каждого отвисла челюсть.

— Не тонет,— ахнул Нолан.

— А ведь сто раз мог утонуть,— добавил Риордан.

— Знай наших! — Дун осторожно притопнул ногой и спросил, понизив голос, будто подозревал, что святой отец, хоть и убрался, может его услышать: — Догадываетесь, почему меня не засосало?

— Почему, Дун? — спросил хор голосов.

— Да потому, что я поспрошал стариков и выяснил: давным-давно, сто лет тому назад, на этом самом месте была...

Выдержав эффектную паузу, он закончил:

— Церковь!

— Церковь?

— Добрая римская твердыня на зыбкой ирландской почве! Ее красота укрепляла веру. Но под такой тяжестью просел угловой камень. Тогда священники сбежали, бросив храм на произвол судь-

бы — и алтарь, и все прочее, а сейчас на этих развалинах стоит ваш покорный слуга Дун, по прозвищу Гимнаст. Я стою над землей!

— Да это настоящее открытие! — не удержался Финн.

— Не спорю! Отныне именно здесь мы будем изучать глагольные формы: освоим наклонения в разных видах, чтобы в будущем времени, ближайшем и отдаленном, возродить наши чувства к женщинам, — объявил Дун, не покидая сырого мшистого островка. — Но на всякий случай...

— На какой случай?

Дун указал рукой куда-то вдаль.

Его дружки развернули велосипеды, так и стоя над рамами в нелепых позах.

На пригорке, прежде скрытые от глаз, но теперь уже вполне различимые, метрах в тридцати появились две женщины — не розовые бутоны, отнюдь, но вполне пригожие, особенно под покровом тьмы, да еще в таких обстоятельствах

Росточку в них было — всего ничего. В Ирландии малым ростом никого не удивишь, но эти оказались уж вовсе крошечными: таких увидишь разве что в цирке или на ярмарке.

— Лилипуточки! — воскликнул Финн.

— Артистки варьете, на той неделе выступали в Дублине! — объявил Дун, не вылезая из болота. —

Каждая весит вдвое меньше меня, иначе церковная кровля сдвинется с насиженного места и обрушит нас в пучину!

Дун свистнул и помахал. Дюймовочки, маленькие женщины, прибавили шаг.

Когда они благополучно преодолели трясину и остановились подле Дуна, тот позвал приятелей.

— Не пора ли вам отлепиться от велосипедов и составить компанию танцовщицам?

Все дружно ринулись в болото.

— Назад! — закричал Дун. — Подходи по одному. А то встретимся вечером в пабе...

— И кого-нибудь недосчитаемся, — договорил за него Финн.

Пречистая дева

Ее голос в телефонной трубке звенел от безудержного счастья. Мне даже пришлось слегка охладить такой пыл.

— Элен,— сказал я,— успокойся. Что там у тебя?

— Потрясающая новость. Приезжай сейчас же, немедленно.

— Сегодня четверг, Элен. Неурочный день. Мы с тобой встречаемся по вторникам.

— Я просто лопну от нетерпения, у меня такая радость!

— Разве нельзя обсудить это по телефону?

— Дело слишком личное. Терпеть не могу обсуждать личные дела по телефону. Неужели ты настолько занят?

— Ну, как сказать, я только что закончил составлять письма.

— Вот и хорошо. Приезжай, мы с тобой отпразднуем это событие.

— Ну, смотри у меня, если оно того не стоит... — сказал я.

— Потерпи, скоро узнаешь. Не задерживайся.

Я медленно положил трубку на рычаг, а потом так же медленно подошел к стенному шкафу, чтобы надеть пальто и собраться с духом. У меня было такое чувство, будто за дверью ждал Страшный суд. Кое-как я доплелся до стоянки, сел в машину и поехал к Элен, на другой конец города, изредка чертыхаясь и тем самым нарушая добровольный обет молчания.

На лестничной площадке я долго переминался с ноги на ногу, не решаясь постучать, но дверь внезапно распахнулась, и я был пойман врасплох. На лице Элен отразилась буря эмоций; я даже забеспокоился, не тронулась ли она умом.

— Что ты стоишь, как неживой? — воскликнула она. — Входи!

— Сегодня не вторник, Элен.

— Вторникам настал конец! — рассмеялась она.

Я похолодел. Не встретив с моей стороны ни малейшего сопротивления, она взяла меня за локоть, втянула через порог, усадила в кресло и закружилась по комнате, доставая вино и наполняя бокалы. Один поставила передо мной. Я к нему не притронулся.

— Пей! — скомандовала она.

— Почему-то нет настроения, — сказал я.

— Смотри на меня! Я же пью! Нужно отпраздновать такое событие!

— Каждый раз, когда ты произносишь эти слова, у меня почва уходит из-под ног и проваливается в тартарары. Итак, начнем сначала. Что мы празднуем?

Я пригубил вино, однако Элен, прикоснувшись к моему бокалу, настойчивым жестом дала понять, что нужно выпить до дна и налить еще.

— Присядь, Элен, не стой над душой. Это действует мне на нервы.

— Ладно, ладно. — Она успела осушить свой бокал и долила вина нам обоим. — Ты в жизни не догадаешься.

— Да уж, постараюсь как можно дольше оставаться в неведении.

— Не падай в обморок. Я вступила в лоно церкви.

— Ты? В лоно церкви? Какой церкви? — Я едва не лишился дара речи.

— Помилуй! Церковь только одна!

— Разве? У тебя, например, полно друзей-мормонов, есть несколько лютеран...

— Опомнись! — не выдержала она. — Конечно же, речь идет о католической церкви!

— С какой радости тебя потянуло к католикам? Мне казалось, ты воспитана в традициях Оран-

жистской ложи. Разве у вас в графстве Корк не глумились над Папой Римским?

— Подумаешь! Одно дело — тогда, другое — сейчас. Я получила благословение.

— Передай мне бутылку.— Расправившись со вторым бокалом, я налил себе третий и покачал головой.— Повтори-ка еще раз. Внятно.

— Я только что была у преподобного Рейли — в двух шагах отсюда.

— Это еще что за птица?

— Отец Рейли — настоятель собора Святого Игнатия. Он мой духовник — ну, понимаешь, наставляет меня на путь истинный, уже примерно месяц.

Бессильно откинувшись в кресле, я уставился на пустой бокал.

— Поэтому на прошлой неделе ты отменила нашу встречу?

Просияв, она энергично закивала.

— И две недели назад? И три?

Все то же неистовое подергивание головой теперь сопровождалось взрывами хохота.

— А что, этот отец Келли...

— Рейли.

— Ну, Рейли. Кто тебя ему представил?

— На самом деле меня никто не представлял.— Она уставилась в потолок. Я тоже поднял глаза — посмотреть, что она там нашла. Поймав мой взгляд, она опустила голову.

— Ну, хорошо, где ты с ним столкнулась? — настаивал я.

— Как бы это сказать... в общем, я сама попросила его о встрече.

— Ты? Закоренелая грешница? Воспитанница оранжистов? Подруга баптистов?

— Перестань себя накручивать.

— Я себя не накручиваю. Как твой бывший возлюбленный, я пытаюсь понять...

— Почему это бывший?

Она потянулась к моему плечу, но я посмотрел на нее с таким выражением, что ее рука тотчас отдернулась.

— А какой же? Почти бывший?

— Не говори так!

— Наверно, право произнести эти слова принадлежит тебе. Вижу, они крутятся у тебя на языке.

Словно решив стереть улики, она провела кончиком языка по губам.

— Когда же ты впервые встретила, познакомилась, столкнулась с Рейли?

— С преподобным Рейли. Точно не помню.

— Все ты помнишь. В тот день ты покрыла себя несмываемым позором. Это, конечно, мое личное мнение.

— Не спеши с выводами.

— Я не спешу. Я просто закипаю от ярости. И могу взорваться, если ты не скажешь правду.

— Что же мне теперь, по два раза на дню исповедоваться? — Она прищурилась.

— Кошмар. — Меня словно ударили под вздох. — Вот, значит, в чем дело! Час назад ты еще торчала в исповедальне, а потом не нашла ничего лучшего, как позвонить мне и сообщить это бредовое известие...

— Что за слово — «торчала»?!

— Хорошо, не торчала. Сколько времени ты провела в этой каморке?

— Недолго.

— А точнее?

— Полчаса. Час.

— А Рейли — отец Рейли — сейчас отдыхает? Должно быть, переутомился. За сколько же лет жизни во грехе ты успела покаяться? Ему удалось вставить свое слово? О Боге-то вспомнили хоть раз?

— Твои шутки неуместны.

— По-твоему, это шутки? Значит, ты его час удерживала взаперти, так? Готов поспорить, он сейчас освежается причастным вином.

— Прекрати! — закричала она, чуть не плача. — Я хотела поделиться с тобой радостью, а ты все испортил.

— Когда ты договорилась с ним о встрече? О той, самой первой встрече? Ведь наставление, видимо, занимает несколько недель, если не месяцев. Ду-

маю, на первых порах говорил один Рейли. Отец Рейли. Верно?

— В общем, да.

— Назови только дату. Здесь ведь нет секрета?

— Пятнадцатое января, вторник. В четыре часа.

Я быстро прикинул кое-что в уме, оглядываясь на недавнее прошлое.

— Тогда неудивительно.

— Что «тогда неудивительно»? — Она подалась вперед.

— Это был последний из наших вторников, ты еще просила меня на тебе жениться.

— Неужели?

— Уговаривала бросить жену с детьми и уйти к тебе. Ага.

— Не помню такого.

— Все ты помнишь. И помнишь мой ответ: «Этого не будет». Как и во всех предыдущих случаях. «Нет». Ты сразу сняла трубку и позвонила Рейли.

— Почему же сразу?

— Неужели терпела целых полчаса? Или сорок пять минут?

Она потупилась.

— Час. Может, даже два.

— Допустим, полтора — поделим разницу пополам. Оказалось, у него как раз есть время, и ты

отправилась напрямиком к нему. Можно только порадоваться за Иоанна Крестителя, Иисуса, Деву Марию и Моисея. Ну, выкладывай.

Я схватил бокал и приговорил третью порцию спиртного.

— Рассказывай, — поторопил я, не сводя с нее глаз.

— Рассказывать нечего, — просто сказала она.

— Надо понимать, ты заставила меня ехать через весь город только для того, чтобы сообщить, какая ты теперь примерная католичка и как покаялась за пятнадцать греховных лет?

— Ну...

— Я жду, что упадет вторая туфелька.

— Туфелька?

— Хрустальный башмачок, который пришелся впору, когда я надел его тебе на ножку три года назад. Стоит ему упасть — и он разлетится вдребезги. А я полночи буду собирать осколки.

— Никак у тебя глаза на мокром месте? — Она опять подалась вперед и пристально смотрела мне в лицо.

— Да. Нет. Не знаю. Если это так, то ты, наверное, подставишь плечо мне под голову и начнешь гладить по спине — у тебя это хорошо получается. Ну, что еще?

— Ты сам все сказал.

— Странно. Мне казалось, я жду, что скажешь ты.

— Священник говорит...

— Мне безразлично, что говорит священник. Он вообще ни при чем. Что скажешь ты?

— Священник говорит, — продолжала она, пропустив мимо ушей мои слова, — что я, став его прихожанкой, не должна иметь никаких дел с женатыми мужчинами.

— А с холостыми можно? Какого он мнения на этот счет?

— Мы беседовали только о женатых.

— Ну вот, теперь почти все прояснилось. Ты хочешь сказать, что... — Я еще раз произвел в уме некоторые подсчеты относительно сроков. — Это было во вторник, предшествовавший позапрошлому: у нас с тобой дошло аж до драки подушками. Так?

— Кажется, да, — сказала она с несчастным видом.

— Кажется или точно?

— Точно, — сказала она.

— Иными словами, больше я тебя не увижу?

— Можно будет где-нибудь перекусить...

— Перекусить? После наших ночных пиршеств? После дразнящих утренних лакомств, которых хватало до обеда? После райских сладостей?

— К чему такие гиперболы?

— Гиперболы? Дьявольщина, меня три года кружил фантастический ураган, не давая коснуться земли. На моем теле не осталось ни единой поры, из которой хоть раз не вырвалась бы искра от твоего прикосновения. Каждый вторник, выходя из твоей квартиры на закате дня, я мечтал только о том, чтобы броситься назад и срывать обои со стен, повторяя твое имя. По-твоему, это гиперболы? Гиперболы?! Вызывай санитаров. Закажи мне отдельную палату.

— Это пройдет,— неуверенно сказала она.

— Клету. Или к осени. Хеллоуин я встречу хроническим инвалидом... Значит, отныне твое сердце принадлежит этому Рейли, служителю культа, святоше!

— Мне неприятно это слышать.

— По вторникам он будет регулярно наставлять тебя на путь истинный, не щадя живота своего. Говори, прав я или нет?

— Прав.

— В голове не укладывается! — Я встал и начал рассказывать по комнате, обращаясь к стенам.— Готовый сюжет для романа, фильма или мыльной оперы. Женщина, не обладающая достаточной решимостью и силой духа, придумывает изощренный способ избавиться от своего любовника. Она не может просто сказать: «Пошел-ка ты...» Нет. Она

не может сказать: «Нам было хорошо вдвоем, но теперь все кончено». Нет, господа. Она принимает духовные наставления, уходит в лоно церкви и прикрывается религией, чтобы дать себе передышку и восстановить девственность.

— Все было иначе.

— Ты хочешь сказать, что случайно ударилась в религию, а когда прозрела, решила сдать меня в утиль?

— Ничего подобного я не...

— Именно так. Ты заняла круговую оборону. Теперь к тебе не подобраться. Я в тупике. Связан по рукам и ногам. Если сейчас я уложу тебя в постель, ты согрешишь против наставлений Рейли. С ума сойти!

Я снова опустился в кресло.

— Ты упоминала мое имя?

— Имя не упоминала, но...

— Но рассказывала обо мне, да? Часами напролет?

— Минут десять, от силы пятнадцать.

— Про то, какой я добрый и ласковый и как тебе без меня не жить?

— Однако я живу без тебя и свободна, как птица!

— Тебя выдает фальшивый смех.

— Вовсе не фальшивый. Просто ты предпочел бы его не слышать.

— Что там еще?

— Где?

— В повестке дня.

— Больше ничего.

Она сцепляла и расцепляла пальцы.

— Разве что одна подробность...

— Какая?

Достав бумажную салфетку, она вытерла нос.

— Когда мы с тобой занимались любовью, мне каждый раз было больно.

— Что-о-о? — вскричал я, не веря своим ушам.

— Я тебя не обманываю. — Она отвела глаза. —

С самого первого дня. Каждый раз.

— Что же это получается? — задохнулся я. —

Каждый раз, когда мы, как на крыльях, взлетали до луны, ты испытывала боль?

— Да.

— А все эти томные возгласы и стоны просто служили прикрытием для неприятных ощущений?

— Да.

— И за все годы, за все часы ты ни разу об этом не обмолвилась?

— Не хотела тебя огорчать.

— Что я слышу? — вскричал я.

А потом:

— Это неправда.

— Это чистая правда.

— Не верю.— Мне едва удалось справиться с дрожью в голосе.— У нас все было так прекрасно, так упоительно, так... Нет, нет, не может быть, чтобы ты притворялась, да еще каждый раз.— Я замолчал и посмотрел ей в глаза.— Ты все выдумала, чтобы только подладиться под бредни этого отца Рейли. Верно я говорю?

— Богом клянусь...

— Поосторожнее! Ты же теперь в лоне церкви. Не богохульствуй!

— Тогда просто клянусь. Я ничего не придумала.

Меня охватила убийственная растерянность. Повисла долгая пауза.

— Мы все же могли бы где-нибудь перекусить,— сказала она.— В один из дней.

— Нет уж, спасибо, мне кусок в горло не полезет. Странное получится свидание, ей-богу: нас будет разделять стол, чтобы я не смог до тебя дотянуться! Где моя шляпа? Я приехал в шляпе?

Когда я уже стоял на пороге, она вскричала:

— Ты куда?

Закрыв глаза, я покачал головой:

— Еще не решил. Впрочем, уже решил. К унитариям.

— Как ты сказал?

— В унитарийскую церковь. Тебе ли не знать!

— Не делай этого!

— Почему же?

— Потому что...

— Почему?

— Они не произносят вслух имен Бога и Иисуса. Более того, не допускают, чтобы при них эти имена произносили другие.

— Совершенно верно.

— В таком случае при встрече с тобой я тоже не смогу упомянуть ни Бога, ни Иисуса.

— Совершенно верно.

— Не вступай в эту церковь!

— Почему же? Ты сделала первый ход. Теперь я делаю свой. Шах и мат.

Повернув дверную ручку, я сказал:

— Позвоню в ближайший вторник; это будет последний раз. Только не проси меня на тебе жениться.

— Не звони,— сказала она.

— О любовь, что еще не угасла,— сказал я.—

Прощай.

Я прикрыл за собой дверь. Без стука.

Господин Бледный

— Ему очень плохо.

— Где он?

— Наверху, на третьей палубе. Я его уложил в постель.

Доктор вздохнул.

— Вообще-то у меня сейчас отпуск. Ну, что поделаешь. Ты уж прости.— Извинение было адресовано его жене.

Он последовал за дневальным, и пока они поднимались по трапам, космический корабль, выбросив столб красно-желтого огня, в считанные минуты развил скорость до тысячи миль в секунду.

— Пришли,— сказал дневальный.

Доктор свернул в указанный отсек и увидел лежащего на койке пассажира: это был рослый мужчина с туго обтянутым кожей черепом. Его состояние действительно оказалось тяжелым. Впалый рот обнажил крупные, пожелтевшие зубы; из тени

провалившихся глазниц мерцал угасающий взгляд, туловище было иссохшим, как скелет. Руки казались снежно-белыми. Присев на магнитный стул, доктор пощупал запястье больного.

— На что жалуетесь?

Тот помолчал, но все же, облизнув бесцветным языком сухие губы, в конце концов сумел выговорить:

— На приближение смерти.— У него в горле булькнуло нечто похожее на хохот.

— Чепуха, мы вас быстро поставим на ноги, господин?..

— Зовите меня Бледным. Под цвет лица. Просто Бледный.

— Хорошо, господин Бледный.

Никогда еще доктору не приходилось держать такое холодное запястье. Как у покойника в морге, только бирки не хватало. Пульс уже сходил на нет. Если он и прощупывался, то настолько слабо, что его с легкостью перекрывала пульсация крови в пальцах доктора.

— Плохо дело, да? — спросил больной.

Вместо ответа доктор приставил к обнаженной груди умирающего серебристый стетоскоп.

Прибор донес до его слуха едва различимый шум, вздох, будто о чем-то далеком. Вместо сердцебиения из груди шли какие-то стоны раскаяния,

приглушенные крики миллионов голосов, порывы темного ветра в темной пустоте; вырываясь из холодной груди, эти холодные звуки доходили до ушей и пронзали доктора насквозь, отчего он и сам почувствовал холодок в сердце.

— Я прав?

Доктор кивнул:

— Наверно, вы лучше меня знаете...

— Чем это вызвано? — Глаза Бледного закрылись, и на бесцветном лице мелькнула тень улыбки. — Мне нечего есть. Я умираю от голода.

— Это мы поправим.

— Нет, нет, вы не понимаете, — прошептал человек. — Я едва успел добраться до ракеты, чтобы попасть на борт. Всего несколько минут назад, до старта, я был по-настоящему здоров.

Доктор повернулся к дневальному:

— У него бред.

— Нет, — отозвался умирающий, — это не бред.

— Что здесь происходит? — спросил чей-то голос, и в каюту вошел командир корабля. — Это еще кто? Что-то не припоминаю...

— И не пытайтесь, — сказал Бледный. — Меня нет в списке пассажиров. Я самовольно проник на борт.

— Но это невозможно; мы сейчас на расстоянии десяти миллионов миль от Земли.

Бледный вздохнул:

— Еле успел. Все силы положил на то, чтобы вас догнать. Уйди вы немного дальше...

— Заурядный безбилетник,— прервал его командир.— Да к тому же пьян.

— Он очень болен,— сказал доктор.— Ему нужен покой. Сейчас я его осматриваю...

— И ничего не обнаружите,— едва слышно откликнулся Бледный, чье бескровное туловище сиротливо вытянулось на койке.— Беда в том, что мне нужна пища.

— За этим дело не станет,— сказал доктор, закатывая рукава.

Спустя час доктор снова опустился на магнитный стул. У него со лба градом катился пот.

— Вы правы. Никаких заболеваний у вас нет, но организм предельно истощен. Как вы, при нынешнем изобилии, умудрились довести себя до такой кондиции?

— О, вы будете удивлены,— ответил обладатель изможденного, белого, холодного тела. Его слабый голос заполнил каюту, как слабый леденящий бриз.— Примерно час назад я остался без пищи. По своей вине. Сейчас попытаюсь объяснить. Дело в том, что я очень стар. Одни говорят, что мне миллион лет, другие дают миллиард. Сам я давно сбился со счета. Недосуг было считать.

Шизофреник, подумал доктор, вне всякого сомнения.

Пассажир Бледный вяло улыбнулся, словно прочел эту мысль. Он устало покачал головой, и в темных впадинах его глаз мелькнул огонек.

— Нет-нет. Нет, просто я стар, очень стар. И очень глуп. Ведь Земля принадлежала мне. Я ею владел. Безраздельно. Она питала меня, а я, в свою очередь, питал ее. В течение миллиарда лет я жил припеваючи. А теперь — страшно подумать — оказался здесь, да еще на краю гибели. Вот уж не думал, что могу умереть; никогда не думал, что меня можно убить, как любую тварь. А теперь и я знаю, что такое страх смерти и каково это на самом деле — умирать. Узнал спустя миллиард лет, и теперь мне страшно: какая судьба постигнет Вселенную, когда меня не станет?

— Лежите спокойно, не волнуйтесь. Мы вас вылечим.

— Нет-нет. Нет, вы ничего не сможете сделать. Я слишком многое поставил на кон — и проиграл. До сих пор я жил в свое удовольствие, сам развязывал войны и сам же их прекращал. Но на этот раз я зашел слишком далеко и совершил самоубийство, да-да, именно так. Посмотрите-ка вот в тот иллюминатор. — Бледный дрожал, у него тряслись пальцы и губы. — Скажите, что вы там видите.

— Вижу Землю. Планету Земля. Мы от нее удаляемся.

— Значит, придется немного подождать, — сказал Бледный.

Доктор не отходил от иллюминатора.

— Уже совсем скоро, — прошептал Бледный. — Уже вот-вот.

Пространство за стеклом вдруг озарилось слепящей вспышкой.

— Боже, боже! Какой кошмар! — воскликнул доктор.

— Что там?

— Земля! Она загорелась. Она в огне!

— Правильно, — ответил Бледный.

Пожар заполонил Вселенную рваными, текучими языками желто-голубого пламени. Земля разлетелась на тысячу осколков, рассыпалась искрами, обратилась в ничто.

— Убедились? — спросил Бледный.

— Боже мой, боже мой. — Доктор пошатнулся, привалился к иллюминатору, хватаясь то за сердце, то за голову, и заплакал, как ребенок.

— Видите, каким я был глупцом, — продолжал Бледный. — Зашел слишком далеко. Слишком далеко. Какое будет зрелище, думал я. Какой фейерверк. А теперь... теперь все кончено.

Доктор сполз по стенке на пол, не сдерживая слез. Корабль разрезал космическое пространство.

Из коридоров доносился топот бегущих ног, слышались панические вопли и протяжные стоны.

Больной молча лежал на койке, судорожно сглатывая слюну и медленно кивая головой. Доктор сидел на полу в той же позе, содрогаясь от рыданий, и лишь минут через пять сумел взять себя в руки: он отполз в сторону, поднялся, сел на стул и взглянул на Бледного, чье длинное, худое тело сделалось почти прозрачным; от умирающего исходил тяжелый запах чего-то извечного, стылого, неживого.

— Теперь вам ясно? — выговорил Бледный. — Я не планировал таких крайностей.

— Да замолчите же!

— Я бы не прочь вести такое же безоблачное существование еще хоть миллиард лет, ни в чем себе не отказывая. О, я был всему господин!

— Вы сумасшедший!

— Передо мною все дрожали от страха. А теперь страх охватил меня, потому что умирать больше некому. Осталась всего лишь горстка людей на этом корабле. Да еще пара тысяч на Марсе. Вот почему я туда стремлюсь: на Марсе я смогу жить — если дотяну, конечно. Ведь для того, чтобы я жил, наводил страх, вел привычное существование, требуются простые смертные, а когда все они погибнут и некому будет больше умирать, господину Бледному придется умереть самому, а ему этого совсем не хо-

чется. Поймите, жизнь встречается во Вселенной не так уж часто. Она существовала только на Земле — только там, благодаря живым людям, существовал и я. Но теперь я ослаб, совсем ослаб. Не могу даже пошевелиться. Вы должны мне помочь.

— Сумасшедший, идиот!

— До Марса целых двое суток пути, — продолжал господин Бледный в раздумье, беспомощно вытянув руки по швам. — В течение этого времени вам придется меня кормить. Если бы я мог двигаться, я бы от вас не зависел. Всего час назад у меня была немыслимая сила: только подумайте, сколько энергии перешло ко мне от всех умерших, от всего, что в одночасье погибло. Но пока я гнал за вашим кораблем, энергия рассеялась; теперь эта энергия пожирает сама себя. Нынче единственный смысл моей жизни — это вы, ваша жена, двадцать пассажиров, члены экипажа да небольшая колония на Марсе. Как видите, весьма скудный запас, весьма скудный... — Его голос сник до вздоха; сглотнув, он продолжал: — А вы, доктор, никогда не задумывались, почему на Марсе уровень смертности за полгода существования ваших колоний не поднимался выше нулевой отметки? Да потому, что мне не разорваться, вот и все. В тот самый день, когда на Земле появилась жизнь, появился и я. Все это время я ждал случая выбраться на просторы Солнечной

системы. Почему было не покинуть Землю несколькими месяцами раньше? Я все откладывал, а теперь горько сожалею. Глупец, алчный глупец.

Доктор напрягся, встал, сделал шаг назад и прислонился к стене.

— Вы не в себе.

— Вот как? Тогда взгляните-ка еще раз в иллюминатор на то, что осталось от Земли.

— Я не собираюсь вас слушать.

— Вы должны мне помочь. Решайтесь. Я положил глаз на командира. Пусть он придет первым. Скажите, что мне требуется переливание крови. Затем пассажиры, по одному, чтобы только удерживать меня на краю пропасти, чтобы только сохранять мне жизнь. Ну а напоследок настанет, видимо, и ваш черед или вашей жены. Вы ведь все равно не рассчитывали жить вечно, правда? Но если я умру, вам не миновать такой судьбы.

— Вы бредите.

— У вас хватает дерзости полагать, что это бред? Имеете ли вы право так испытывать судьбу? Если я умру, вы все станете бессмертными. Именно об этом люди мечтали во все века, не так ли? Жить вечно. Но я вас уверяю, это будет невыносимо: один день точь-в-точь как другой, да еще чудовищный груз воспоминаний! Задумайтесь! Рассудите сами.

Доктор стоял в неосвещенной части каюты, спиной к противоположной стене.

Господин Бледный зашептал:

— Уж вы мне поверьте. Лучше умереть, когда пробьет твой час, нежели тянуть ляжку миллион миллиардов лет. Не сомневайтесь. Кому, как не мне, это знать? Я почти рад, что умираю. Почти, но не совсем. Самосохранение. Ну, что скажете?

Доктор уже стоял у двери.

— Я вам не верю.

— Не уходите,— пробормотал пассажир Бледный,— вы еще пожалеете.

— Все это выдумки.

— Не дайте мне умереть...— Его голос звучал уже где-то совсем далеко, а губы едва шевелились.— Умоляю, не дайте мне умереть. Ведь я вам нужен. Во мне нуждается все живое: я наполняю жизнь смыслом, придаю ей ценность, обеспечиваю противовес. Не дайте...

Пассажир Бледный становился все меньше и тоньше, его тело таяло на глазах.

— Нет,— выдохнул он.— Нет,— прошептало движение воздуха за стенкой твердых, пожелтевших зубов.— Прошу вас...

Его ввалившиеся глаза неподвижно уставились в потолок.

Доктор вырвался из каюты, захлопнул дверь и закрутил болты. Потом он привалился к холодному металлу и опять содрогнулся от слез; вглядываясь в глубь отсека, он различил кучки людей, которые сгрудились у иллюминаторов и провожали глазами пустое пространство, где раньше была Земля. Одни ругались и сыпали проклятиями, другие плакали. Битый час он блуждал по коридорам и трапам, нетвердо держась на ногах и почти не помня себя, пока наконец не разыскал командира.

— Командир, никто не должен входить в каюту больного. У него чума. Это неизлечимо. Он лишился рассудка. Смерть наступит в течение часа. Прикажете заварить дверь.

— Что? — переспросил командир. — Да-да, конечно. Я отдам распоряжение. Непременно. Вы видели? Видели, как взорвалась Земля?

— Видел.

Они, как во сне, разошлись в разные стороны. Доктор присел рядом с женой, которая не замечала его, пока он ее не обнял.

— Не плачь, — сказал он. — Не надо. Прошу тебя, не плачь.

Ее плечи вздрагивали от рыданий. Он привлек ее к себе, хотя его самого бил озноб. Они сидели бок о бок не один час.

— Не плачь,— повторил доктор.— Думай о чем-нибудь другом. Не вспоминай Землю. Думай о Марсе, думай о будущем.

Они замерли с отсутствующими лицами, откинувшись на спинки кресел. Он закурил сигарету, но не почувствовал вкуса, передал ее жене и зажег еще одну.

— Как ты смотришь на то, чтобы оставаться моей женой еще десять миллионов лет? — спросил он.

— Я готова,— воскликнула она и, обернувшись к нему лицом, истово прижала к себе его руку.— Я с радостью!

— Правда? — спросил он.

Заводная птичка

— Человека характеризуют действия, — изрекла миссис Коул, — а не выражение лица и не слова, которые слетают с языка в момент совершения действий. Если хотите знать мое мнение, эта новая соседка, что обосновалась напротив, через два дома отсюда, — Кит Рэндом, так, кажется, ее зовут? — натура, мягко говоря, весьма деятельная.

Сидевшие на веранде повернули головы в указанную сторону.

Кит Рэндом время от времени разгуливала с цветком в руках по саду. Занималась живописью, сидя у чердачного окошка. Обмахивалась веером, стоя на крыльце в прохладном полумраке. Ночами, устроившись под лимонно-желтой лампой, делала тончайшие, как паутинка, гравюры. С утра пораньше бросала ком глины на гончарный круг и что-то напевала звонким, чистым голосом. Вытряхивала горы окурков в печку, собственноручно сложенную из кирпичей. Неизвестно для кого пекла

пироги. И ставила их охлаждаться на подоконник, отчего у всей округи текли слюнки, а мужчины, держа нос по ветру, направлялись через дорогу к ее дому, делая вид, что просто гуляют. С заходом солнца она усаживалась в огромную ворсистую петлю из конопляной пеньки, привязанную — будто для слабоумного переростка — к неохватному дубу на заднем дворике, и начинала раскачиваться. Часов этак в девять вечера спустится в сад, неся причудливый белый патефон, словно это и не патефон вовсе, а живая собака по кличке Виктрола, заведет его рукояткой, поставит пластинку — и давай порхать на своей «тарзанке», словно печальная бабочка или яркая непоседа-малиновка: то вверх, то вниз, то вверх, то вниз.

— Вот именно, — поддакнула миссис Тийс. — Либо она по-женски хитра и предельно расчетлива, либо... — Тут ей пришлось немного поразмыслить. — Либо это просто-напросто заводная птичка... ни дать ни взять, кукушка из часов...

По всей улице хозяйки со значением стучали пальчиком по лбу и заглядывали к ней через забор, как женщины заглядывают в пропасть, — единственно для того, чтобы ужаснуться: дескать, слишком тут глубоко; но им ничего не удавалось разобрать, потому что в сумерках дворик становился темным, как грот, — он шуршал листвой, пестрел

цветами и хрипло покашливал, готовясь затянуть «Июньскую ночь» или «Несчастную бабочку». И в этом гроте, с неизбежностью скрытого от глаз, но ровно тикающего маятника, раскачивалась туда-сюда Кит Рэндом, опустив на плечо мягкую розовую щечку и тихо вздыхая о чем-то своем под рассказы граммофона о горестях печальной бабочки и прелестях июньской ночи.

— Откуда ее занесло в наши края?

— Неизвестно.

— Что ей здесь понадобилось?

— Неизвестно.

— Надолго она к нам?

— Это нужно у нее спросить!

Обстоятельства ее появления были вполне будничными. Дом пустовал целый год, но в конце концов его удалось сдать внаем. Как-то в апреле к воротам подкатил огромный мебельный фургон, из него выскочили двое, словно чертики из табакерки, и, чудом не сталкиваясь, начали сновать в дом и обратно, сноровисто перетаскивая абажуры, часы, столы-стулья и чайники. Со стороны казалось, будто управились они в считанные минуты. Фургон отъехал, а дом так и остался пустовать. Миссис Коул четыре раза прогулялась мимо, заглядывая в окна, и убедилась, что грузчики, перед тем как запрыгнуть в фургон, успели повесить картины, настелить ковры и расставить мебель — короче говоря, создали

уют, словно направляемые женской рукой. Теперь в этом гнездышке не хватало только птички.

И вот, ровно в семь часов, сразу после ужина, появилась сама Кит Рэндом, которая, выйдя у всех на виду из желтого такси, в одиночестве направилась к замершему в ожидании дому.

— А где же мистер Рэндом? — спрашивали друг у друга соседки.

— Что-то не видно.

— Ага, стало быть, она в разводе — как пить дать, разведена. А может, муж умер. Вдова — это еще куда ни шло. Бедняжка.

Между тем Кит Рэндом, улыбаясь каждому окну и каждому крыльцу, шла в магазин, чтобы купить бифштексы на косточках, банку томатного супа и пару кусков хозяйственного мыла, но при этом отнюдь не выглядела усталой, печальной или одинокой — можно было подумать, днем ее смешили клоуны, а вечером развлекал импозантный драматический актер с напомаженными усами.

— А ведь к ее дому никто и близко не подходит. Вначале у меня были опасения... в том смысле, что... — Миссис Коул подбирала слова. — Одинокая женщина, сами понимаете. Но к ней даже мороженщик не заглядывает. Вывод напрашивается сам собой. Кто-то верно подметил: это кукушка, которая выскакивает из дверцы часов. Каждые пятнадцать минут, — добавила она.

В это самое мгновение мисс Кит Рэндом окликнула судачивших на веранде хозяек; ее голос то пробивался сквозь шелковистую зеленую листву, то взлетал к синему небу на другой стороне двора.

— Милые дамы!

Все дернулись в ее сторону и обратились в слух.

— Милые дамы, — повторила в полете мисс Кит Рэндом, — я приехала сюда с одной-единственной целью: найти подходящего мужчину. Вот и весь сказ, милые дамы!

Тут милые дамы дружно заторопились домой.

Не далее как на следующий день они увидели, что мистер Тийс сидит с Кит Рэндом у нее в саду и играет в шарики. Миссис Тийс вытерпела не более двух минут и тридцати пяти секунд, а потом перешла через дорогу, скользя, как на роликовых коньках.

— Чем, интересно знать, мы тут занимаемся? — потребовала она ответа у двух склонившихся фигур.

— Не сбивай. — Один шарик завертелся под большим пальцем Генри Тийса. Другие попрыгали, ударяясь друг о друга, и скрылись из виду.

— Похоже, ты выиграл, — сказала Кит Рэндом. — Ловко у тебя получается, Хэнк.

— Сто лет не играл.

С этими словами мистер Тийс застенчиво опустил глаза и увидел лодыжку супруги. По ногам миссис Тийс разводами синих чернил змеились тонкие

вены. Этот рисунок чем-то напоминал карту Иллинойса. Тут тебе и река Дес-Плейнс, тут тебе и Миссисипи. Мистер Тийс уже добрался взглядом до Рок-Айленда, когда жена сказала:

— Тебе не кажется, что игра в шарики — это пустое занятие?

— Почему пустое? — Мистер Тийс отряхнул брюки. — Я же выиграл!

— И куда теперь девать эти шарики?

— Какая разница? Главное — победа!

Миссис Тийс брезгливо посмотрела на игроков, как на пару бледных поганок.

— Спасибо, что составили Генри компанию.

— Не за что, Клара, всегда рада, — ответила Кит Рэндом.

— Пожалуй, оставлю свой выигрыш здесь. — Мистер Тийс торопливо передал ей шарики. — У меня дома и так места нет.

— Ты обещал подстричь газон, — сказала миссис Тийс.

Супруги Тийс, можно сказать, вместе пошли через дорогу: он не смотрел в ее сторону, она семенила рядом, он ускорил ход, она не отставала, он опять прибавил шаг, и она тоже — на подходе к крыльцу оба почти бежали. Он проскочил в дверь первым, она — сразу за ним. Дверь стукнула так, что за три дома птицы сорвались со своих гнезд.

Следующий неприятный эпизод произошел ровно час спустя. Мистер Тийс подстригал газон, не сводя глаз с острых лопастей косилки и разлетающихся цветков клевера, в каждом из которых ему виделась миниатюрная головка миссис Тийс. Он яростно толкал косилку с востока на запад и с севера на юг, обливаясь потом и утирая лоб, а миссис Тийс ему кричала:

— У дорожки подровняй! И в середине — вон пучок торчит! Осторожно, там булыжник, косилку сломаешь!

Ровно в два часа дня к дому мисс Кит Рэндом подружили два грузовика, и двое рабочих принялись снимать газон. К четырем часам вся поверхность сада покрылась ровным слоем цемента.

В пять часов грузовики отбыли в неизвестном направлении, увозя с собою газон Кит Рэндом; тогда она помахала рукой мистеру Тийсу и со смехом крикнула:

— Пожалуй, года два можно будет не брать в руки косилку!

Как только мистер Тийс зашелся ответным хохотом, за темной раздвижной дверью почувствовалось чье-то присутствие. Мистер Тийс ринулся в дом. На этот раз дверь грохнула так, что с крыльца упали два горшка с геранью.

- До чего же наглая особа.
- Все делает не просто так.
- Хочет выставить нас какими-то мегерами.

Подумать только: залила газон цементом. И мистера Тийса подстрекает к тому же. Ну, мы-то свою лужайку цементировать не станем: заставлю его как миленького подстригать траву каждую неделю, не будь я Клара Мун Тийс.

Все трое презрительно фыркали, не отрываясь от вязания.

— Это похоже на злой умысел,— сказала миссис Коул.— Посмотрите, что творится у нее на заднем дворе: там непролазные дебри, форменный бедлам.

— Напомните-ка нам, Клара, как происходила эта игра в шарики.

— Стыдно сказать! Он стоит на коленях, оба хохочут. Ая... погодите. Вы ничего не слышите? — Дело было в сумерках, сразу после ужина, когда три женщины по-соседски расположились на веранде у миссис Коул.— Эта заводная птичка опять заливается смехом на заднем дворе.

— Не иначе как вышла покачаться на своей веревке.

— Тсс! Слушайте.

— Я уж забыл, как это делается,— раздался оживленный мужской голос.— Мне страсть как хотелось, да боялся молвы! Ну-ка, еще разок!

— Кто это? — вскричала миссис Коул.

Все трое прижали руки к груди и, задыхаясь, бросились в дальний конец веранды, как обезумевшие пассажиры тонущего лайнера.

— А теперь вот так! — кричала, поднатужившись, Кит Рэндом.

У нее в темном дворике кто-то хохотал, взмывая над кронами деревьев, ныряя вниз и взлетая на другом краю.

— По голосу вроде как ваш мистер Коул, — нерешительно сказала одна из дам.

— Какой срам!

— Да ладно, Фанни.

— Просто срам!

— Будет тебе, Фанни, спать пора, — сказал мистер Коул.

К одиннадцати часам вечера в спальне было жарко натоплено и темно. Только миссис Коул белела во мраке, словно груда мороженого.

— Да тебя из города выгнать мало!

— Господи, когда ж это кончится? — Он ткнул кулаком подушку. — Говорю тебе, на заднем дворе есть качели, а я сто лет к ним не подходил. Здоровенная петля-«тарзанка», выдержит любой вес. Ты оставила меня мыть посуду, а сама побежала сплетничать с этими курицами. Я пошел выносить мусор, увидел, как она лихо раскачивается, и говорю: одно удовольствие посмотреть, а она: чего, мол,

смотреть, вы попробуйте сами. Ну, я и перемахнул через забор, чтоб покачаться.

— И раскукарекался, как горластый петух.

— Не раскукарекался, а рассмеялся. Да что ты заладила, черт побери, я ведь ее по заднице не хлопал, верно? — Еще пару раз ткнув кулаком подушку, он перекатился на другой бок.

Среди ночи жена расслышала его бормотанье: «Хороша, чертовка, век бы с нее не слезал» — и снова зарыдала.

Теперь один только мистер Клеменц удерживался на краю пропасти: однако на другой день пришел и его черед. Миссис Клеменц застучала мужа, когда тот, сидя на стене заднего двора вместе с мисс Кит Рэндом, пускал мыльные пузыри, живо обсуждая их размер, цвет и степень прозрачности. Патефон дрожащим голосом выводил старую, еще времен Первой мировой, песенку в исполнении квартета «Никербокер»; она называлась «Худшее, конечно, впереди». Миссис Клеменц тут же претворила в жизнь этот текст, схватив мужа за ухо, чтобы увести прочь.

— Владения этой женщины, — сказали миссис Коул, миссис Клеменц и миссис Тийс, — отныне объявляются запретной территорией.

— Как скажешь, радость моя, — ответили мистер Коул, мистер Клеменц и мистер Тийс.

— Не смей говорить ей «доброе утро» или «спокойной ночи, сестричка», — сказали миссис Коул, миссис Клеменц и миссис Тийс.

— Ни в коем разе, — ответили мужья, заслонившись газетами.

— Ты меня слышишь?

— Слышу, милая, — как один заверили мужья.

С той поры мистер Коул, мистер Клеменц и мистер Тийс исправно косили газоны, меняли лампочки, подстригали живую изгородь, красили двери, протирали окна, мыли посуду, выкапывали луковицы, поливали деревья, подкармливали цветы, спешили на работу и с работы, сгибались в три погибели, разминались, сустились, переводили дух, поднимались на цыпочки, выполняли уйму поручений и только успевали вытирать пот.

Тем временем в доме у Кит Рэндом остановились ходики, а цветы засохли — то ли выродились, то ли слишком разрослись. Деревья в разгар лета роняли листву из-за недостатка влаги, от дверей — стоило только прикоснуться — отваливались ручки, краска облупилась, пробки перегорели, на смену электричеству пришли засунутые в графин свечи — рай небрежения, царство хаоса.

Миссис Коул, миссис Клеменц и миссис Тийс еще раз поразились невероятному нахальству Кит Рэндом, когда та бросила им в почтовые ящики приглашения на чай — не иначе как отравленный.

Они наотрез отказались.

И все пришли.

Кит Рэндом подала «оранж пеко», свой любимый сорт, и, наполнив чашки, расслабилась и заулыбалась:

— Как хорошо, что вы меня посетили, милые дамы.

Милые дамы мрачно кивали.

— Нам нужно многое обсудить,— добавила она.

Милые дамы выжидали с каменно-холодными лицами и поглядывали на дверь.

— Мне показалось, вы меня совсем не понимаете,— сказала Кит Рэндом.— Видимо, нам нужно объясниться.

Они по-прежнему безмолвствовали.

— Я — свободная женщина, независимая в средствах.

— Подозрительная откровенность,— заметила миссис Тийс.

— Подозрительная,— эхом повторила миссис Коул.

Когда миссис Клеменц приготовилась опустить в чашку пакетик чая, Кит Рэндом не удержалась от смеха.

— Теперь все ясно: о чем бы я ни завела речь, вы будете отсчитывать кусочки сахара и греметь чайными ложками, чтобы меня не было слышно.

— А вы проверьте,— подзадорила миссис Тийс.

Кит Рэндом протянула руку, достала откуда-то блестящую медную трубку и принялась ее крутить.

— Это еще что? — спросили все трое в один голос, после чего каждая зажала рот ладонью, досадуя, что не придумала хлесткого словца.

— Игрушечный калейдоскоп — у меня таких много. — Зажмурив один глаз, Кит Рэндом смотрела в мутное окошко. — Сейчас поглядим, что у вас внутри. Рассказать, что я вижу?

— Больно интересно! — фыркнула миссис Клеменц.

Две другие гостьи кивками выказали согласие с этой дерзкой репликой.

— Вижу крупную картофелину. — Кит Рэндом нацелилась трубкой на миссис Тийс, а потом по очереди на каждую из ее приятельниц. — Вижу брюкву и ядреную репку. Внутренние органы не просматриваются: ни желудок, ни селезенка, ни сердце. Я специально прислушалась — пульса нет. Одни мясные тушки, которые уже не влезают в корсет. А языки? Никак не связаны с корой мозга...

— Намекаете, что у нас в голове кора? — Миссис Тийс была оскорблена в лучших чувствах.

— Так называется отдел головного мозга — «кора». Скажите спасибо, что не «дыра». Итак, у меня созрело смелое решение. Нет-нет, не вставайте.

Гостьи заерзали в креслах, а Кит Рэндом продолжала:

— Я переманю ваших мужей, одного за другим. Как поется в старых песнях, буду разбивать сердца. Если, конечно, после жизни с вами от их сердец еще что-то осталось. Хотя я с виду и тщедушная, но, сдается мне, и в полночь, и при свете дня окажусь куда милее всех вас, вместе взятых. Ничего не говорите и не вставайте. Я скоро закончу. Вам меня не остановить никакими силами. Нет, пожалуйста, один способ есть. Полюбите этих достойных мужчин. Впрочем, ни одной из вас, наверно, такое и в голову не приходило, разве что в незапамятные времена. Вглядитесь в их лица. Обратите внимание: каждый из них натягивает соломенную шляпу разве что не на уши, а во сне скрипит зубами. Не сомневайтесь — мне даже отсюда слышно. Они то и дело сжимают кулаки, хотя драться не с кем. Так что посторонитесь — никому не пожелаю стать мне поперек дороги. Хотите знать, как я добьюсь своего? С помощью криббиджа и покера, с помощью минни-гольфа, который имеется у меня в саду, — надо только вынуть букетики из лунок. Кроме того, не будем забывать «очко» и домино, шахматы и шашки, пиво, мороженое, ночные закуски, танцы при луне, благоухающие свежестью постели, крахмальные простыни; кому нравится — пускай распевает под душем, пускай разбрасывает вещи где попало — убрать можно и в воскресенье, пускай отрастит бороду и усы, пускай ходит по дому босиком. Если

пиво не цепляет, джин-то уж точно проберет. Куда это вы? Сидите!

И Кит Рэндом продолжила свои откровения:

— Я знаю, о чем вы думаете, у вас все на лицах написано. Ошибаетесь: перед вами не вавилонская блудница и не трианонская распутница (Трианон — это, к слову, не кинотеатр). Перед вами — праздничная ярмарка, сродни бродячему театрику, хотя с виду не красавица и даже, можно сказать, дурнушка. Но в один прекрасный день, много лет назад, я твердо решила: чем тиранить одного, буду радовать многих! Поймала себя на том, что каждый раз стремилась взять верх, а ведь этим грешат очень многие женщины, сами того не сознавая. Если над мужчиной постоянно одерживать победу, он начнет проигрывать даже в гольф и гандбол, причем по-крупному. И непременно докопается до причины! Вот я и начала колесить с места на место: два года в Плейсервилле, три в Таллахасси и Канкаки, а потом то ли пар кончился, то ли подвижной состав проржавел. В чем заключается мой секрет? Уж конечно не в том, чтобы запирать человека в четырех стенах или командовать: «Пооди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Секрет в том, чтобы играть в поддавки. Не понимаете? Я научилась незаметно проигрывать. Мужчины это обожают. Они, конечно, обо всем догадываются, но делают вид, будто ничего не замечают. Чем охотнее им подыгры-

ваешь, тем больше они радуются. Не успеешь оглянуться, как они уже связаны по рукам и ногам: готовы до оупения играть в подкидного дурака, до потери пульса скакать на одной ноге. Мужчину можно заставить даже прыгать через веревочку — надо только ему внушить, что со времен изобретения индейцами этой забавы не было в мире лучшего прыгуна, чем он сам. Вот таким образом, постоянно подыгрывая, можно очень многое выиграть, потому что за завтраком ваш избранник начнет говорить «доброе утро», потом станет откладывать в сторону биржевой вестник и мало-помалу привыкнет с вами беседовать!.. Не ерзайте! Я закругляюсь. Сумеете ли вы вернуть себе тех, кого когда-то любили? Может, да. А может, и нет. Я выжду ровно год и посмотрю, хорошо ли вы усвоили мой наглядный урок. Тогда можно будет отдать взятое взаймы и раз в год наведываться в ваши края, чтобы проверить, хорошо ли вы поддаетесь, а главное — научились ли по ходу дела смеяться в полный голос. Однако на первых порах вы будете бессильны — уже с этой самой минуты. Считайте, что для вас прозвучал выстрел стартового пистолета. Возвращайтесь домой. Пеките пироги. Жарьте котлеты. Только пользы от этого — кот наплакал. Ваши пироги никто не оценит. А котлеты? Они и вовсе умрут медленной смертью. Потому что вы силком тащите едоков к столу, а от этого портится аппетит. И по-

следнее: не запирайте двери. Пусть бедняги побегают на воле. А вы делайте вид, что смотрите на это сквозь пальцы.

— Но мы их только что призвали к порядку! — вскипели как одна ее гости, сами смутились от такого единодушия и кубарем скатились с крыльца.

На этом, собственно, все и закончилось. Войны не случилось, не было ни единого сражения, ни мелкой стычки. Расхаживая по дому, хозяйки видели только пустые комнаты и тишком прикрытые парадные двери.

Венцом этой истории стало появление троих незнакомцев, которых из-за наступления сумерек даже не удалось толком разглядеть, тем более что соломенные вдовы отпрянули от окон и, запершись изнутри, могли только подглядывать сквозь ажурные занавески.

— Открывай! — закричали все трое.

Узнав голоса, которые звучали в тот день за завтраком, жены отомкнули засовы и взгляделись в полумрак.

— Генри Тийс?

— Роберт Джо Клеменц, какого?..

— Уильям Ральф Коул, ты ли это?

— А кто же еще, черт побери?

Жены посторонились, пропуская в двери своих — практически обритух под ноль — спутников жизни.

— О боже! — вырвалось у миссис Тийс.

— Как это понимать? — вырвалось у миссис Клеменц.

— Что ты сделал со своими волосами?

— Это не я, — ответил каждый из мужей. — Это она.

Жены ходили кругами, разглядывая своих благовверных.

— Тебя не узнать, — ахнула миссис Тийс.

— На то и был расчет.

Такой же разговор произошел и между остальными.

А потом:

— Нравится?

— Кажется, я венчалась с кем-то другим, — был ответ.

— Не в бровь, а в глаз!

И наконец, почти в унисон, хотя и в разных домах:

— Не удивлюсь, если ты надумаешь сменить имя, чтобы подходило к этой стрижке.

В последний вечер месяца мистер Тийс был застигнут наверху, в спальне, когда он собирал саквояж. Миссис Тийс так и обомлела, вцепившись в дверную ручку.

— Ты куда?

— Куда-то.

— Далеко?

— Как бы так.

— Надолго?

— Как получится,— ответил он, складывая рубашку.

— Дня на два? — уточнила жена.

— Возможно.

— Или на три?

— Где мой синий галстук? С белыми мышками?

— Терпеть его не могу.

— Сделай одолжение, поищи синий галстук с белыми мышками.

Она нашла то, что требовалось.

— Вот спасибо.— Он подошел к зеркалу, завязал галстук аккуратным узлом, а затем провел по голове щеткой и оскалился, проверяя, не следует ли почистить зубы.

— На четыре дня? — спросила она.

— Вероятно,— ответил он.

— А может, на неделю? — Она растянула губы как умалишенная.

— Все может быть,— сказал он, разглядывая ногти.

— Не ешь там всухомятку. Питайся регулярно.

— А как же иначе.

— Тебе необходимо выспаться!

— За этим дело не станет.

— Непременно звони мне каждый вечер. Желудочные таблетки не забыл?

— Обойдусь.

— Тебе нельзя выходить из дому без желудочных таблеток.— Она сбегала к аптечке.— Вот, держи.

Он опустил коробочку в карман пиджака и взялся за чемодан.

— Обязательно звони каждый вечер,— напомнила она.

Он пошел вниз по лестнице, жена следом.

— Не сиди на сквозняке,— сказала она.

Он чмокнул ее в лоб, открыл парадную дверь, вышел, закрыл за собою дверь.

Почти в тот же миг — не могло же это быть простым совпадением — мистер Коул и мистер Клеменц, ослепленные свободой, скатились каждый со своего крыльца, рискуя переломать ноги, и выбежали на середину улицы, где столкнулись с мистером Тийсом.

Они посмотрели друг на друга, потом на багаж и перебросились несколькими фразами, словно гулким эхом:

— Ты куда?

— Это что?

— Чемодан.

— Саквояж.

— Дорожная сумка!

— Братцы, а ведь мы в последний раз встречались посреди улицы двадцать лет назад — тогда был Хеллоуин, верно?

— Черт побери, а ведь сегодня как раз Хеллоуин!

— Так и есть. Что же нам достанется: гадости или сладости?

— А вот сейчас пойдем и узнаем!

И они, не сговариваясь, не сверяясь ни с картой, ни с планом, ни с записями, повернулись, как по команде, и стремглав ринулись в забетонированный сад Кит Рэндом, да так, что из-под каблуков полетели искры.

В течение последующих дней ее владения оглашались такими воплями, которые можно услышать разве что в трактирном кегельбане. За какую-то неделю трое мужей наведались туда в девять часов, в десять, а потом еще и в первом часу ночи, сверкая неизменными улыбками, которые пришлись им как раз впору, словно хорошо подогнанные фарфоровые челюсти.

Жены пытались унюхать пары спиртного, но вдыхали только волны ментола — мужчины предусмотрительно полоскали рот на улице, прежде чем предстать перед своими летающими крепостями.

Итак, вернемся к брошенным женам: какие кулинарные бастионы сооружали они, стоя у плиты? Какие проводили контратаки? Удалось ли им одер-

жать победу в сражениях и мелких стычках, если таковые случались?

Как на грех, мужчины, выскальзывая за дверь и стремглав перебегая через дорогу, каждый раз уносили из дома частицу тепла. В воздухе висел холод, и три хозяйки, как ледяные глыбы, замороженные прямо в корсетах, подавали свою стряпню к столу с таким видом, от которого ножи и вилки покрывались инеем. Горячий ростбиф, вынутый из духовки, в считанные минуты превращался в жесткую подошву. Когда мужья в недоумении поднимали глаза от еды, к которой прикасались теперь все реже и реже, они ловили на себе взгляд стеклянных зрачков — наподобие тех, что сверкали в ночной витрине элитного магазина оптики, — и слышали замогильный лязг добротной металлокерамики вместо легких колокольчиков смеха.

А один раз в каждом из трех домов был накрыт ужин при свечах, но в положенный срок никто не вышел к столу, и свечи оплыли без всякой пользы; между тем на противоположной стороне улицы звякали подковы, набрасываемые на столбик, полным ходом шло (только надо было хорошенько прислушаться) перетягивание каната, и голос Эла Джолсона время от времени заводил: «Бесчувственная Ханна, у ног ее Саванна — не думайте, что город вблизи Нью-Орлеана». От этого трое жен задолго

до рассвета начали пересчитывать столовое серебро, точить ножи и принимать успокоительную микстуру.

Но последней соломинкой, которая сломала спину верблюда и разметала весь караван, стал такой случай. Как-то в августе, когда выдался невероятно душный вечер, мужчины принялись нырять под струи садового дождевателя и, заметив в распахнутом окне ближайшего дома головы жен, закричали:

— Давайте все сюда, водичка — что надо!

Окно яростно захлопнулось.

Да так, что целых пять цветочных горшков свалилось с крыльца, шестеро кошек как угорелые кинулись в разные стороны, а десять собак завyli — добро бы на луну, а то ведь на безлунное небо — и не могли уgomониться до полуночи.

Краткое послесловие

За всю свою долгую жизнь я так и не удосужился получить водительские права и даже не научился управлять автомобилем. Но некоторое время тому назад мне приснилось, будто я еду по загородной дороге, а рядом находится моя вдохновительница — греческая муза. Это она вела машину, а я просто сидел рядом, на месте стажера.

У меня отпечаталось в памяти, что ее руки едва касались руля, а глаза скрывала белая шелковая повязка, ничуть, впрочем, не нарушавшая безмятежного стиля вождения.

Ее уста неумолчно нашептывали какие-то сентенции, мнения, идеи, вселенские истины, неусветные враки, которые я торопливо записывал в блокнот.

Но вскоре меня одолело любопытство: я протянул руку и сдвинул белый шелк, решив посмотреть, что скрывается под ним.

Ее незамутненные округлые глаза, подобно глазам античных статуй, оказались высеченными из белого мрамора. Незрячие, они были устремлены на дорогу; от этого я пришел в ужас, вцепился в стажерский руль, и мы едва не опрокинулись в кювет.

— Не надо, не надо,— шелестели ее губы.— Доверься мне. Я хорошо знаю этот путь.

— А я — нет! — вырвалось у меня.

— Ничего страшного,— шептала она.— Тебе и не обязательно знать. Кто хочет непременно взяться за руль, пусть вспомнит наставление Гамлета: «Будьте во всем равны». Закрой глаза. А теперь осторожно поворачивай.

Я так и сделал. Она так и сделала.

— Вот видишь? — снова раздался ее шепот.— Осталось совсем немного.

Так мы добрались до места назначения. А по ходу дела на свет появились все рассказы, вошедшие в эту новую книгу.

«Ночной поезд на Вавилон» — почти правдивая история: несколько лет назад меня чуть не вышвырнули из вагона, когда я попытался разоблачить шулера, игравшего в «три листика». После этого я прикусил язык.

«Старый пес, лежащий в пыли» — точное до мельчайших деталей повествование о том, как я

двадцатилетним парнем приехал в приграничный мексиканский городок и попал на цирковое представление. Милый моему сердцу грустный вечер, который я не забуду никогда в жизни.

К написанию рассказа «Все мы одинаковы» меня подтолкнул случай в книжном магазине «Эйкерс оф Букс», что в городе Лонг-Бич: однажды, ближе к вечеру, я бродил вдоль тускло освещенных стеллажей и обнаружил стопку датированных 1905 годом школьных вестников, со страниц которых (уму непостижимо) смотрели растиражированные лица моих однокашников выпуска 1938 года. Выскочив из магазина, я бросился писать этот рассказ.

«Шкура неубитого льва» — очередная вариация на темы причудливой реальности. Во время Второй мировой войны студия «МГМ» была замаскирована под здание авиационной компании «Хьюз Эйркрафт», а компания «Хьюз Эйркрафт», в свою очередь, скрывалась под вывеской «МГМ». Разве можно было обойти вниманием такую комедию?

Наконец, «Вождение вслепую» — это дань памяти моему знакомству с человеком-мухой, который, когда мне было двенадцать лет, взбирался по отвесным фасадам городских зданий. В жизни такие смельчаки — наперечет.

Как видите, если говорит Муза, я закрываю глаза и слушаю. Однажды, когда я жил в Париже, мне пришлось печатать на машинке слепым методом в темной комнате, без всякого освещения, и за семнадцать ночей я настроил полторы сотни страниц нового романа, не имея возможности проверить, что у меня получилось. Это ли не вождение вслепую?

*Рэй Брэдбери,
Лос-Анджелес,
8 апреля 1997 г.*

Примечания

Шкура неубитого льва

С. 20. *Первый павильон, где мы в тридцать четвертом построили «Баунти» и дворец Марии Антуанетты, а в тридцать девятом — интерьеры Тары.* — Имеются в виду историческая драма «Мятеж на “Баунти”» (1935) Ф. Ллойда по роману Ч. Нордхоффа и снимавшийся несколько лет блокбастер «Мария Антуанетта» (1938) У. С. Вандейка с Нормой Ширер в главной роли. Тара — поместье, где родилась Скарлетт О’Хара, героиня романа М. Митчелл «Унесенные ветром», экранизированного в 1939 г.

С. 21. *Хьюз, Говард (1905–1976)* — крупный американский промышленник, авиатор и кинопродюсер. Был известен своими экстравагантными выходками, любовными похождениями и пренебрежением к светскому этикету. С 1926 г. жил в Голливуде. В 1948 г. приобрел контрольный пакет акций киностудии «РКО», а в 1954–1955 гг. был ее владельцем. С 1950 г. вел затворнический образ жизни в номере люкс одного из отелей Лас-Вегаса.

С. 22. *«МГМ»* — киностудия «Метро-Голдвин-Майер», расцвет которой пришелся на 1930–1940 гг.

С. 23. *Лорел*, Стэн, и *Гарди*, Оливер (Олли) — псевдонимы популярнейших американских актеров-комиков Артура Стэнли Джефферсона (1890—1965) и Норвелла Гарди (1892—1957). (См. также «Не узнали?»)

С. 24. *Калвер-Сити* — город, примыкающий к Голливуду.

Кларк Гейбл (1901—1960) — знаменитый американский актер, эталон мужественности и романтизма. Наиболее известные роли — Ретт Батлер в «Унесенных ветром» и лейтенант Флетчер Кристиан в «Мятеже на “Баунти”» (см. выше).

Спенсер Трейси (1900—1967) — знаменитый американский актер; сначала играл преимущественно гангстеров — до главной роли в первом американском фильме Фрица Ланга «Ярость» (1936). Дважды лауреат «Оскара» за роли в фильмах «Отважные капитаны» (1937) и «Город мальчиков» (1938).

С. 28. ...на страже наших границ теперь не стоит *Пол Ревир*... — Пол Ревир (1735—1818) — легендарный герой американской Войны за независимость; увидел выдвижение английских войск и вовремя об этом предупредил американцев, проскакав из Чарлстауна в Лексингтон. Ему посвящено стихотворение Г. Лонгфелло «Скачка Пола Ревира».

Привет, я ухожу

С. 34. *Граучо Маркс* — один из братьев Маркс, известных американских артистов эстрады и кино, которые выступали под сценическими именами Чико (1887—1961), Гарпо (1888—1964), Граучо (1890—1977), Гаммо (1892—1977) и Зеппо (1901—1979).

Дерзкая кража

С. 59. *Моррисовское кресло* — большое кресло с откидывающейся спинкой и снимающимися подушками; названо по имени выдающегося английского дизайнера, художника-прерафаэлиты и писателя Уильяма Морриса (1834–1896).

С. 61. *Духи «Бен Гур», двадцать пятого года, появились одновременно с фильмом!* — Вторая (2,5-часовая) экранизация эпического романа Лью Уоллеса (1880), режиссеры Дж. Дж. Кон, Ф. Нибло, Ч. Брабин, Р. Ингрэм. Первую (15-минутную) снял в 1907 году С. Олкотт, третью (3,5-часовую, получившую премию «Оскар») — в 1959 году У. Уайлер.

Не узнали?

С. 77. *Рядимся в генерала Макарттура, сходим на берег в далекой стране и возвещаем: «Я вернулся!»* — Дуглас Макарттур (1880–1964) — генерал армии США. В 1942 г. был назначен главнокомандующим вооруженными силами союзников в юго-восточной части Тихоокеанского региона; после капитуляции Японии — главнокомандующий американскими оккупационными силами. В 1944 г., перед отправкой в Австралию, заявил: «Я прорвался; я еще вернусь!»

С. 82. *У. К. Филдз* (Уильям Клод Дюкенфилд, 1880–1946) — знаменитый американский актер-комик.

Все мы одинаковы

С. 145. *Измаил* — персонаж романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (1851).

С. 161. *И да пребудет с нами Бог, / Чтоб нам себя не позабыть.* — Цитата из стихотворения Р. Киплинга «Отпустительная молитва».

Старый пес, лежащий в пыли

С. 162. *Мексикали* (тж. Мехикали), *Калексико* — небольшие города, разделенные границей между США и Мексикой. Оба названия, по инициативе правительств сопредельных стран, были образованы из сложения топонимов *Мексика* и *Калифорния*.

Море Солтона — соленое озеро в США, на юге Калифорнии.

С. 164. *Тако* — горячая свернутая маисовая лепешка с начинкой из рубленого мяса, сыра, лука и бобов с острым соусом.

С. 166. *Джон Филип Суза* (1854–1932) — американский композитор и дирижер, «король марша», сочинивший более 130 военных маршей.

С. 172. *Мелба*, Нелли (1861–1931) — прославленная оперная певица, выступавшая на лучших сценах Европы и Америки. Начала концертную деятельность как пианистка в возрасте шести лет.

Сан-Луис-Потоси — город в Мексике, административный центр одноименного штата.

Хуарес — город в Мексике, куда в XX в. стекались рабочие со всей страны, привлеченные относительно высоким уровнем заработной платы.

С. 175. *Микки Руни* (р. 1920) — американский киноактер и телеведущий.

С. 176. *Фрэнсис Скотт Кей* (1779—1843) — американский композитор, автор государственного гимна США.

С. 177. *Клайд Битти* (1903—1965) — американский дрессировщик, исполнитель опасных номеров с хищными животными.

Фрэнк Бак (1888—1950) — американский путешественник, ловец диких животных и актер; снимался в приключенческих фильмах.

Болотные страсти

С. 268. *Надо же понять, успеем мы или не успеем «вкусить наследье плоти». Неужто его и вправду «сном кончаешь»? Или лучше будет «такой развязки не жаждасть»? — Ср.:*

...Умереть, уснуть —

И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, — как такой развязки
Не жаждасть? Умереть, уснуть. — Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне...

У. Шекспир. Гамлет. Пер. с англ. М. Лозинского / Полное собрание сочинений в 8 томах: Т. 6. М., 1960. С. 71.

Заводная птичка

С. 314. *Трианонская распутница* — Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де Помпадур (1721—1764), фаворитка французского короля Людовика XV, специально для нее построившего в Версале дворец Малый Трианон.

332 *Примечания*

С. 321. *Эл Джолсон* (Аса Йозельсон, 1886–1950) — популярный в США эстрадный певец, исполнитель главной роли в фильме «Певец джаза» (1927), в котором впервые использовались синхронизация звука и артикуляции.

Краткое послесловие

С. 324. «*Будьте во всем равны*» — У. Шекспир. Гамлет. Пер. с англ. М. Лозинского / Полное собрание сочинений в 8 томах: Т. 6. М., 1960. С. 75.

Елена Петрова

Содержание

Ночной поезд на Вавилон	7
Шкура неубитого льва	20
Привет, я ухожу	31
Дом разделившийся	43
Дерзкая кража	57
Не узнали?	74
Ложки-плошки-финтифлюшки	88
Вожделение вслепую	105
Где она, милая девушка Салли?	133
Все мы одинаковы	145
Старый пес, лежащий в пыли	162
Кто там, под дождем?	184
Мадам et мсье Шиль	198
Зеркало	210
Лето кончилось	221
Предрассветный гром	229

334 *Содержание*

На макушке дерева	242
Болотные страсти	257
Пречистая дева	274
Господин Бледный	288
Заводная птичка	300
Краткое послесловие	323
Примечания	327

Литературно-художественное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Рэй Брэдбери

ВОЖДЕНИЕ ВСЛЕПУЮ

Ответственный редактор *А. Гузман*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректор *Л. Ершова*

Иллюстрация на переплете *Виталия Аникина*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел. (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 02.12.2010. Формат 70х90 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,25.
Тираж 4000 экз. Заказ 9807.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-46519-4

9 785699 465194 >

DRIVING BLIND

RAY BRADBURY

За всю свою долгую жизнь я так и не удосужился получить водительские права и даже не научился управлять автомобилем. Но некоторое время тому назад мне приснилось, что я еду по загородной дороге, а рядом находится моя вдохновительница — греческая муза. Это она вела машину, а я просто сидел рядом, на месте стажера. <...>

Ее уста неумолчно нашептывали какие-то сентенции, мнения, идеи, вселенские истины, несусветные враки, которые я торопливо записывал в блокнот. <...>

...если говорит Муза, я закрываю глаза и слушаю. Однажды, когда я жил в Париже, мне пришлось печатать на машинке «слепым» методом в темной комнате, без всякого освещения, и за семнадцать ночей я настрочил полторы сотни страниц нового романа, не имея возможности проверить, что у меня получилось. Это ли не «Вождение вслепую»?

Рэй Брэдбери

ISBN 978-5-699-46519-4

